Отто Винцер

12 лет борьбы против фашизма и войны

Отто Винцер

12 лет борьбы против фашизма и войны

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

в период с 1933 по 1945 год

Перевод с немецкого
Н. С. ПОРТУГАЛОВА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1956

OTTO WINZER

ZWÖLF JAHRE KAMPF GEGEN FASCHISMUS UND KRIEG

EIN BEITRAG ZUR GESCHICHTE
DER KOMMUNISTISCHEN PARTEI DEUTSCHLANDS
1933 bis 1945

DIETZ VERLAG, BERLIN
1955

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Историей рабочего движения в Германии и особенно историей Коммунистической партии Германии всегда интересовались широкие круги советских читателей.

Однако до последнего времени было мало работ, освещающих историю борьбы рабочего класса Германии и его авангарда — германских коммунистов. Лишь за последние годы в Германской Демократической Республике появился ряд исследований и сборников документов, освещающих историю рабочего и коммунистического движения в Германии.

Работа Отто Винцера, члена ЦК Социалистической единой партии Германии, депутата Народной палаты Германской Демократической Республики, представляет собой попытку осветить важнейшие события истории Коммунистической партии Германии в 1933—1945 годы, которые до сих пор не были исследованы в исторической литературе. В своей работе Отто Винцер использовал новые, ранее неизвестные материалы и источники. Изучение истории КПГ этого периода имеет большое значение для уяснения истории Германии вообще и путей ее дальнейшего развития в частности.

Коммунистическая партия Германии за 1933—1945 годы проделала трудный путь. У нее были и ошибки и поражения. Но, как это явствует из предлагаемой вниманию читателя книги, немецкие коммунисты показали немало примеров мужественной и героической борьбы про-

тив гитлеризма и войны, развязанной германскими фашистами, понесли немало жертв в этой самоотверженной борьбе.

За 10 лет, прошедших со времени разгрома гитлеровской Германии, обстановка в Германии радикально изменилась. В Германии существуют и развиваются два государства, одно из которых — Германская Демократическая Республика — твердо вступило на путь социалистического развития. В этой связи особенно необходимо осмыслить ход исторического развития, дать правильное и верное освещение событий недавнего прошлого и освободить подлинную историю от искажений и домыслов, которые имеют место в книгах некоторых реакционных историков.

Послевоенная деятельность СЕПГ и КПГ неотделима от борьбы всех демократических сил Германии против возрождения германского милитаризма, за объединение Германии и превращение ее в единое, демократическое и миролюбивое государство. В книге Отто Винцера, анализирующей историю КПГ периода подполья, содержатся ценные сведения, которые помогут всем прогрессивным силам Германии извлечь уроки из прошлого.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

История Коммунистической партии Германии в период с 1933 по 1945 год — это история поистине беспримерной, героической борьбы, потребовавшей неисчислимых жертв, борьбы за интересы германского рабочего класса и всего германского народа против немецко-фашистского империализма, ввергнувшего Германию в бездну второй мировой войны. Еще с 1923 года, то есть задолго до описываемых событий, Коммунистическая партия Германии начала последовательную борьбу против фашизма, стремясь предотвратить развитие фашизма, уничтожить его в самом начале. После прихода фашизма к власти в Германии Коммунистическая партия Германии в своих решениях, принятых на партийных конференциях в Брюсселе (1935) и в Берне (1939), наметила путь к свержению гитлеровского режима и спасению нации, призывая к созданию единого фронта рабочего класса, к созданию народного фронта, который объединил бы всех свободолюбивых и миролюбивых немцев. После того как Гитлер развязал войну, которая постепенно захватывала все новые страны, Центральный комитет Коммунистической партии Германии в целом ряде своих решений и заявлений, и прежде всего в воззвании от 6 октября 1941 года, развил и конкретизировал эту генеральную линию всеобщей борьбы всех подлинно национальных сил германского народа.

Хотя в результате чудовищного террора, нечеловеческих пыток и казней, путем массовых арестов и заклю-

чения в тюрьмы и концлагери десятков тысяч людей нацистам и удалось за время своего господства разгромить организации Коммунистической партии Германии по всей стране и сильно уменьшить ее ряды, им, однако, никогда не удавалось сломить волю коммунистов к борьбе за мир и свободу. Даже в то время, когда гитлеровский фашизм находился в апогее своего могущества, когда гитлеровцы установили свое господство над всей Западной Европой и, опираясь на ее потенциал, напали на Советский Союз, даже в то время, когда упоенные военными успехами массы были охвачены фашистским угаром, гестапо вынуждено было признать в ряде своих секретных документов, что издание и распространение нелегальных коммунистических листовок и брошюр приняло огромные размеры, а группы сопротивления, созданные коммунистами из сознательных представителей рабочего класса, вновь возобновили свою деятельность. Героизм германских коммунистов — мужчин и женщин,— продолжавших в этой обстановке бороться против одурманивания масс и военной истерии, героизм людей, которых никакие преследования и даже мучительная смерть не смогли запугать, не получил еще должного освещения в нашей исторической литературе. Мы должны свято хранить революционные и боевые традиции германского рабочего движения, в историю которого германские коммунисты, боровшиеся против немецко-фашистского империализма и его военных преступлений, вписали самые славные страницы. Значение и особая актуальность этой задачи обусловливаются также современной борьбой против поджигателей новой войны, против милитаристов и реваншистов в Западной Германии.

Изложение политики и борьбы КПГ за 12 лет — с 1933 по 1945 год — представляет определенные трудности. Международная обстановка в эти годы была крайне сложной. Она характеризовалась рядом противоречивых политических событий, которые тесно связаны с послед-

ствиями экономических кризисов в капиталистических странах, а также с особенностями тактики господствующих классов в различных государствах. При этом нельзя забывать, что режим террора и плотная завеса лживой пропаганды препятствовали распространению сколько-нибудь правдивой и объективной информации об экономическом и политическом развитии в фашистских государствах и, в первую очередь, в гитлеровской Германии. Но политика партии рабочего класса, ее стратегические и тактические задачи определяются в результате глубокого изучения развития капиталистической экономики и политики, проводимой господствующими силами империализма. В кратком очерке, посвященном важнейшему периоду в истории Коммунистической партии Германии, приходится ограничиться попыткой охарактеризовать лишь в основных чертах это развитие и осветить значение и взаимосвязь решающих политических событий описываемого периода.

Одним из важнейших и наиболее ценных источников по изучению истории Коммунистической партии Германии являются речи и статьи товарищей Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, изданные в виде однотомников избранных произведений, по которым члены нашей партии и широкие круги германской общественности могут ознакомиться с этими источниками.

Однако, изучая этот двенадцатилетний период борьбы против фашизма и войны, необходимо учитывать следующее обстоятельство. Работы товарищей Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта появились в Германии в период подполья или публиковались за границей в легальных газетах и журналах, либо издавались в виде брошюр. Все эти материалы, следовательно, были доступны для фашистских шпиков и палачей. Поэтому авторы стремились в своих работах дать, в первую очередь, основные политические и тактические установки. В то же время они соблюдали крайнюю осторожность, касаясь

подлинно героической политической работы, которую коммунисты вели внутри страны, или приводя конкретные примеры из их деятельности. В противном случае в руках гестаповцев могли оказаться сведения, которые помогли бы им выследить явки и захватить глубоко законспирированных борцов-подпольщиков. Те же правила вынуждены были, впрочем, соблюдать и сами подпольщики при издании своих нелегальных газет и листовок. Здесь же следует отметить, что из многочисленных документов, запечатлевших непосредственную историю подпольной борьбы, сохранились лишь немногие. Все эти обстоятельства осложняют, разумеется, задачу историка, стремящегося с наибольшей полнотой и наглядностью отобразить героическую борьбу германских коммунистов против фашизма и войны.

Победа Советской Армии над гитлеровским фашизмом привела к уничтожению всего фашистского аппарата насилия. Был открыт доступ к тайным архивам гестапо и фашистских трибуналов. При написании данной работы были частично использованы материалы гестаповских архивов, а также обвинительные заключения и приговоры, вынесенные кровавой гитлеровской «юстицией» коммунистам и другим противникам Гитлера. Необходимо помнить, что к этим материалам как источникам для характеристики подпольной борьбы в Германии надлежит относиться с величайшей осторожностью. Но, даже учитывая это обстоятельство, из высказываний наших заклятых, кровных врагов можно почерпнуть исключительно важные сведения о масштабах и эффективности подпольной борьбы Коммунистической партии Германии. Таким образом, можно воссоздать картину борьбы, которую германские коммунисты вели в интересах рабочего класса, стремясь предотвратить гитлеровскую войну и тем самым спасти германский народ от катастрофы. Эта борьба полна героизма, самоотверженности и подлинного исторического величия.

Самый характер нелегальной борьбы обусловил тот факт, что многие документы и решения КПГ, относящиеся к 1933—1945 годам, мало известны и поныне еще мало доступны. Приняв во внимание это обстоятельство, автор в настоящих «Очерках по истории Коммунистической партии Германии» ряд резолюций и решений руководящих партийных органов цитирует более часто и широко, чем это обычно принято в такого рода работах. Некоторые из цитируемых и указываемых документов были предоставлены автору товарищем Вильгельмом Пиком из его личного архива. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить товарищу Пику искреннюю благодарность за его ценную помощь.

В основу работы были положены две лекции по истории Коммунистической партии Германии, прочитанные автором в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ и затем повторно прочитанные в некоторых партийных школах. Положительная оценка этих лекций укрепила уверенность автора в том, что в данный момент имеется настоятельная потребность в книге, которая отразила бы в основных чертах героическую борьбу КПГ против фашизма и войны. Вопросы и замечания со стороны слушателей и преподавательского состава побудили меня внести в книгу ряд дополнений и пояснений. При дальнейшей работе над рукописью я воспользовался помощью многих товарищей, которые дали мне немало весьма ценных указаний и поделились имевшимися у них сведениями. Среди них хочется отметить ряд сотрудников Института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК СЕПГ, которые, кроме того, предоставили в мое распоряжение ряд важных материалов. Я приношу горячую благодарность всем товарищам, помогавшим мне в работе над книгой.

Несмотря на то, что по сравнению с упомянутыми лекциями данная книга расширена и переработана, ее следует рассматривать лишь как краткий очерк истории

Коммунистической партии Германии за период с 1933 по 1945 год. Она не ставит своей задачей отобразить деятельность всех подпольных организаций и групп коммунистической партии в гитлеровском рейхе. Имеющийся в моем распоряжении материал, а также небольшой объем книги вынуждают меня остановиться лишь на немногих организациях, деятельность которых наиболее характерна для героической подпольной борьбы Коммунистической партии Германии. Борьба эта, а также вся деятельность коммунистов в подполье были настолько многогранны, что не представляется возможным отобразить ее со всей полнотой в первой же книге, посвященной этому героическому периоду в истории Коммунистической партии Германии.

Однако задача, которую ставил себе автор настоящих «Очерков по истории Коммунистической партии Германии», будет выполнена, если эта книга даст возможность извлечь из недавнего прошлого германского народа и германского рабочего движения серьезные уроки и осознать необходимость объединения рабочих всей Германии в борьбе против империалистических и милитаристских сил боннской республики. Уроки истории доказывают, что гонку вооружений и опасность третьей мировой войны, грозящую нашему народу, можно предотвратить лишь в том случае, если рабочий класс Германии станет ведущей, наиболее активной силой великого национального фронта, который объединит всех миролюбивых и прогрессивно настроенных немцев.

И пусть эта книга поможет также всему германскому рабочему движению продолжить славные боевые традиции германских коммунистов и свято сохранить память о преданности, самопожертвовании, о политической стойкости и решимости павших борцов.

Отто Винцер.

Берлин, февраль 1955 года

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ГЕРМАНИИ

Для того чтобы разобраться в причинах, которые привели гитлеровский фашизм к власти в начале 1933 года, необходимо вначале кратко рассказать о мировом экономическом кризисе и его особых последствиях в Германии. Всеобщий кризис 1929—1933 годов был наиболее длительным, всеохватывающим и глубоким циклическим кризисом из всех, которые когда-либо переживало капиталистическое общество. Эти его особенности объясняются тем, что в данном случае кризис перепроизводства развивался на основе всеобщего кризиса капитализма, был теснейшим образом связан с ним и повлек за собой невиданное обострение всех основных противоречий капиталистического общества. Кризис в промышленности охватил все без исключения капиталистические страны. Он слился с хроническим аграрным кризисом, привел к обострению последнего и, подвергшись его обратному воздействию, перешел, в свою очередь, в глубокий и длительный процесс.

Эти отличительные черты мирового экономического кризиса 1929—1933 годов проявились и в Германии. Но здесь его развитие сопровождалось еще некоторыми другими обстоятельствами. Поражение кайзеровской Германии в первой мировой войне было закреплено Версальским диктатом. Германский банковский и промышленный капитал, лишившись своих колоний, а также многих капиталовложений и полуколониальных рынков сбыта, стремился возместить эти потери путем неограниченной эксплуатации трудящихся в самой Германии. Бремя репарационных платежей было возложено на трудящиеся массы, в то время как для монополистического капитала, и в первую очередь для магнатов промышленности Рейн-

ской области и Рура, репарационные поставки, напротив, явились в высшей степени прибыльным делом. К тому же поставки по репарациям предоставляли им удобный предлог для получения гигантских иностранных, прежде всего американских, займов, краткосрочных и долгосрочных. Эти займы представляли собой существенную часть политики, связанной с планами Дауэса и Юнга. Они в значительной мере обеспечили финансирование германской промышленности и обусловили быстрое восстановление ее потенциала, то есть создали основы промышленности, необходимой для гонки вооружений в гитлеровской Германии. Следствием этих займов явилась также двойная эксплуатация германского рабочего класса как собственным, так и иностранным финансовым капиталом.

Когда в 1931 году иностранные кредиторы потребовали уплаты долгов по займам, это вызвало крах ряда крупнейших промышленных компаний и банков, что, в свою очередь, привело к крайнему обострению кризиса. В борьбе за увеличение экспорта Германия, как побежденная страна, экономика которой была опутана долгами по иностранным займам, с самого начала оказалась в невыгодном положении по сравнению с другими империалистическими государствами, преграждавшими путем высоких пошлин и импортных ограничений проникновение иностранных товаров на свои рынки. Только Советский Союз занял совершенно иную позицию по отношению к Германии. Именно в годы кризиса Германия почти вдвое увеличила свой экспорт в Советский Союз. Так называемые русские заказы обеспечили в эти тяжелые годы хлеб и работу сотням тысяч германских рабочих, которым угрожала безработица.

Зависимость от западных империалистов привела к тому, что кризис в Германии принял особенно острый и глубокий характер. За всю историю промышленного развития страны не наблюдалось еще такого падения производства во время кризиса, как в 1929—1932 годах. Общий индекс промышленного производства за 1929 год, то есть год максимального подъема, составлял 103,1. В 1932 году он снизился до 61,2. Производство, следовательно, сократилось на 40,6%. Но в промышленности, производящей средства производства, оно сократилось гораздо больше. Роковое значение этого обстоятельства

станет особенно ясным, если вспомнить, какое место занимают в Германии горнодобывающая и химическая промышленность, а также машиностроение. В промышленности, производящей средства производства, индекс упал с 103 в 1929 году до 48,4 в 1932 году. Производство здесь, следовательно, сократилось на 53%. В промышленности, производящей предметы потребления, за тот же период индекс упал со 106,2 до 79,4, что соответствует сокращению производства на 25,3%. Однако всю глубину экономического упадка в Германии в период крупнейшего кризиса капитализма можно себе представить, лишь приняв во внимание то обстоятельство, что даже в 1929 году, то есть в момент максимального послевоенного подъема, производственная мощность германской промышленности была использована лишь на 67,4%. А в 1933 году, если принять за основу 48-часовую рабочую неделю, производственная мощность германской промышленности использовалась всего лишь на 35,7%. Две трети производственной мощности страны оставались, следовательно, совершенно неиспользованными.

Эти цифры раскрывают причины хронического характера массовой безработицы в Веймарской республике. По данным Всеобщего объединения немецких профсоюзов, объединявшего в то время профсоюзы Германии, даже в 1929 году 13,2% промышленных рабочих были безработными. Число полностью безработных достигло в 1932 году 43,8%, а в первом квартале 1933 года — 44,7% от общего количества промышленных рабочих Германии. По средним данным той же профсоюзной статистики, за этот же отрезок 1932 года в Германии, кроме полностью безработных, составлявших 43,8% всех рабочих, 22,6% составляли частично безработные. Таким образом, полностью занятыми было лишь 33,6% промышленных рабочих.

Но даже эти цифры не отражают полностью ту ужасающую нужду, на которую были обречены германские рабочие в результате мирового экономического кризиса. Чрезвычайные декреты рейхсканцлера Брюнинга привели к систематическому ухудшению условий социального страхования и к сокращению пособий по безработице. Если в январе 1929 года 78,8% зарегистрированных безработных получали обычное пособие по безработице и лишь 5,1% — урезанное, так называемое кризисное посо-

бие, то в июне 1934 года полное пособие по безработице получали лишь 10,5% всех безработных, тогда как уже 33% получали кризисное пособие, 32% — пособие за счет средств благотворительности, а 24,5% всех зарегистрированных безработных вообще никакого пособия не получали. По данным буржуазного Института конъюнктурных исследований, общий доход рабочих, служащих и чиновников сократился с 44,5 миллиарда марок в 1929 до 25,7 миллиарда марок в 1932 году, то есть на 42,4%. В этих данных рабочие, частные служащие и государственные служащие объединены в одну группу. Но ведь последних, как известно, безработица и снижение заработной платы затрагивали в сравнительно меньшей степени. Такая статистика имеет своей единственной целью как-то затушевать общую неприглядную картину, то есть исказить действительность. Ознакомившись с приведенными цифрами и фактами, легко представить себе, насколько опустошительными были последствия кризиса для крестьян, ремесленников и прочих представителей средних слоев. Растущая безработица и неуклонное снижение пособий, сокращенный рабочий день и падение уровня заработной платы, сокращение оборотов и массовые банкротства среди торговцев и ремесленников, непосильные долги, давившие крестьян, участившиеся случаи продажи их имущества с молотка — все эти вопросы, как и ряд других, жизненно важных моментов, определяли политические настроения почти всех слоев населения. Не было ни одной партии, ни одной профсоюзной или любой другой массовой организации деятельность и успехи которой не определялись бы последствиями кризиса и попытками найти выход из создавшегося положения или, во всяком случае, не зависели бы от них в той или иной степени.

Обнищание широких масс крестьянства и мелкой буржуазии создало в Германии благодатную почву для роста нацизма. Путем беззастенчивой демагогии, с помощью лживых лозунгов «освобождения» от «процентного рабства» и даже «требований» раздела крупных помещичьих владений нацистам удалось создать для себя социальную базу среди крестьянских масс и натравить крестьян на рабочих. Такие нацистские лозунги, как «общность крови», «народ без жизненного пространства», «раса господ» и т. д., разжигали национализм и шовинизм и тем

способствовали подготовке новой войны. «Долой хищников-капиталистов!», «Долой универсальные магазины!» — с помощью этих и им подобных «антикапиталистических» лозунгов нацистские главари стремились ввести в заблуждение разоренных кризисом ремесленников, мелких торговцев, представителей свободных профессий, а также частных и государственных служащих и натравить их на организованных рабочих.

Именно невероятной нуждой широчайших масс, экономическими причинами, страхом за свое существование объясняется подъем нацистского движения в годы кризиса. Не случайно, что нацистская партия начала особенно быстро расти в 1930 году, когда кризис стал сказываться с особой силой, как не случайно и то, что наибольшего влияния на массы нацисты достигли в момент, когда кризис достиг своего апогея. Развитие экономического кризиса способствовало тому, что шовинистическая пропаганда нацистов имела определенное влияние, так как нацисты старались изобразить Версальский договор единственной причиной всех бедствий, вызванных кризисом. Безудержный шовинизм, беззастенчивая социальная демагогия помогли нацистам укрепить свое влияние не только в широких массах крестьян и мелкой буржуазии, и без того настроенных националистически, но и среди отсталых или деклассированных элементов рабочего класса. Вовлекая представителей всех этих слоев населения в свои вооруженные отряды (СА и СС), фашисты использовали их для кровавого террора против рабочего движения, против всех свободолюбивых и миролюбивых сил.

В то же время в стране развивались и совершенно противоположные этому процессы. Опустошительные последствия кризиса повысили активность и решимость к борьбе у классово-сознательных рабочих и помогли новым слоям трудящихся понять то, что их бедствия могут прекратиться лишь со свержением капитализма. В сознании трудящихся масс, по словам Сталина, зрела идея штурма капитализма. Германский же финансовый капитал стремился предотвратить такое развитие путем уничтожения буржуазно-демократических свобод и установления фашистской диктатуры.

Банковские воротилы и заправилы концернов и картелей, не колеблясь, взяли курс на преднамеренное обо-

стрение последствий кризиса. Хотя мировой экономический кризис, будучи кризисом перепроизводства, в общем влек за собой понижение цен на товары, тресты, концерны и картели продолжали поддерживать монопольные цены на высоком уровне, что ухудшало положение масс и затягивало кризис. Даже тогда, когда товарные излишки стали рассасываться, монополисты избегали принимать новые заказы. Путем массовых локаутов они стремились удалить с предприятий политически зрелых рабочих, и прежде всего коммунистов, и подорвать таким образом боевые силы рабочего класса. Одновременно они осуществляли с помощью правительства ряд мероприятий, направленных на снижение заработной платы, на сокращение пособий по безработице и пособий из фондов благотворительности, на ухудшение системы социального обеспечения.

Между тем нацистская партия продолжала получать миллионные подачки из фондов магнатов тяжелой индустрии. Уже с 1930 года все владельцы предприятий горнодобывающей промышленности, входивших в Рурский угольный синдикат, отчисляли в фонд нацистской партии по 5 пфеннигов с каждой проданной тонны угля. 27 января 1932 года в клубе промышленников в Дюссельдорфе Гитлер и его ближайшее окружение встретились с магнатами тяжелой промышленности. После этой встречи (в ней приняли участие около 300 промышленных воротил) предприниматели остальных отраслей тяжелой промышленности и другие крупные монополисты также стали делать взносы в фонд нацистской партии. Эти средства покрывали не только расходы на погромную пропаганду фашистов, но и расходы на вооружение, обмундирование и содержание их террористических банд.

Таким образом германский монополистический капитал не только переложил на плечи трудящихся бремя последствий мирового экономического кризиса, но и старался их обострить с целью установления фашистской диктатуры. Стало ясно, что «...буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии...» [1]

Развитие и затухание мирового экономического кризиса сыграло, таким образом, важную роль в установле-

[1] И. Сталин, Соч., т. 13, стр. 293.

нии и укреплении фашистской диктатуры в Германии. Собственно кризисная фаза охватила период приблизительно с середины 1929 года до конца 1933 года. Низшей точки падения циклический экономический кризис в Германии достиг в августе 1932 года, когда объем промышленного производства сократился до 58,5% по сравнению с уровнем 1928 года. С этого момента падение производства прекратилось и сменилось даже незначительным оживлением. В течение 1933 года кризис, следовательно, перешел в депрессию особого рода. Такой ход экономического развития, разумеется, помог германскому монополистическому капиталу установить и укрепить нацистскую диктатуру.

Эта депрессия особого рода, как ее назвал И. В. Сталин, характеризуется тем, что она не смогла привести капиталистический мир к новому подъему промышленной продукции, которая нигде не только не превысила уровня 1929 года, но и не достигла его. Чем это объяснялось? Причиной этого являлся, разумеется, всеобщий кризис капитализма, продолжавшийся в ходе наступившего циклического кризиса, который не разрешил ни одного из обострившихся основных противоречий капитализма. Сохранилась хроническая недогрузка предприятий, а следовательно, и хроническая массовая безработица. Аграрный кризис не прекратился, что также препятствовало новому подъему в промышленности. Не было даже намека на тенденцию к сколько-нибудь серьезному обновлению постоянного капитала, то есть к строительству новых предприятий и оснащению старых предприятий новой техникой и т. д. Но, как известно, именно обновление постоянного капитала влечет за собой промышленный подъем. Внутренних сил капиталистической системы хватило лишь на то, чтобы преодолеть низшую точку кризиса и перейти в следующую фазу цикла, то есть в депрессию. Но действительное оживление, подлинная фаза процветания были невозможны без больших реальных накоплений и, следовательно, без обновления и расширения постоянного капитала. Существовавшая еще до кризиса незагруженность производственных мощностей создавала серьезные препятствия для капиталовложений в новые средства производства.

В момент прихода Гитлера к власти точка наибольшего кризисного упадка была, таким образом, уже прео-

долена. Но производство было еще ограничено, активность предпринимателей парализована, цены на товары застыли на низшем уровне, капитал нигде не находил себе сферы приложения, а ссудный процент был крайне низок. Таково было общее положение во всех главных капиталистических странах. Но в экономическом развитии Германии при нацистах проявилась, однако, новая черта — резкое переключение промышленности на производство вооружений, общий переход на рельсы военной экономики. Это позволило нацистам использовать во все возрастающей степени имевшиеся промышленные мощности и оснастить новой техникой ряд старых предприятий. Кроме того, было начато строительство новых военных заводов, стратегических дорог и других военных сооружений. Поэтому депрессия в Германии в отличие от большинства капиталистических стран приняла иной характер. Но это был, разумеется, не подлинный промышленный подъем, а переход от кризиса и депрессии на рельсы военной экономики.

В этой связи следует вспомнить цифровые данные о росте промышленности в главных капиталистических странах, приведенные И. В. Сталиным в Отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б) в марте 1939 года. Объем промышленной продукции в различных странах в процентах к уровню 1929 года (1929 год принят за 100) за период с 1934 по 1938 год изменялся следующим образом: в США в течение этих лет он составлял соответственно 66,4; затем поднялся до 75,6; 88,1; 92,2 и, наконец, вновь опустился до 72,0; во Франции он составлял 71,0, затем опустился до 67,4, поднялся до 79,3, затем — до 82,8 и в последнем году этого периода вновь опустился до 70,0. Примерно такую же картину являло собой экономическое развитие Англии и Италии. Не может быть никакого сомнения в том, что в 1938 году капиталистический мир вползал в новый экономический кризис, не успев еще оправиться от предыдущего.

В Германии, напротив, объем промышленной продукции в процентах к уровню 1929 года в период с 1934 по 1938 год изменялся иначе и определялся в течение этих лет соответственно следующими цифровыми показателями: 79,8; 94,0; 106,3; 117,2 и, наконец, 125,0. Комментируя эти цифры, Сталин указывал, что в Германии, которая позже Италии и Японии перестроила свою эко-

номику на военный лад, промышленность пока еще (на начало 1939 года) переживает состояние некоторого, правда, небольшого, но все же движения вверх. Однако тут же он подчеркивал, что, если не случится чего-либо непредвиденного, промышленность Германии должна будет встать на тот же путь движения вниз, на который уже встали Япония и Италия [1]. Таким «непредвиденным» обстоятельством явилась война. Бесспорно, что страх перед начинавшимся экономическим кризисом, который нельзя было остановить даже переводом экономики на военные рельсы, был одной из причин, побудивших Гитлера и стоявших за ним магнатов монополистического капитала как можно скорее ввергнуть Германию в авантюру второй мировой войны. Война вполне отвечала тем целям, которые монополии ставили перед собой, допустив Гитлера к власти в Германии.

Необычайно тяжелые последствия мирового экономического кризиса укрепили решимость господствующих сил германского монополистического капитала избавиться от последних ограничений и запретов Версальской системы и второй раз попытаться силой оружия установить свое безраздельное господство в Европе и во всем мире. Это проявилось с достаточной ясностью уже в июне 1933 года на мировой экономической конференции в Лондоне. Гугенберг, гитлеровский министр экономики, выступил на конференции в Лондоне с меморандумом, в котором предлагалось осуществить ряд мероприятий, направленных якобы на преодоление экономического кризиса. Гугенберг потребовал урегулировать вопрос о международных долгах, вернуть Германии ее африканские колонии и предоставить немцам «как народу, лишенному жизненного пространства», новые земли на Востоке, которые эта «полная энергии раса» могла бы заселить и освоить. Меморандум Гугенберга представлял собой попытку придать международный характер той борьбе на уничтожение, которая велась в самой Германии против коммунистов. Вся мировая пресса восприняла выступление Гугенберга именно как призыв к крестовому походу против Советского Союза. Выдвигая пресловутый лозунг «Дранг нах Остен» («натиск на Восток») и рекламируя

---

[1] См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, 1952, стр. 566—567.

себя в качестве застрельщика и ударной силы антисоветского фронта, гитлеровское правительство рассчитывало заручиться согласием других империалистических держав на возрождение германского милитаризма.

Советское правительство уже на этой мировой экономической конференции решительно выступило против агрессивных устремлений Германии. Не ограничившись этим, оно направило германскому правительству ноту протеста против выступления Гугенберга. Статс-секретарь Бюлов заявил тогда от имени германского правительства, что планы колонизации, о которых говорилось в меморандуме Гугенберга, не распространяются на территорию Советского Союза и что сам меморандум не дает Советскому правительству оснований для такого истолкования.

Однако весь дальнейший ход событий показал, что, выступая в Лондоне, Гугенберг, по сути дела, провозгласил программу фашистского германского империализма, хотя, быть может, и сделал это слишком рано. Первым же своим выступлением на международной конференции гитлеровское правительство показало, что оно намерено любой ценой, даже путем новой мировой войны, добиться передела мира в пользу германских империалистов.

Сначала, впрочем, шовинистическая пропаганда и подготовка к борьбе за первенство в Европе и во всем мире проводилась еще под лозунгом так называемого «равноправия». Этим лозунгом гитлеровское правительство оперировало на конференции по разоружению. В его ноте от 6 октября 1933 года, направленной правительствам Англии и Италии, говорилось: «Германия желает либо получить полную свободу, либо подвергнуться таким ограничениям, которые были бы одинаковы для всех других государств».

Лозунг «равноправия» был, следовательно, призывом к вооружению, он означал право подготовки к новой мировой войне. Германский империализм, возродившийся после второй мировой войны, ничуть не изменился в этом отношении. Для правящих кругов Западной Германии и их вдохновителей «суверенитет» и «равноправие» есть не что иное, как право вооружаться и готовить новую войну. Необходимо своевременно раскрыть эту преемственность агрессивной политики германского империализма, какой бы личиной она ни прикрывалась.

14 октября 1933 года гитлеровское правительство объявило о том, что оно покидает конференцию по разоружению и выходит из Лиги Наций. Выход гитлеровской Германии из Лиги Наций явился началом нового этапа как во внешней политике самой Германии, так и в международных отношениях вообще. Всему миру стало ясно, что гитлеровский рейх планомерно готовит второй поход ради установления мирового господства германского империализма. Реакционные силы германского финансового капитала видели в этом единственный приемлемый для них выход из кризиса.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ — ОРГАНИЗАТОР БОРЬБЫ МАСС ПРОТИВ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЦИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Германский финансовый капитал в союзе с милитаристскими кругами юнкерства поставил гитлеровцев у власти с целью осуществления своей империалистической программы подавления всех революционных и свободолюбивых сил внутри страны и подготовки захватнической войны. Для политической обстановки в стране в 1932 году была характерна поляризация сил — борьба между революционными силами, с одной стороны, и реакционными, фашистскими силами — с другой. Если принять результаты выборов в качестве критерия, то вплоть до выборов в рейхстаг в июле 1932 года на стороне фашистов было постоянно возраставшее преимущество. Однако во второй половине 1932 года наметился перелом в пользу революционных сил. На выборах 6 ноября 1932 года нацисты потеряли около 2 миллионов голосов. Количество голосов, полученных компартией, напротив, возросло на 700 тысяч, а общее число поданных за коммунистическую партию голосов составило около 6 миллионов. Количество же голосов, поданных за социал-демократическую партию Германии, сократилось. Но эта потеря была возмещена ростом количества голосов, полученных КПГ.

Но не результаты выборов являлись решающим фактором в этой борьбе. Антифашистская кампания, начатая и проводимая Коммунистической партией Германии, находила все более широкий отклик у рабочих — социал-демократов, а также у организованных в профсоюзы рабочих. Все чаще выступали совместно коммунисты, социал-демократы и беспартийные рабочие. Правые же социал-демократические лидеры отклоняли все предложения Коммунистической партии Германии об установлении единого фронта. Более того, многие из них,

занимая в Веймарской республике посты даже полицей-президентов, брали под свою защиту штурмовые отряды нацистской партии. Но, несмотря на это, рабочие, действуя сообща, добивались значительных успехов в борьбе против фашистского террора. Крупная забастовка рабочих-транспортников в Берлине показала вместе с тем, что, нéсмотря на массовую безработицу, такие забастовки, направленные против снижения жизненного уровня рабочих, вполне осуществимы. Одновременно с этим в деревне росло сопротивление крестьян, боровшихся против конфискации имущества за неуплату налогов и против принудительных распродаж.

Все эти явления побуждали реакционные силы монополистического капитала и юнкерства стремиться к установлению своего неограниченного господства и насильственному подавлению революционных сил. Нельзя считать случайным то обстоятельство, что предварительные переговоры, в результате которых было решено свергнуть правительство Шлейхера и провозгласить Гитлера рейхсканцлером, состоялись 5 января 1933 года в загородной вилле кельнского банкира Курта фон Шредера и что, кроме Шредера, в этих переговорах приняли участие Тиссен, Папен и Гитлер. Не случайно также и то, что фон Папен добился от президента Гинденбурга отставки правительства Шлейхера, сославшись на то, что Шлейхер якобы намеревался вмешаться в скандальное дело о так называемой «Восточной помощи», то есть выступить против выплаты крупным прусским землевладельцам (юнкерам) значительных сумм из налоговых поступлений. По существу, здесь действовали главные движущие силы фашистской диктатуры — наиболее реакционные круги германского финансового капитала в союзе с юнкерским милитаризмом. Представители этих кругов действовали за кулисами, подготавливая приход Гитлера к власти.

Однако было бы упрощением считать, что развитие гитлеровской диктатуры было определено заранее во всех подробностях. Это, разумеется, было не так. Бесспорно, существовали известные разногласия в вопросе о том, в каких формах и какими методами должно осуществляться неограниченное господство монополистического капитала. Таковы были разногласия между нацистами и немецко-национальной партией, а также между

этими двумя партиями и партией католического центра. После образования гитлеровского правительства 30 января 1933 года Гугенберг, Папен и «фюрер» «Стального шлема» Зелдте полагали, что они теперь смогут использовать в своих целях широкие круги сторонников нацистской партии и при этом оказывать решающее влияние на новое правительство. Поэтому в самом правительстве в первые недели его существования выявились определенные разногласия, отражавшие разные интересы различных групп банковского капитала, тяжелой индустрии и крупных аграриев. Являясь партией наиболее реакционной и наиболее враждебной рабочему классу части империалистической буржуазии, гитлеровская партия стремилась к единоличному господству во вновь созданном правительстве, так называемом правительстве национальной концентрации, и требовала безоговорочного подчинения со стороны других его членов. Для достижения этой цели Гитлер немедленно распустил рейхстаг и назначил новые выборы на 5 марта 1933 года. Гитлер хотел с самого начала устранить возможность какого-либо контроля за его действиями со стороны рейхстага, во время выборов которого 6 ноября 1932 года он потерпел тяжелое поражение. С помощью государственного аппарата, ограбления государственной казны, с помощью миллионных подачек, предоставленных ему финансовым капиталом, Гитлер намеревался провести выборы в обстановке террора, обеспечив при этом нацистской партии большинство и образовав таким путем парламент, который находился бы в полной зависимости от него. Одновременно путем кровавого, беспощадного террора фашисты стремились разгромить рабочее движение и прежде всего уничтожить коммунистическую партию.

В этой связи необходимо вспомнить характеристику создавшегося положения, данную Эрнстом Тельманом в его выступлении на пленуме ЦК Коммунистической партии Германии, состоявшемся нелегально в Цойтене 7 февраля 1933 года. Тельман охарактеризовал правительство Гитлера — Гугенберга — Папена как правительство открытой фашистской диктатуры, готовящее войну против Советского Союза. Это налагало на каждого коммуниста высокую ответственность, какой не было прежде в истории Коммунистической партии Германии. Одновременно Эрнст Тельман указывал, что *«в методах*

этого правительства открытой фашистской диктатуры заложены все возрастающие возможности усиления террора» и всякий, кто будет сомневаться в том, «что это правительство не остановится перед любыми методами самого жестокого террора, подвергнет партию серьезной опасности» (курсив мой.— *О. В.*). «Буржуазия,— говорил Тельман,— полна решимости разгромить партию, разгромить весь авангард рабочего класса» [1].

Весь дальнейший ход событий полностью подтвердил правильность этого предостережения, сделанного Эрнстом Тельманом. Из этой оценки вытекала настоятельная необходимость применения всех средств массовой борьбы в целях свержения гитлеровского режима, прежде чем он успеет укрепиться. ЦК Коммунистической партии Германии сразу же после прихода Гитлера к власти призвал к массовым стачкам и к применению других форм массовой борьбы против гитлеровской диктатуры. ЦК КПГ обратился с призывом об установлении единого фронта к социал-демократической партии, к Всеобщему объединению немецких профсоюзов, к Всеобщей конфедерации служащих, а также к христианским профсоюзам, предлагая им совместно с коммунистами объявить всеобщую стачку. Это предложение полностью соответствовало требованиям момента. Осуществление его привело бы, по всей вероятности, к успеху, то есть к свержению только что созданного гитлеровского правительства. Мы располагаем в настоящее время документами, которые ясно подтверждают правильность такой точки зрения.

Согласно записи совещания членов кабинета в рейхсканцелярии 30 января 1933 года в 5 часов пополудни, Гитлер опасался, что *«предполагаемое запрещение коммунистической партии вызовет тяжелые внутреннеполитические осложнения, а возможно, и всеобщую стачку.* В экономике, бесспорно, необходимо полное спокойствие. *Но на вопрос о том, что представляет бóльшую опасность для экономики: неуверенность и тревога в случае новых выборов или всеобщая стачка, — по его мнению, следует ответить, что всеобщая стачка гораздо опасней»* [2] (курсив мой. — *О. В.*).

---

[1] Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Dietz Verlag Berlin, 1954, Bd. I, S. 654.

[2] «Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof», Nürnberg, Bd. XXV, S. 372 ff. Подроб-

В той же записи говорится далее:

«Рейхсминистр иностранных дел изучил вопрос о том, что следует предпочесть с внешнеполитической точки зрения: роспуск ли КПГ, который, вероятно, *вызовет всеобщую стачку,* или новые выборы в рейхстаг. Он пришел к выводу, что роспуск КПГ и *всеобщая стачка, которая может последовать вслед за этим, представляют гораздо большую опасность»* [1] (курсив мой. — *О. В.).*

Геринг пытался рассеять эти опасения ссылкой на то, что, по имеющимся данным, «социал-демократическая партия в настоящий момент не примет участия во всеобщей стачке». И действительно, правые лидеры социал-демократической партии и Всеобщего объединения немецких профсоюзов отвергли предложение ЦК КПГ об установлении единого фронта. Более того, в своем воззвании от 31 января правление социал-демократической партии заявило:

«Мы ведем свою борьбу в рамках конституции и намерены защищать всеми средствами политические и социальные права народа от любых посягательств. Необходимо сохранять полную боевую готовность для этой решающей борьбы».

Это была пресловутая политика выжидания, осуществлявшая на практике лозунг Зольмана и других правых социал-демократических лидеров, которые проповедовали, что можно допустить Гитлера к власти, так как это приведет к его провалу. Призывая массы выжидать и обрекая их тем самым на бездеятельность, правые социал-демократические лидеры обрекали на гибель от рук фашистов даже своих собственных сторонников, оставляя их беззащитными в обстановке кровавого террора штурмовиков и эсэсовцев. Именно правым лидерам социал-демократии и Всеобщего объединения немецких профсоюзов Гитлер обязан тем, что его вновь созданному правительству не пришлось столкнуться с массовыми забастовками или даже со всеобщей стачкой. Учитывая, что лагерь буржуазии раздирали противоречия, которые проявлялись и внутри гитлеровского правительства, можно с уверен-

---

нее цитируется в книге Кучинского (J. Kuczynski, Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland 1933—1945, Berlin, 1953, S. 19).

[1] J. Kuczinski, Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland 1933—1945, Berlin, 1953, S. 19.

ностью сказать, что такие действия масс предотвратили бы окончательный захват Гитлером власти и не дали бы фашистскому режиму возможность укрепиться. Вместо всего этого социал-демократическая партия в своем предвыборном воззвании от 3 февраля призвала массы бороться с фашизмом лишь путем избирательных бюллетеней, что вполне соответствовало желаниям Гитлера и Геринга.

В то время как правые социал-демократические и профсоюзные лидеры делали все возможное, чтобы парализовать волю масс к борьбе, террор фашистских банд — штурмовиков и эсэсовцев — усиливался, причем он был направлен не только против коммунистов, но и против социал-демократов, профсоюзных активистов и рейхсбаннеровцев[1]. В результате во многих городах и районах страны стало расти число совместных выступлений против фашистского террора. В отдельных случаях имели место и совместно проводимые забастовки. Эрнст Тельман указывал в своем выступлении от 7 февраля, что партия добилась несомненного успеха в мобилизации масс на демонстрации протеста и активную борьбу против фашистского террора. Но основной задачей было попрежнему установление единства действий рабочего класса. Только оно могло привести к мощным объединенным стачкам в главных отраслях промышленности и на крупнейших предприятиях. 10 февраля во время похорон трех убитых нацистами молодых рабочих-коммунистов состоялся грандиозный митинг. Один из этих рабочих был убит в момент, когда он спешил на помощь группе рейхсбаннеровцев, подвергшихся нападению гитлеровцев. Выступая на этом митинге, товарищ Пик заявил:

«Нам пора, наконец, принять решение об организации единого классового фронта для защиты рабочих масс! Протянем же друг другу руки и воздвигнем железную стену борцов против буржуазии, против всех врагов рабочего класса... Пора перестать успокаивать себя разговорами о том, что мы можем одолеть наших врагов каким-то иным путем, отказавшись от борьбы. Ждать

---

[1] Члены полувоенной организации социал-демократической партии, основанной в 1924 году для защиты республики против фашистских и реакционных элементов. Однако руководство СПГ неоднократно натравливало рейхсбаннеровцев на коммунистов. В 1933 году эта организация была запрещена Гитлером.— *Прим. ред.*

больше нельзя! Каждый день приносит новые жертвы. Неужели рабочие обречены на нищету и на гибель?»

Вильгельм Пик заключил свою взволнованную речь следующими словами:

«Товарищи рейхсбаннеровцы! Социал-демократы! Братья по классу! Над могилами павших борцов мы, коммунисты, протягиваем вам братскую руку. Не отталкивайте ее. В нашем единстве залог нашей будущей победы над всеми нашими врагами».

Стремясь вопреки всем препятствиям установить единство действий рабочего класса перед лицом фашистской опасности, Эрнст Тельман обратился 27 февраля с открытым письмом к рабочим — социал-демократам, к членам свободных и христианских профсоюзов и к рейхсбаннеровцам. В письме указывалось не только на серьезность создавшегося положения, но и раскрывались большие возможности успеха, которые таит в себе совместная борьба всех рабочих, к которой неустанно призывает Коммунистическая партия Германии. Эрнст Тельман писал:

«Так же как и 20 июля прошлого года, КПГ в связи с приходом Гитлера к власти обращается теперь, 30 января сего года, к социал-демократам, к Всеобщему объединению немецких профсоюзов, к Всеобщей конфедерации служащих и к христианским профсоюзам с предложением о совместной борьбе. Ваши руководители отклонили это предложение.

От имени сотен тысяч членов коммунистической партии, от имени более чем 6 миллионов рабочих, работниц и заводской молодежи, оказавших на последних выборах в рейхстаг доверие коммунистической партии и отдавших ей свои голоса, я протягиваю всем вам, членам и функционерам социал-демократической партии, свободных профсоюзов и миллионам беспартийных рабочих, братскую руку для совместной борьбы против фашизма.

Подлые фашистские убийцы, вооруженные ножами, пистолетами и бомбами, нападая на рабочих, не обращают внимания на то, какой членский билет рабочие носят в кармане, и не делают различия между коммунистами, социал-демократами и членами христианских профсоюзов. В борьбе антифашистов за свободу принадлежность к различным партиям не должна быть препятствием для совместных действий, для совместной борьбы...

Если мы, рабочие, работницы и заводская молодежь, чьими руками создаются все ценности, будем бороться совместно плечом к плечу, то мы будем непобедимы. Если мы будем бороться совместно, то нам удастся вовлечь в единый фронт освободительной борьбы миллионные массы крестьян-бедняков, служащих, чиновников, мелкой буржуазии городов.

Мы призываем вас обсудить в своих организациях это предложение Коммунистической партии Германии об установлении единого фронта. Обсудите вместе с коммунистами, вашими братьями по классу, меры, необходимые для нашей борьбы. Организовывайте вместе с коммунистами группы самообороны. Рабочие на предприятиях, безработные на биржах труда, объединяйтесь в единый фронт! Создавайте вместе с нами представительные органы для руководства борьбой масс в едином пролетарском фронте. В них товарищи и братья по классу — коммунисты и социал-демократы, христиане и атеисты, организованные и неорганизованные рабочие — будут в тесном сотрудничестве организовывать нашу совместную борьбу» [1].

Но социал-демократические лидеры отвергли предложение КПГ об установлении единого фронта, несмотря на то, что число жертв фашистского террора среди социал-демократов, профсоюзных активистов и рейхсбаннеровцев все возрастало. Они все еще надеялись, что Гитлер будет соблюдать Веймарскую конституцию, и с помощью такого рода аргументов удерживали рабочих от борьбы, что в данной обстановке было равносильно самоубийству.

---

[1] Цит. по книге Ульбрихта (Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 660—661).

ЧУДОВИЩНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Несмотря на то, что коммунистическая пресса была запрещена, а собрания и демонстрации компартии разгонялись силой, коммунисты продолжали мобилизовывать широкие массы своих сторонников на участие в предвыборной борьбе. Эрнст Тельман, выступая на пленуме ЦК КПГ 7 февраля 1933 года, потребовал проявлять максимальную активность в проведении предвыборной кампании и разоблачать перед массами гитлеровское правительство, олицетворяющее режим фашистского террора, капиталистической эксплуатации и империалистической войны, разоблачать это правительство капиталистов и крупных землевладельцев. При этом следовало предостеречь массы от всякого рода парламентских и легалистских иллюзий и мобилизовать массы на борьбу против фашистской диктатуры непарламентскими методами. Благодаря бесстрашной борьбе коммунистов, разнообразию форм и методов этой борьбы уже спустя 14 дней после образования гитлеровского правительства стало ясно, что ему не удастся добиться существенных изменений в результатах выборов по сравнению с предыдущими выборами 6 ноября 1932 года. Именно поэтому Фрик, один из нацистских главарей, заявил в своей речи 19 февраля в Дрездене:

«Если даже на выборах 5 марта правительство не получит необходимого большинства... то мы и в этом случае не откажемся от наших мер по ограждению безопасности германского народа. *Мы не намерены добровольно оставить поле боя.* От запрещения КПГ, которого мы неоднократно требовали ранее, следует теперь отказаться. Компартию надо подавить *иными методами*».

Существо этих «иных методов» заключалось в подготовке грандиозной провокации, которая должна была послужить поводом для жесточайшего, ничем не ограниченного террора против коммунистов. Усиливая свою лживую агитацию против «большевистской опасности», нацистские заправилы рассчитывали одновременно оттеснить на второй план своего партнера по коалиции — немецко-национальную партию.

23 февраля Геринг организовал полицейский налет на Карл Либкнехт-хауз в Берлине[1], затем фашисты стали распространять по всему миру дикие вымыслы о мнимых планах восстания, катакомбах, якобы имеющихся внутри Карл Либкнехт-хауза, и других антибольшевистских «ужасах».

На следующий же день, 24 февраля, Геринг издал указ о создании вспомогательной полиции из отрядов штурмовиков и эсэсовцев.

26 февраля нацистский гаулейтер Саксонии Мучманн, выступая на митинге в Глахау-Альбертштале, заявил: *«Нужна Варфоломеевская ночь! Без этого не обойтись.* Национал-социалисты будут наготове. Никакой жалости! *Сентиментальность неуместна!»*

27 февраля отряды СА получили приказ находиться в состоянии боевой готовности в своих казармах. В подвалах были оборудованы тюремные камеры, а также камеры пыток, снабженные плетками, стальными прутьями, веревками, чанами с водой и бутылками с касторовым маслом.

Вслед за этой тщательной подготовкой 27 февраля вечером последовала грандиозная провокация — так называемый поджог рейхстага. Из дворца рейхспрезидента, которым в то время был Геринг, группа специально подобранных видных нацистов проникла в рейхстаг по подземному ходу и подожгла здание. На месте преступления поджигателями был специально оставлен в качестве подставного лица голландец, дегенерат Ван дер Люббе. Почти все видные руководители штурмовых отрядов, принимавшие участие в поджоге рейхстага, были впоследствии в разное время уничтожены Гитлером, Герингом и Геббельсом как неудобные, слишком много знающие сообщники.

[1] Здание в Берлине, где в то время размещались различные учреждения Коммунистической партии Германии.— *Прим. ред.*

Поджог рейхстага был представлен фашистами как начало мнимого коммунистического восстания и был использован ими как повод для массовых арестов коммунистов. В одном только Берлине в ночь на 28 февраля было арестовано 1500 человек, а по всей стране арестовали более 10 тысяч коммунистов. Волна дикого террора прокатилась по всей Германии. Началась бешеная погромная травля коммунистической партии. Гитлер, основываясь на параграфе 48 Веймарской конституции, добился от президента Гинденбурга подписания чрезвычайного декрета, который, по сути дела, ликвидировал самую конституцию и все гарантируемые ею права. Таким путем Гитлер стремился узаконить дикий террор, бесчинства и насилия, чудовищные пытки и убийства.

Во время массовых арестов фашистские изверги схватили 3 марта 1933 года и Эрнста Тельмана. Это был тяжелый удар, нанесенный партии. в исключительно серьезной обстановке. Партия лишилась своего лучшего, наиболее стойкого и целеустремленного руководителя. Но в этот ответственный момент партия показала себя достойной своего вождя. 7 февраля на пленуме ЦК в заключительной части своей речи Тельман указывал партии:

«Нужно неуклонно держать курс на сохранение партии и ее развитие вопреки террору и всем ударам фашистов!

Необходимо проводить политику единого фронта для мобилизации масс на борьбу!

Необходима также концентрация всех сил для организации сопротивления масс, для борьбы масс. Демонстрации, забастовки, массовые стачки и, наконец, всеобщая стачка — все эти формы массовой борьбы должны быть противопоставлены фашистской диктатуре!

Нужно держать твердый курс на ликвидацию всех парламентских иллюзий, на подготовку масс к внепарламентской, массовой борьбе!

Надо всячески способствовать развитию инициативы самих масс, развитию самостоятельности, активности внутри низовых парторганизаций и в руководящих органах!

Претворение всего этого в жизнь означает поражение и разгром фашистской диктатуры! Вперед, на борьбу! Выполним свой революционный долг во имя

победы германского рабочего класса и всего трудового народа!»[1]

Партия продолжала борьбу в духе этих указаний Тельмана.

Несмотря на террор и бешеную травлю, несмотря на то, что десятки тысяч лучших партийных функционеров и рядовых коммунистов были арестованы и подвергнуты чудовищным пыткам в застенках СА, а сотни из них убиты, коммунистическая партия добилась большого успеха на выборах 5 марта 1933 года, получив 4848 тысяч голосов. Если прибавить к этому многочисленные демонстрации, забастовки и вооруженные столкновения, то следует прийти к выводу, что уже в этот первый период гитлеровского господства *Коммунистическая партия Германии была единственной, действительно борющейся силой, стойкой и последовательной противницей фашизма.* Попытка гитлеровского фашизма уничтожить, истребить коммунистическую партию одним мощным ударом, путем массового террора потерпела неудачу.

---

[1] Цит. по Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I, S. 659.

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ» ОРУЖЕНОСЦЫ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Результаты выборов 5 марта 1933 года еще и в другом отношении не оправдали ожиданий гитлеровцев: социал-демократическая партия потеряла лишь небольшое количество голосов, а количество голосов, поданных за партию католического центра и немецко-национальную партию, даже несколько увеличилось. В общем за нацистов голосовало 17,7 миллиона человек, а за все остальные партии, вместе взятые, — 21,5 миллиона. Эти результаты имеют немаловажное значение для правильного освещения позорной капитуляции перед нацистской диктатурой партий, именовавших себя «демократическими». Для того чтобы наскрести большинство в две трети голосов в рейхстаге для принятия закона о чрезвычайных полномочиях [1], Гитлер отнял у коммунистической партии 81 мандат, полученный ею на выборах 5 марта. Он арестовал коммунистических депутатов и 9 марта объявил их мандаты недействительными. После этого незаконного аннулирования значительного числа мандатов рейхстаг, разумеется, не являлся больше органом народного представительства, избранным конституционным путем. Оставаясь даже на позициях буржуазного парламентаризма, партия центра, германская демократическая партия и социал-демократическая партия имели полную возможность сорвать все попытки Гитлера придать своему правительству хотя бы видимость законности. Так называемым демократическим партиям было, в сущности, достаточно лишь опубликовать соответствую-

[1] По закону о чрезвычайных полномочиях (Ermächtigungsgesetz), принятому рейхстагом 23 марта 1933 года, гитлеровское правительство получило законодательные права, принадлежавшие ранее, согласно конституции, лишь парламенту. — *Прим. ред.*

щее совместное заявление об антиконституционном характере нового рейхстага и отказаться от участия в нем. Это, конечно, не привело бы еще к падению гитлеровского правительства, но лишило бы его возможности вводить в заблуждение народные массы утверждением о якобы «законном приходе к власти», что, в свою очередь, облегчило бы мобилизацию масс на борьбу против фашистской диктатуры. Но названные выше партии были далеки уже и от такой даже с точки зрения буржуазного парламентаризма вполне оправданной позиции.

Правое крыло партии католического центра, представлявшее интересы магнатов тяжелой индустрии, стремилось прежде всего оказать поддержку гитлеровскому правительству и даже не помышляло как-либо воспрепятствовать ему и тем более не собиралось порицать его за кровавый террор против рабочего движения. На заседании рейхстага 23 марта лидер фракции центра прелат Каас заявил под аплодисменты нацистских депутатов: «В этот час, когда грозовые тучи собираются над Германией и окружают ее со всех сторон, мы, партия центра, во имя спасения германской нации, во имя ее процветания протягиваем руку всем, в том числе и нашим прежним противникам»[1].

Вслед за тем фракция центра в полном составе голосовала за предоставление Гитлеру чрезвычайных полномочий. В эту фракцию входил тогда целый ряд нынешних сподвижников Аденауэра, а именно: Якоб Кайзер, доктор Генрих Фокель, доктор Генрих Кроне, доктор Елена Вебер, Пауль Бауш, Пауль Гибберт и другие. Если выступление прелата Кааса, рассчитанное на германскую и мировую общественность, носило еще довольно туманный характер, то Аденауэр откровенно выразил истинные взгляды того крыла партии центра, которое выражало интересы магнатов тяжелой индустрии. На заседании кельнского муниципалитета фракция центра, политическим лидером которой был обер-бургомистр Кельна Аденауэр, выступила 30 марта 1933 года с заявлением, в котором говорилось:

«Мы ни в коем случае не должны препятствовать правительству, призванному к власти господином рейхс-

---

[1] «Verhandlungen des Reichstags», 8 Wahlperiode, 1933, Bd. 457, S. 37.

президентом и образованному в ходе успешной национальной революции. Такое сопротивление могло бы привести к серьезным и непредвиденным последствиям. Учитывая сложившуюся обстановку, следует создать для этого правительства возможно более широкую базу, на которую оно могло бы опереться.

Мы приветствуем уничтожение коммунизма и подавление марксизма, осуществленное ныне в таких масштабах, которые были невозможны в течение всего послевоенного периода. Проникновение социалистических идей в германский народ, начавшееся с 1918 года, не позволяло нам до сих пор приступить к созданию государства, которое соответствовало бы нашим воззрениям, ибо католическое меньшинство было в состоянии предотвращать лишь наиболее угрожающие последствия социализма».

Из этих слов видно, что реакционные круги Западной Германии уже не впервые выступают с призывами к уничтожению коммунизма и подавлению марксизма. Точно так же не впервые они в этих целях вступают в союз с запятнанными кровью нацистскими и эсэсовскими главарями и с гитлеровскими генералами. Правда, в наши дни они пока еще борются с коммунизмом другими методами, но основная линия их политики, то есть политика германского империализма, остается та же.

Именно для лучшего понимания современного политического развития в Западной Германии необходимо более настойчиво, чем раньше, напомнить о том, что лидеры партии католического центра не только расчистили дорогу фашизму своими чрезвычайными декретами в период Веймарской республики, но и явились его прямыми оруженосцами. К последним относятся Эрнст Леммер, ныне один из лидеров западноберлинской организации христианско-демократической партии, и другие, которые вместе с вышеназванными лидерами партии центра проголосовали в рейхстаге 23 марта 1933 года за предоставление Гитлеру чрезвычайных полномочий и тем самым узаконили кровавую диктатуру фашистов. Наконец, не следует забывать, что тогдашний генеральный суперинтендант[1], а ныне епископ Дибелиус благословлял гитлеровское правительство во время совершения «государст-

[1] Суперинтендант — церковный чин в евангелической иерархии; глава евангелической церкви определенной области.— *Прим. ред.*

венного акта в Потсдаме»[1]. Выступая с проповедью в церкви св. Николая, он говорил: «Начало каждого нового периода в истории государства так или иначе связано с насилием. Если государство вершит свой суд над теми, кто стремится подорвать основу государственного порядка, над теми, кто с презрением отвергает веру и злобно желает погибели отечеству, то да будет с государством благословение божье»[2].

Дибелиус говорил далее в своей проповеди о сотнях тысяч немцев, якобы изнывающих под гнетом иноземного владычества, и заявил, что судьба вынуждает германский народ «снова с оружием в руках отвоевывать свою свободу».

Германский народ не должен никогда забывать, что политика этих «демократических» представителей интересов монополистического капитала, как и позиция, занятая князьями церкви, не только способствовала установлению кровавого нацистского режима, но и помогла гитлеровцам ввергнуть страну в катастрофу второй мировой войны.

---

[1] Состоявшаяся 21 марта церемония передачи власти гитлеровскому правительству.— *Прим. ред.*

[2] «Verhandlungen des Reichstags», 8 Wahlperiode, 1933, Bd. 457, Beilage «Der Staatsakt in Potsdam».

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТЕРРОРА НАЦИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ И ПОДАВЛЕНИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

После того как все буржуазные партии позорно капитулировали перед нацистской диктатурой, поддержав лживую версию о «законном» приходе фашистов к власти, последние развернули кампанию бешеного террора против всего рабочего движения в целом. С чудовищной силой и невиданной жестокостью фашисты обрушились, как и раньше, в первую очередь на коммунистов. Нужно сказать, что, несмотря на разоблачение коммунистами кровавых злодеяний фашизма перед лицом всего мира и подготовку к переводу партии на нелегальное положение, большинство членов коммунистической партии все же недооценивало масштабов террора и не предвидело тех беспримерных зверств, на которые оказался способен фашизм. При всем мужестве, проявленном подавляющим большинством коммунистов, при всей их стойкости арест десятков тысяч лучших и наиболее известных партийных работников не мог не отразиться на аппарате партии и явился для него очень тяжелым ударом.

Но, к чести коммунистической партии, следует отметить, что руководство на местах, в многочисленных первичных организациях проявило в эти дни большую самостоятельность и большей частью правильно ориентировалось в создавшейся обстановке. Об этом свидетельствуют, прежде всего, правильная оценка провокационного поджога рейхстага и ясное понимание необходимости всеми средствами продолжать борьбу. Было выпущено огромное количество газет и листовок, расклеено множество плакатов и лозунгов. На фабричных трубах и рудоподъемных башнях вывешивались красные флаги и транспаранты. На выборах заводских советов в марте 1933 года нацистам, по их собственным данным, несмот-

ря на разнузданную демагогию и жестокий террор, удалось получить лишь 25% поданных голосов.

Однако потребовалось все же известное время, чтобы восстановить в новой обстановке — обстановке безудержного террора и полнейшей конспирации — прерванную связь между руководящими органами партии и ее организациями на местах. Подпольный аппарат Центрального комитета КПГ продолжал выпускать центральный орган партии — газету «Роте Фане» — и различные листовки, а также распространял издаваемые за границей нелегальные журналы компартии и Коммунистического Интернационала. В условиях небывало жестокого террора и травли это было величайшим достижением коммунистической партии и ее кадров, воспитанных Эрнстом Тельманом.

Героическую борьбу коммунистической партии необходимо, конечно, рассматривать в неразрывной связи с общей политической ориентацией, которая возникла в сложившейся обстановке. Характеризуя эту новую обстановку, компартия указывала, что в данный момент главной целью и содержанием ее борьбы является не создание советской социалистической Германии, а защита демократических свобод и прав трудящихся. К этому вопросу мы еще вернемся в главе, посвященной VII Конгрессу Коммунистического Интернационала и Брюссельской конференции КПГ.

Когда фашистский террор распространился на профсоюзы, то есть на крупнейшие массовые организации рабочего класса, особенно тяжело сказался один из известных организационных недостатков КПГ. Речь идет не о количественном недостатке членов партии. Ведь к концу 1932 года партия насчитывала около 360 тысяч членов, объединяемых в 2210 заводских ячейках, в 6 тысячах домовых ячейках и в почти 6500 территориальных группах. Имеется в виду слабость позиций партии непосредственно на предприятиях, а также и в профсоюзах. К началу мирового экономического кризиса лишь 48% общего числа членов партии работало на предприятиях. Большинство ее членов уже в то время были безработными.

В ходе кризиса положение еще более ухудшилось: в 1932 году непосредственно на предприятиях работало всего лишь 11% от общего числа членов партии. По мере обострения классовой борьбы в конце двадцатых годов

правые профсоюзные лидеры исключили из профсоюзов тысячи коммунистов. Для того чтобы вопреки стремлениям правых профсоюзных лидеров продолжать борьбу в защиту рабочих и против наступления капиталистов, КПГ создала Революционную профсоюзную оппозицию, объединившую как исключенных из профсоюзов коммунистов, так и еще остававшихся в них членов партии, а также беспартийных рабочих. Для рабочих некоторых профессий, в частности для строителей и трубопрокладчиков, где число исключенных из профсоюзов было особенно велико, были созданы новые «красные профсоюзы». Но Революционная профсоюзная оппозиция насчитывала лишь 160 тысяч членов, а вновь организованные «красные профсоюзы» — всего 95 тысяч. Таким образом, число членов в обеих организациях не достигало даже численности членов партии. К тому же некоторые члены партии стояли в этом вопросе на сектантских позициях, преувеличивая значение Революционной профсоюзной оппозиции. Все эти причины привели к тому, что в профсоюзах работало сравнительно небольшое число активных членов коммунистической партии. В результате большинство героически боровшихся членов компартии были безработными или оказывались в значительной степени изолированными от рабочих — членов профсоюзов на многих крупнейших промышленных предприятиях, имевших решающее значение.

Этой организационной слабостью КПГ объясняется то обстоятельство, что правым лидерам СПГ и Всеобщего объединения немецких профсоюзов удалось убедить рабочих, входивших в эти организации, в необходимости выжидательной политики, хотя эти рабочие и готовы были начать борьбу. Та же слабость дала возможность правым социал-демократическим лидерам совершить неслыханное предательство по отношению к профсоюзам, которые с головой были выданы фашистам, причем лидеры СПГ даже не попытались сопротивляться их насильственной «унификации». Наконец, эта слабость мешала коммунистам разоблачать перед рабочими на предприятиях демагогические маневры нацистских фюреров. Одним из таких трюков было провозглашение нацистами дня 1 мая «днем национального труда». Нацисты хотели создать у рабочих впечатление, будто они намерены бороться за претворение в жизнь их старых

требований. При этом они пользовались полной поддержкой правых профсоюзных лидеров. Уже 1 апреля 1933 года газета «Металльарбейтер цейтунг» писала:

«Если теперь пришло, наконец, время покончить с экономической нуждой, то никто не приветствует это столь горячо, как профсоюзы. Они готовы сотрудничать и, конечно, не замедлят доказать это на деле. Если правительство (имеется в виду кровавое гитлеровское правительство. — *О. В.*) горячо возьмется за дело, то оно одержит моральную победу и привлечет на свою сторону те 48% избирателей, которые не голосовали за него на выборах 5 марта».

Правые профсоюзные лидеры предприняли еще более позорную попытку заслужить доверие гитлеровского правительства. 21 апреля они обратились через прессу ко всем членам профсоюзов с призывом принять участие в фашистских первомайских митингах и в праздновании так называемого «дня национального труда». Это было беспримерное умаление достоинства профсоюзов, трусливый отказ от всех принципов классовой борьбы; эта бесстыдная попытка превратить профсоюзы во вспомогательные органы кровавой фашистской диктатуры могла лишь укрепить уверенность гитлеровцев в своих силах и вызвать еще более жестокие меры против профсоюзов.

Но ни мутный поток социальной демагогии, который нацистские главари обрушили на рабочие массы, ни предательство интересов профсоюзных масс правыми профсоюзными лидерами не дали желаемых результатов: день 1 мая не принес фашистам того успеха, на который они рассчитывали. Им, конечно, удалось добиться выхода на демонстрацию большого количества людей как путем агитации среди поддерживавших их широких кругов мелкой буржуазии, так и путем террора и принуждения. У них не было, однако, никаких иллюзий относительно того, что основные силы организованного рабочего класса отказались от участия в гитлеровской майской демонстрации, между тем им это участие в тот момент было необходимо. Более того, КПГ удалось в этот день провести свои контрдемонстрации в целом ряде крупных городов и промышленных центров. Эти демонстрации, хотя и стоили немалых жертв, оказали, однако, большое влияние на трудящихся.

Капитулянтская политика правых лидеров Всеобщего объединения немецких профсоюзов, с одной стороны, и сопротивление рабочих — с другой, усилили стремление фашистов во что бы то ни стало окончательно расправиться с профсоюзами как с самой массовой организацией пролетариата, лишить ее силы. 2 мая фашисты захватили принадлежавшие профсоюзам здания. Была провозглашена «унификация» профсоюзов, то есть преобразование их в «Германский трудовой фронт». Значительные денежные средства и другое имущество профсоюзов, ради сохранения которых правые профсоюзные лидеры отказывались от всякой борьбы, были просто захвачены гитлеровцами. Многие профсоюзные активисты были арестованы, подвергнуты пыткам в застенках СС и СА, брошены в концлагери.

Создавшаяся обстановка настоятельно требовала от антифашистов установления тесных связей с бывшими членами профсоюзов, объединенными теперь в «Германском трудовом фронте», необходимо было пробудить в них классовое сознание и использовать их опыт работы в профсоюзах, надо было мобилизовать массы на борьбу против фашистской диктатуры. В мае 1933 года, несколько дней спустя после насильственной «унификации» профсоюзов, Вальтер Ульбрихт писал:

«Сознательные рабочие не должны забывать, что, хотя фашистским бандитам и удалось изменить систему руководства профсоюзами, им никогда не удастся уничтожить классовое сознание и боевой опыт профсоюзов, сломить волю к борьбе за жизненные интересы рабочего класса. Противоречия между фашистскими, капиталистическими интересами и интересами рабочего класса будут непрерывно расти и обостряться. Но это обострение приведет к революционной борьбе масс лишь в том случае, если мы сумеем укрепить и упрочить наши связи с массами и приложим все силы к тому, чтобы привлечь на свою сторону всех членов профсоюзов» [1].

К сожалению, в других партийных решениях эта правильная ориентация на работу среди широких масс «унифицированных» профсоюзов не нашла достаточного отражения. Выдвинутый некоторое время спустя лозунг о

---

[1] «Rundschau», Basel, Nr. 14, 19 Mai 1933, S. 434—435.

создании «независимых красных профсоюзов» также не способствовал развертыванию общей борьбы коммунистов и профсоюзных деятелей, которые стремились к восстановлению своих старых свободных профсоюзов. Конечно, и после того как был выдвинут лозунг о создании «независимых красных профсоюзов», коммунисты продолжали самоотверженно вести эту большую работу в подполье. Так, например, в Берлине в конце 1933 года и в первой половине 1934 года было восстановлено большинство подпольных профсоюзных групп в ряде отраслей промышленности, созданы профсоюзные комитеты на многих важнейших предприятиях. Был начат выпуск нелегального центрального органа профсоюзов — газеты «Классенгеверкшафт», а также ряда профсоюзных газет для рабочих-металлистов, чертежников, для служащих и еще двух или трех групп рабочих других отраслей промышленности. Были распространены специальные листовки по поводу фашистского Закона о национальном труде, а также к 1 мая 1934 года и после кровавой резни 30 июня 1934 года. Но и новое название — «классовые профсоюзы» — не изменило сути дела. Работа в основном велась в рамках старой Революционной профоппозиции ее старыми активистами, которые не опирались на массы членов профсоюзов, насильственно загнанных в «Германский трудовой фронт».

При этом в известной мере мешало работе сектантство, которое определенно проявлялось по отношению к старым профсоюзным активистам. Не уделялось достаточного внимания тому обстоятельству, что безоговорочная капитуляция и последующая «унификация» Всеобщего объединения немецких профсоюзов явились горьким уроком и для части некогда влиятельных профсоюзных лидеров. Под влиянием этого банкротства лучшие из них стали искать новых путей и были готовы, хотя и не без некоторых оговорок, на сотрудничество с коммунистами. Однако некоторые коммунисты видели в переговорах с некогда влиятельными профсоюзными работниками чуть ли не проявление оппортунизма. Положение изменилось только после решения ЦК КПГ, принятого 1 августа 1934 года, в котором говорилось об установлении единой линии в профсоюзном вопросе и выдвигалось требование восстановления свободных профсоюзов.

Но даже и при наличии упомянутых недостатков факты из истории подпольной профсоюзной работы в Берлине и почти во всех важных индустриальных районах страны свидетельствуют о том, что *и в вопросе о профсоюзах коммунистическая партия была единственной партией, которая с самого начала решительно и последовательно боролась против уничтожения самой массовой организации пролетариата, защищала профсоюзные и социальные права рабочих.*

ЗАПРЕЩЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ. «УНИФИКАЦИЯ» БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ И КОНКОРДАТ ВАТИКАНА С ГИТЛЕРОВСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Что касается социал-демократической партии или большинства старых профсоюзных лидеров, то о них нельзя сказать то же, что говорилось выше о КПГ. Они проповедовали политику выжидания и самоизоляции, спекулируя на различных иллюзиях, вроде пресловутого вмешательства генералитета рейхсвера. Подобные взгляды, усиленно распространявшиеся эмигрантским руководством СПГ и представителями Амстердамского интернационала профсоюзов среди бывших социал-демократов и профсоюзных деятелей, причинили немало вреда. Это было не что иное, как продолжение губительной старой политики «меньшего зла» и сотрудничества с монополистическим капиталом в новых условиях подполья.

Несмотря на «унификацию» профсоюзов, которая, бесспорно, тяжелей всего ударила именно по СПГ, несмотря на то, что активисты социал-демократической партии подвергались преследованиям, а социал-демократические газеты были запрещены и типографии конфискованы, — несмотря на все это, социал-демократическая фракция в рейхстаге упорно стремилась создать платформу, на основе которой социал-демократия могла бы «легализоваться» в гитлеровском государстве. Более того, она стремилась к соглашению с Гитлером. Это особенно ясно выявилось на заседании рейхстага 17 мая 1933 года, на котором Гитлер выступил с заявлением по внешнеполитическим вопросам. Оно было одобрено всеми представленными в рейхстаге партиями. От Гитлера, Геринга и Геббельса до Якоба Кайзера, Теодора Хейса, а также до Курта Шумахера и Эрнста Рейтера — депутаты всех фракций с трогательным единодушием выразили свое согласие с заявлением и проголосовали за него, заявив,

что «в вопросе о равноправии германского народа, в этом вопросе, от которого зависит дальнейшее существование нации, рейхстаг решительно поддерживает имперское правительство»[1], то есть господство гитлеровцев. Нет никакого сомнения в том, что все эти фракции рейхстага понимали при этом, что гитлеровское «равноправие» означает равноправие в вооружениях, а гитлеровская внешняя политика — это политика подготовки новой мировой войны. Проголосовав в рейхстаге за политику Гитлера, социал-демократы, демократическая партия и партия католического центра тем самым помогли Гитлеру ввести в заблуждение большую часть немецкого народа и другие народы относительно ее истинных целей и явились соучастниками гитлеровцев в политической подготовке второй мировой войны.

Несмотря на то, что социал-демократы оказали прямую поддержку Гитлеру, несмотря на то, что СПГ вышла из II Интернационала, а созванная Паулем Лёбе 19 июня 1933 года Всегерманская конференция СПГ избрала новое руководство партии, которое публично отреклось от старого правления, находившегося в эмиграции в Праге, гитлеровское правительство все же опасалось сплочения рабочих — членов социал-демократической партии. Чтобы навсегда обезопасить себя от этого, оно решило запретить СПГ. В официальном заявлении по этому вопросу от 22 июня 1933 года указывалось, что «социал-демократическую партию следует считать партией, враждебной германскому народу, партией, против которой должны быть применены те же меры, что и против коммунистической партии».

Социал-демократам в Западной Германии и в Западном Берлине полезно как можно чаще вспоминать эту фразу из нацистского декрета о запрещении их партии. Социал-демократов в нацистском рейхе постигла та же участь, что и коммунистов. Ни антикоммунистическая пропаганда, ни отклонение всех предложений об установлении единого фронта с коммунистами не спасли социал-демократов от этого. Подобная политика также не сможет спасти их и в наши дни в случае победы милитаристской реакции. Исторический опыт показывает, что, только объединившись для совместной борьбы, коммуни-

[1] «Verhandlungen des Reichstags», 8 Wahlperiode, 1933, Bd. 457, S. 54.

сты и социал-демократы смогут дать отпор любым посягательствам фашистской и милитаристской реакции на права и завоевания трудящихся.

Запрещение социал-демократической партии положило начало «унификации» или самороспуску всех остальных партий. 27 июня 1933 года немецкий национальный фронт объявил о своем самороспуске на основе так называемого дружественного соглашения с нацистами. 4 июля «решение» о самороспуске приняли также баварская народная партия и германская народная партия. Наконец, 5 июля 1933 года такое же решение было принято и немецкой партией католического центра. В воззвании, выпущенном ею по этому поводу, говорилось, что в момент, когда «необходимо слить воедино все силы нации для защиты государства и народа от вражеских происков», нельзя сбрасывать со счетов сторонников партии католического центра, которые и сами не желают этого. *«Бывшие члены партии центра, больше чем кто бы то ни было, полны искреннего стремления внести свой вклад в дело построения нового государства и создания новой национальной общности»*. Так, в момент самороспуска партия, которая ныне под названием христианско-демократической стала главной партией боннской правительственной коалиции, открыто выразила свою солидарность с гитлеровским режимом. *Правое крыло партии католического центра, объединявшее магнатов тяжелой индустрии, люди, группировавшиеся вокруг Папена, Клёкнера, Пфердменгеса и других, делали общее дело с Гитлером. Начиналась гонка вооружений, сулившая им огромные прибыли.*

В этой связи нельзя кратко не упомянуть о позиции верхушки католической церкви. Побуждаемые ненавистью ко всему прогрессивному, и прежде всего к марксистскому рабочему движению, эти реакционеры вместе с магнатами тяжелой индустрии из партии католического центра сделали все возможное, чтобы облегчить приход гитлеровского фашизма к власти и помочь ему укрепить свою кровавую диктатуру. В послании к верующим католикам ко дню троицы немецкие католические епископы заявили, что они менее, чем кто бы то ни было, склонны недооценивать национальное возрождение и тем более не намерены препятствовать ему. Далее в «пастырском» послании говорилось буквально следующее:

«Наша святая католическая церковь всегда достигала полного единства, сплоченности и силы, которая повергала в удивление даже наших врагов именно благодаря тому значению, которое мы придавали авторитету власти, как ее форме, так и ее внутреннему смыслу. *Поэтому нам, католикам, легко оценить по достоинству новое, твердое проявление власти в германском государстве, и мы легко, с готовностью подчиняемся ей.* Эта готовность является не только естественной добродетелью человека, но и заповедью божьей. *Ибо мы усматриваем в любой человеческой власти отражение царства божия и приобщение к вечной власти божества...* Мы, католики, приветствуем также и те цели, которые преследует новая государственная власть, защищая свободу нашего народа».

Восхвалять гитлеровскую власть, которая к тому времени уже успела запятнать себя кровавыми преступлениями против коммунистов, социал-демократов и трудящихся-христиан, как «отражение царства божия» могли лишь люди, лишенные всякой совести. Для каждого подлинно религиозного человека это было самым гнусным кощунством. Однако послание католических епископов Германии вполне соответствовало политическим целям Ватикана, заключившего месяц спустя конкордат с гитлеровским рейхом. Этот конкордат был со стороны Ватикана подписан 20 июля 1933 года кардиналом — государственным секретарем Пачелли, ныне занимающим под именем Пия XII папский престол, а со стороны Германии — Францем фон Папеном. Римская католическая церковь признавала в этом конкордате, что германскому католическому духовенству запрещается любая политическая деятельность. Тем самым она почти в демонстративной форме одобряла роспуск партии католического центра. Но гораздо более важным было то, что в результате заключения этого конкордата преступные, запятнанные кровью национал-социалистские главари, против которых во всем мире поднялась волна гнева и отвращения, были признаны Ватиканом, то есть верховной властью католической церкви всего мира. Нацисты вскоре после этого предприняли ряд попыток устранить с помощью заключенного конкордата недоверие широких масс трудящихся-католиков в Германии и сломить их сопротивление.

К чести многочисленных христианских рабочих надо сказать, что они не одобряли позорного союза магнатов тяжелой индустрии из партии католического центра и высшего духовенства с гитлеровцами. Более того, многие из этих рабочих стали впоследствии активными участниками подпольной борьбы против гитлеровского режима. То же самое относится и к представителям низшего духовенства, которые вместе с верующими рабочими и членами союза христианской молодежи принимали деятельное участие в борьбе против гитлеровцев. Об этом свидетельствует, в первую очередь, процесс в берлинском трибунале по делу капеллана Иозефа Россэнта, приговоренного к 11 годам каторжной тюрьмы. Россэнт вместе с группой представителей христианской молодежи и с членами германской коммунистической организации молодежи вел борьбу против преступлений нацистов, против вооружения и подготовки войны. В «Докладе главного управления безопасности СС», написанном в феврале 1936 года, совместная антифашистская борьба коммунистической и католической молодежи охарактеризована следующим образом: «По уже упомянутому в докладе за прошлый месяц *делу капеллана Россэнта из Дюссельдорфа, обвиняемого в государственной измене,* арестовано еще 54 человека. Среди них — 8 священников, председатель союза католической молодежи, руководитель боевой католической организации, а также несколько районных руководителей союза католической молодежи. Между этими лицами и руководящими коммунистическими работниками в конце 1933 года велись переговоры об образовании единого фронта. Руководители союза католической молодежи оказывали коммунистам материальную помощь и предоставляли им явочные квартиры, а коммунисты, в свою очередь, снабжали их подпольной литературой, которая распространялась и обсуждалась в отделениях союза католической молодежи».

И в наши дни, с какой бы остротой ни велась борьба против Аденауэра и его реакционного клерикально-милитаристского режима, мы должны прилагать все силы к тому, чтобы вовлечь трудящихся-христиан и духовенство в общую борьбу против вооружений и войны, за общегерманское соглашение о мирном воссоединении Германии на демократических началах.

После самороспуска всех буржуазных партий гитлеровское правительство опубликовало 14 июля 1933 года Закон о запрещении образования новых партий, согласно которому создание новых партий, так же как и продолжение деятельности ранее существовавших партий, преследовалось по закону. Национал-социалистская партия стала единственной и господствующей партией в стране. После выхода из Лиги Наций Гитлер вновь распустил рейхстаг и назначил новые выборы. При этом многие бывшие руководители других партий в награду за их заслуги перед гитлеровским режимом, которые они стяжали, подавляя сопротивление народных масс, были включены в избирательный список национал-социалистской партии.

Таким образом, установление фашистской диктатуры было в известной степени завершено. Однако было бы в корне ошибочным объяснять сущность фашистской диктатуры только составом правительства и созданием невиданного до тех пор аппарата террора и насилия против трудящихся масс. Все это было подчинено в значительной мере одной лишь цели — обеспечению в Германии неограниченной власти финансового капитала и крупных землевладельцев и удовлетворению захватнических притязаний германского империализма.

В этой связи неоднократно и справедливо указывалось на такой весьма характерный факт, как назначение сразу же после прихода Гитлера к власти реакционнейшего и крупнейшего представителя германских монополистов Фрица Тиссена на пост государственного комиссара в земле Рейнланд — Вестфалия. Этот магнат, один из промышленных королей Германии, получил теперь и административную власть над теми областями страны, где находились принадлежавшие ему шахты, металлургические и другие заводы.

Этот случай — далеко не единственный. Генеральный совет по делам германской экономики, созванный Гитлером 15 июля 1933 года, представлял концентрированную экономическую мощь германского монополистического капитала и являлся воплощением решающей силы гитлеровского рейха. Совет состоял из 18 человек, в нем задавали тон: пушечный король Г. Крупп фон Болен унд Гальбах (Эссен); промышленный магнат Рура Фриц Тиссен (Мюльгейм), именовавшийся «прусским

государственным советником»; генеральный директор заводов «Ферейнигте Штальверке» Альберт Фоглер от Бохумского объединения сталелитейной промышленности; «электрический король» Карл Фридрих фон Симменс (Берлин); крупнейший банкир Курт фон Шредер (Кельн на Рейне), игравший роль повивальной бабки при рождении гитлеровского правительства и назначенный на пост председателя Торговой палаты; председатель Наблюдательного совета Коммерческого банка Фридрих Рейнхардт, также «прусский государственный советник»; генеральный директор Германского калиевого синдиката Август Дин (Берлин) и президент Центральной германской банковской ассоциации и банковских предприятий Христиан Фишер. Остальные десять членов совета были также банкиры, магнаты тяжелой индустрии и другие промышленные тузы, крупные судовладельцы и крупные аграрии. Председателями так называемых экономических палат в отдельных отраслях промышленности были также исключительно представители германского монополистического капитала. В этом аппарате по управлению германской экономикой не было ни одного представителя средних сословий, ни одного торговца, ремесленника или крестьянина. Не удивительно поэтому, что гитлеровское правительство подарило банковским и промышленным магнатам сотни миллионов марок за счет налогоплательщиков, вернув в частные руки предприятия, подвергшиеся во время Веймарской республики так называемому «санированию» [1].

Законы и постановления гитлеровского правительства и в особенности Закон о национальном труде, о котором речь еще будет идти ниже, были направлены на то, чтобы упрочить порабощение рабочего класса и усилить эксплуатацию рабочих и превратить их в беззащитных рабов монополистического капитала. Путем так называемого Закона о наследственных дворах [2] гитлеровцы,

[1] «Санирование» — «оздоровление». В конце двадцатых и начале тридцатых годов правительство Веймарской республики, воспользовавшись затруднительным положением ряда компаний, путем субсидий приобретало в них значительное влияние, скупало акции, а иногда и полностью забирало их в свои руки. Гитлеровцы вернули имущество этих компаний прежним владельцам. — *Прим. ред.*

[2] Наследственный двор (Erbhof) — кулацкий двор, переходящий по наследству от отца к старшему сыну и не подлежащий разделу. — *Прим. ред.*

поддерживая кулачество, стремились создать себе опору в деревне и через «имперское сельскохозяйственное сословие» господствовать над всем крестьянством; путем же правительственных «кампаний за повышение производства сельскохозяйственных продуктов» гитлеровцы стремились переключить сельское хозяйство на рельсы подготовки новой войны. В централизованные фашизированные организации были объединены также ремесленники и торговцы, что позволяло включить их экономический потенциал в возрастающее военное производство. Так все законы и постановления гитлеровского режима укрепляли мощь финансового капитала и крупных аграриев.

Исходя из всего этого 13-й пленум ИККИ, состоявшийся в декабре 1933 года, определил фашизм как открытую террористическую диктатуру самых реакционных, самых шовинистических и самых империалистических элементов финансового капитала.

ПРОЦЕСС О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА

Решающее значение для дальнейшей упорной борьбы Коммунистической партии Германии против фашистской диктатуры имел процесс о поджоге рейхстага, начатый фашистами после семимесячной подготовки 21 сентября 1933 года и окончившийся 23 декабря того же года. Инсценируя процесс о поджоге рейхстага, гитлеровский режим ставил перед собой четыре задачи. Эти задачи, согласно определению, данному героем Лейпцигского процесса незабвенным Георгием Димитровым, заключались в следующем.

Лейпцигский процесс должен был, во-первых, реабилитировать фашистских поджигателей внутри страны и вне ее, скрыть действительных преступников и взвалить всю вину на коммунистов.

Во-вторых, он должен был оправдать варварский террор и чудовищные преследования революционного пролетариата, а также оправдать в глазах общественного мнения костры из книг и уничтожение огромного количества культурных ценностей, поход против науки и всякого проявления свободной мысли и массовые погромы.

В-третьих, процесс должен был дать материал для новой антикоммунистической кампании и стать основой для нового «монстр-процесса» против Коммунистической партии Германии и ее вождя — Эрнста Тельмана.

И, наконец, в-четвертых, процесс должен был доказать, что фашистское правительство «победоносно» борется против мирового коммунизма и своевременно спасает Европу от коммунистической опасности. Гитлер надеялся, что такого рода «исторические заслуги» приведут к уступкам со стороны других империалистических держав в отношении «равноправия» в вооружениях.

Самый характер подготовки процесса уже свидетельствовал о том, что Гитлер, Геринг и Геббельс придавали ему исключительно большое внешнеполитическое значение [1].

Но в результате Лейпцигского процесса гитлеровские фашисты потерпели по всем этим пунктам тяжелое поражение. Это является прежде всего вечной, исторической заслугой Георгия Димитрова, вождя Коммунистической партии Болгарии, который, несмотря на то, что находился в тюрьме в чрезвычайно тяжелых условиях и в течение долгих месяцев был закован в кандалы, показал себя выдающимся знатоком марксистско-ленинского учения и мастерски применил его в данном конкретном случае. На глазах всего мира он разорвал отвратительную паутину лжи, сплетенную путем шантажа, пыток и убийств, и помешал фашизму ввести в заблуждение германский рабочий класс, весь немецкий народ и мировую общественность.

Процесс явился также свидетельством героического поведения и стойкости кадров коммунистической партии. Фашисты приложили все силы, чтобы подобрать «удобных» для себя свидетелей из ответственных работников компартии. Они прибегали при этом к жесточайшим пыткам и не скупились на самые соблазнительные посулы. Но, несмотря на то, что тысячи коммунистов и революционных рабочих были подвергнуты чудовищным моральным и физическим мучениям, фашистам так и не удалось, как говорил Г. Димитров, «найти ни одного нужного им свидетеля из среды рабочих, активных участников пролетарского движения в Германии или ответственных работников» [2] коммунистической партии.

Наконец, в ходе процесса проявилась великая сила международной солидарности. Почти во всех странах мира развернулось мощное движение протеста, организованное как Коминтерном и заграничными органами ЦК КПГ, так и рядом непартийных комитетов, созданных для этой цели. Были проведены многочисленные собрания, демонстрации и митинги, публиковались документы и воззвания, посылались делегации с требованием

[1] G. Dimitroff, Reichstagsbrandprozeß, Dietz Verlag, Berlin, 1953, S. 225—226. (См. Г. Димитров, Перед фашистским судом, Партиздат, 1936, стр. 10 *L*.)

[2] Там же, стр. 13.

освободить Димитрова. Со звериного лица кровавого германского фашизма была сорвана маска. Мужественное и уверенное выступление Димитрова на суде и эта международная солидарность помогли сорвать политические и террористические замыслы фашистов, которые они надеялись осуществить, затевая Лейпцигский процесс. А советское правительство, предоставив Георгию Димитрову и его соотечественникам-обвиняемым право советского гражданства, спасло их от смертельной опасности, которая грозила им от подручных Геринга даже после вынесения оправдательного приговора.

Но значение Лейпцигского процесса не исчерпывается этими поражениями, нанесенными фашистам. Следует учесть также, что своим выступлением перед фашистским трибуналом Димитров дал политическую ориентацию Коммунистической партии Германии и всему антифашистскому подполью в Германии. Его вопросы к свидетелям были направлены прежде всего на то, чтобы разбить фашистские утверждения о том, что Коммунистическая партия Германии готовила вооруженное восстание. Как пишет товарищ Ульбрихт, «именно в результате опровержения этих утверждений была создана основа для обвинения фашистских варваров и разоблачения истинных целей организации поджога рейхстага» [1].

В своих вопросах свидетелям-рабочим Георгий Димитров фактически разъяснил основные вопросы коммунистической тактики. Он доказал, что борьба революционных рабочих против фашизма была в то время оборонительной борьбой и что непосредственной задачей КПГ являлась не подготовка и проведение вооруженного восстания, а установление единого фронта с социал-демократическими и другими рабочими в борьбе против урезывания заработной платы, против фашистского террора и опасности новой империалистической войны.

Когда болгарский революционер Димитров процитировал стихи Гете — величайшего поэта Германии:

> На весах великих счастья
> Чашам редко дан покой.
> Должен ты иль подыматься,

---

[1] Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II, S. 10.

Или долу опускаться...
Властвуй или покоряйся,
С торжеством иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся
Или наковальней стой...

то в его устах эти стихи, полные мужества и сурового предостережения, стали обращенным к рабочему классу призывом к борьбе и в то же время ударом по выжидательной, капитулянтской политике правых лидеров СПГ. После своего освобождения в беседе с представителями иностранной коммунистической прессы в Москве Георгий Димитров так сформулировал свои советы рабочим: «Один из самых важных выводов заключается в том, что социал-демократические рабочие могут успешно вести борьбу против буржуазии только сообща с коммунистическими рабочими. До сих пор многие социал-демократические рабочие ограничивались лишь симпатией к нам. Этого недостаточно. Симпатия должна перерасти в активную борьбу против буржуазии и фашизма, в единую борьбу социал-демократических, христианских и беспартийных рабочих совместно с коммунистическими рабочими» [1].

Так мужественная борьба Димитрова против фашистских палачей на Лейпцигском процессе стала исходным пунктом для нового курса Коммунистического Интернационала, соответствовавшего изменившейся обстановке. Это был курс на развертывание борьбы за единый пролетарский фронт и за антифашистский народный фронт. Значение процесса о поджоге рейхстага сказалось не только в Германии, но и далеко за ее пределами. Французские рабочие извлекли из него соответствующие уроки. Лейпцигский процесс побудил их ответить на провокации «боевых крестов» (делярокковцев) 6 февраля 1934 года усилением борьбы за единство действий. То же самое происходило в Испании, в Австрии и в ряде других стран.

Для подпольной работы в самой Германии поведение Димитрова на суде, как и весь ход Лейпцигского процесса, имело, разумеется, первостепенное значение. Лишь тот, кто в то время сам принимал участие в подпольной работе, может полностью осознать, как велико было

---

[1] Г. Димитров, Перед фашистским судом, стр. 177.

влияние Лейпцигского процесса и мужественной борьбы Димитрова на широкие круги рабочего населения и все антифашистские силы в Германии и какие силы придал им этот процесс. В результате партия взяла новый курс — курс на усиление борьбы за единый фронт. После процесса о поджоге рейхстага подпольная работа повсюду оживилась и окрепла. Восстанавливались разгромленные организации и прерванные связи. Подпольные организации стали выпускать во все возрастающем количестве собственные листовки и газеты. Они приучались лучше работать в новых условиях, вырабатывая в обстановке фашистского террора свои, рабочие, боевые методы борьбы.

Фашисты чувствовали свое поражение и, конечно, видели растущую активность коммунистов.

В безудержной злобе они прибегали к крайней жестокости, стремясь запутать антифашистов и сломить силу их сопротивления. Ближайший соратник Эрнста Тельмана Джон Шеер, заменивший его в руководстве КПГ, вместе с тремя работниками центрального партийного аппарата, товарищами Эрихом Штейнфуртом, Евгением Шёнхааром и Рудольфом Шварцем, попали в руки гестаповских палачей. Фашисты подвергли их садистским пыткам [1], добиваясь от них раскрытия подпольных связей. Убедившись, что даже самые варварские средства не смогут сломить волю этих героев-антифашистов, гитлеровцы решили уничтожить их. 2 февраля 1934 года они были вывезены на открытое шоссе и убиты выстрелами в спину. Официальное сообщение об этом кровавом злодеянии было рассчитано на то, чтобы запугать коммунистов-подпольщиков и заставить их отказаться от дальнейшей борьбы. Но ни это убийство, ни последовавшие затем казни ряда руководящих партийных работников не смогли сломить боевой дух кадров германской компартии.

---

[1] Один из арестованных, Рудольф Шварц, был моим шурином. После его ареста моему отцу удалось добиться кратковременного свидания с ним в здании гестапо на Принц-Альбрехтштрассе и передать ему белье. Нижнее белье, бывшее на Шварце в момент ареста и переданное при свидании моему отцу, было сверху донизу покрыто засохшей кровью, клочками кожи и пятнами, оставленными какой-то едкой жидкостью. Это ужасное зрелище позволяло догадываться о том, каким невероятным по своей жестокости пыткам подвергали гестаповцы четырех товарищей, прежде чем убить их на шоссе недалеко от Ванзее при «попытке к бегству»

После своего освобождения Георгий Димитров привлек внимание мировой общественности к судьбе узников гитлеровского правительства. В своей первой беседе с журналистами по прибытии в Москву 27 февраля 1934 года он указал на стойкость германских рабочих и коммунистов, на их верность и преданность своей партии, призвав к усилению борьбы за их освобождение.

«Борьба, которая велась за наше освобождение,— говорил он,— должна продолжаться за освобождение из фашистских казематов тысяч пролетарских заключенных» [1].

В письме к Ромену Роллану и Анри Барбюсу от 18 марта 1934 года Георгий Димитров писал:

«При этом я особенно имею в виду Эрнста Тельмана — вождя германских коммунистов, самую лучшую, самую ясную руководящую голову германского пролетариата, судьба которого меня беспокоила во время заключения и всего процесса, о котором я и сегодня не могу забыть ни на одну минуту.

Вами так много сделано для нас, — теперь необходимо еще больше, значительно больше сделать для него, так как его освобождение конечно еще более трудная задача» [2].

Потерпев поражение в процессе о поджоге рейхстага, фашисты не решились инсценировать процесс против Эрнста Тельмана, ибо знали, что это может окончиться для них не меньшим поражением. Движение международной солидарности спасло в тот момент Эрнста Тельмана от участи, которая постигла Джона Шеера. Это движение дало в то же время новый толчок подпольной работе коммунистов.

В докладе на имя бригадефюрера СС Гейдриха от 30 апреля 1934 года, обнаруженном в гестаповских архивах, говорится по этому поводу следующее:

«Децернат III-А [3], задачей которого является борьба против коммунизма, *сталкивается в последнее время с нарастающей активностью коммунистического движения в Германии...* Коммунисты в данный момент стремятся вновь привлечь рабочих на свою сторону широкой пропагандой за установление единого фронта... На террито-

[1] Г. Димитров, Перед фашистским судом, стр. 171.
[2] Там же, стр. 173.
[3] Подотдел в гестапо.— *Прим. ред.*

рии страны ежедневно распространяются сотни различных печатных брошюр, разбрасываются и расклеиваются листовки и т. д. В связи с предстоящим днем 1 мая распространение коммунистами агитационного материала особенно возросло. Только в очень немногих случаях нам удалось установить государственных преступников, занимающихся этим делом».

Даже из доклада видно, что, опасаясь активных выступлений коммунистов в день 1 мая 1934 года, берлинское гестапо с помощью государственной полиции Геринга и берлинской городской полиции «прочесывало» жилые кварталы и пригородные поселки. Массовыми арестами и облавами гестапо стремилось запугать рабочих и удержать их от выступлений под руководством коммунистов. Однако доклады гестапо и инструкции о проведении дня 1 мая 1934 года свидетельствуют также о том, что нацистский строй переживал в первой половине 1934 года серьезный кризис.

«НОЧЬ ДЛИННЫХ НОЖЕЙ»

30 июня 1934 года

20 января 1934 года гитлеровское правительство издало Закон о национальном труде. Закон этот предоставлял предпринимателям неограниченную власть над рабочими на предприятиях. В фашистском законе о труде говорилось:

«Фюрер предприятия [1] является высшей инстанцией для рабочих данного предприятия в решении всех производственных вопросов.

Рабочие обязаны хранить ему верность, основанную на общности производственных интересов... Фюрер предприятия вырабатывает инструкцию о порядке работы на предприятии. Эта инструкция устанавливает:

1) начало и конец рабочего дня и время перерывов;

2) виды вознаграждения и время, когда оно выплачивается;

3) положение о сдельной оплате труда;

4) размеры штрафов, их виды и порядок их взимания;

5) положение о проступках, влекущих за собой немедленное увольнение без предупреждения».

Таким образом, предприниматель получил неограниченное право вводить на предприятии по своему усмотрению любые порядки для усиления эксплуатации рабочих и повышения прибыли. Он устанавливал по своему усмотрению продолжительность рабочего дня, заработную плату, сдельщину и даже получал право увольнять рабочих без предупреждения. Заводские советы были упразднены. Это и понятно, ибо повсюду, где эти заводские советы возглавлялись революционными рабочими,

---

[1] Так именовался предприниматель. — *Прим. ред.*

они вели борьбу за интересы всего коллектива данного предприятия. Кроме того, согласно Закону о заводских советах, они во времена Веймарской республики пользовались правом посылать своих представителей в наблюдательные советы акционерных обществ. Гитлеровская диктатура заменила заводские советы так называемыми «комитетами доверенных лиц». «Комитет доверенных лиц» должен был прежде всего пользоваться доверием самого предпринимателя, который, кстати, являлся его председателем; предприниматель же составлял и списки доверенных лиц. Рабочим предприятия оставалось только утверждать эти списки.

С целью ввести рабочих в заблуждение гитлеровский Закон о национальном труде предусматривал создание института так называемых «опекунов труда», задачей которых было «сохранение трудового мира», то есть разрешение трудовых конфликтов в промышленности. Но и «опекуны труда» являлись исключительно представителями монополистического капитала и крупных аграриев. Так, например, член Генерального совета по делам германской экономики доктор Карл Люэр из Франкфурта-на-Майне являлся в качестве президента торговой палаты одновременно «опекуном труда». Эти пресловутые «опекуны» «сохраняли мир в промышленности» тем, что просто-напросто зажимали рот рабочим, пресекая все их попытки жаловаться.

Несмотря на то, что был принят еще ряд предосторожностей при выборе «доверенных лиц» (так, например, список «доверенных лиц» должен был составляться предпринимателем совместно с руководителем организации национал-социалистской партии на предприятии; на тех предприятиях, где такой организации не было, выборы вовсе не проводились), первые выборы «доверенных лиц» доставили нацистам мало удовольствия. На многих предприятиях рабочие сумели самыми различными путями добиться того, что в списки «доверенных лиц» попали бывшие участники рабочего движения, то есть люди, которым они действительно доверяли. Подобное использование фашистского законодательства о труде в целях защиты интересов рабочих приняло уже в следующем году такие размеры, что нацисты больше не рискнули проводить выборы «доверенных лиц» на предприятиях. И, разумеется, партией, которая организовала и возглавила

борьбу рабочих в этих тяжелейших условиях, была Коммунистическая партия Германии.

Гитлер обещал поддерживавшим его массам мелкой буржуазии и крестьянства, а также тем безработным, которых ему удалось путем социальной демагогии привлечь на свою сторону, преодолеть кризис и ликвидировать безработицу. Весь «секрет» его демагогических лозунгов заключался в курсе на вооружение и подготовку к войне. С момента установления нацистского режима это подтверждается решительно всеми фактами, даже данными официальной фашистской статистики. Даже в 1932 году, когда кризис достиг своей высшей точки, а внешняя торговля резко сократилась, в Германию ввозилось сливочное масло на сумму 106,6 миллиона марок. Гитлеровское правительство резко сократило импорт масла. В 1934 году масла было ввезено только на сумму 73,6 миллиона марок. В 1932 году объем ввозимого продовольствия составил 4,4 миллиона тонн, а в 1934 году он сократился до 3,2 миллиона тонн. Одновременно резко повысился импорт промышленного сырья. В 1932 году ежемесячно ввозилось промышленного сырья на сумму в 115 миллионов марок. В 1936 году стоимость ежемесячного импорта промышленного сырья достигла уже 155 миллионов марок. Совершенно очевидно, что причиной увеличения ввоза промышленного сырья являлась гонка вооружений. По официальным данным, не лучше обстояло дело и с развитием производства внутри страны. Индекс производства предметов массового потребления в 1936 году составлял 98,7 от уровня 1929 года. В промышленности, работавшей преимущественно на военные нужды, индекс составил в том же году 106,3 по сравнению с уровнем 1929 года и в дальнейшем повышался еще более быстрыми темпами [1].

Однако имеются и другие факты, свидетельствующие о том, что Гитлер, исполняя волю германского финансового капитала и прежде всего магнатов тяжелой индустрии, с момента своего прихода к власти проводил политику вооружения в целях подготовки второй мировой войны. В 1937 году «исторический отдел фирмы Круппа» впервые издал семейную хронику, озаглавленную

---

[1] Более подробные данные по этому вопросу см. Walter Ulbricht, Der faschistische deutsche Imperialismus (1933—1945), Dietz Verlag, Berlin, 1952.

«Альфред Крупп и его семья». В этой хронике сотрудничество с Гитлером изображалось как исполнение заветного желания господина Круппа фон Болен унд Гальбах. В те времена пушечный король полагал, что может говорить без обиняков.

«Обращенный к фирме Круппа призыв возобновить производство военных материалов в значительном объеме,— писалось в хронике,— последовал вскоре же после прихода к власти Гитлера. Фирма откликнулась на этот призыв, не теряя ни минуты. Она была в состоянии сделать это, ибо благодаря полному использованию всех ресурсов фирмы Круппов в период застоя были сохранены как основные условия для нового развертывания производства, так и солидный производственный опыт фирмы. Сохранились также и ее испытанные кадры. Это делалось не только в интересах самого Круппа, но и в интересах других предприятий, которые смогли теперь использовать этот опыт и получить разностороннюю поддержку. Старый арсенал империи с гордостью вернулся к выполнению своих традиционных задач. После непродолжительной подготовки военные заводы вновь стали работать на полную мощность... Еще в 1934 году Гитлер впервые посетил сталелитейный завод фирмы. После этого он неоднократно и весьма охотно повторял свои посещения и каждый раз лично убеждался в том, что семья Круппов делает свой вклад в решение как военнопромышленных, так и мирных экономических проблем Третьего рейха» [1].

Все сказанное о Круппе в равной степени относилось и к тем концернам, предприятия которых могли производить военную продукцию и уже во времена Веймарской республики были частично подготовлены к этому. Хозяева этих концернов привели Гитлера к власти для того, чтобы беспрепятственно вести подготовку к войне и, сея смерть и разрушение, наживать огромные прибыли.

Но даже перевод экономики на военные рельсы не мог, вопреки хвастливым заверениям фашистов, сразу ликвидировать безработицу. По официальным данным, в течение 1933 года работу на предприятиях получили 1250 тысяч зарегистрированных безработных, а в течение

---

[1] «Alfred Krupp und sein Geschlecht», nach Quellen des Familien und Werkarchivs geschildert von Wilhelm Berdrow, Berlin, 1943, S. 230—231.

1934 года еще 1570 тысяч человек. Это не составило и половины общего числа безработных, имевшихся в стране к моменту захвата власти Гитлером. Значительная часть получивших работу была направлена на военные заводы. Другая часть безработных из-за лишения пособия вынуждена была поступать на работу не по специальности — на строительство автострад или других объектов — на условиях, худших, чем даже условия на так называемых «чрезвычайных общественных работах» [1].

К тому же еще в Веймарской республике были отменены общеимперские и районные тарифы заработной платы и введены соглашения по вопросам о заработной плате, условия которых определялись фирмами на местах. Благодаря этому предприниматели получили возможность при приеме на работу людей, в течение многих лет являвшихся безработными, навязывать им невыгодные условия и устанавливать для них пониженную заработную плату. Даже «Германский трудовой фронт» вынужден был признать в апреле 1935 года, что доходы предпринимателей возросли примерно на 15, а то и на 20%. Одновременно признавалось, что некоторое повышение доходов рабочих произошло не за счет увеличения заработной платы каждого рабочего в отдельности, но вследствие увеличения загрузки рабочих на производстве. Таким образом, усиление эксплуатации рабочего класса было совершенно явным.

Эти бесспорные экономические данные, разумеется, сказались и на положении других слоев населения. Среди них было немало сторонников нацистов, которые считали, что Гитлер после прихода к власти выполнит данные обещания, и питали на этот счет большие иллюзии. Мелкие и средние торговцы и ремесленники ожидали «отмены процентного рабства» и «ликвидации универсальных магазинов». Многие трудящиеся крестьяне надеялись на освобождение от задолженности и существенное облегчение своего положения. Поскольку ничего этого не произошло, в этих кругах в первой половине 1934 года стало

---

[1] «Чрезвычайные общественные работы» (Notstandsarbeiten) — массовые работы, строительные, мелиоративные и т. д., оплачиваемые по пониженным ставкам за счет государства; неоднократно предпринимались в Веймарской республике. Каждый зарегистрированный безработный под угрозой лишения пособия обязан был являться на такие работы.—*Прим. ред.*

быстро нарастать недовольство. Следствием этого явилось требование «о второй революции», которое приобрело популярность среди штурмовиков и многих активных членов нацистской партии. Это привело к серьезному кризису нацистского режима.

Однако германские монополисты вовсе не намеревались идти на какие бы то ни было уступки сторонникам нацистской партии из рядов мелкой буржуазии и крестьянства и тем более не собирались удовлетворять их антикапиталистические требования. В речи 17 июня 1934 года, произнесенной перед студентами в Марбурге, Франц фон Папен ясно выразил решимость монополистов укрепить свою диктатуру. Согласно газетным отчетам, Папен заявил: «Толкам о второй волне, которая должна завершить революцию, как видно, не будет конца! Безответственные люди, которые тешат себя подобными мыслями, не должны закрывать глаза на то, что за второй волной легко может последовать третья. Тот, кто угрожает гильотиной, часто сам попадает под ее нож. Что же касается социализации, о которой сейчас столько говорят, то позволительно спросить: неужели Германия пережила антимарксистскую революцию только для того, чтобы заняться осуществлением марксистской программы?.. Движение должно когда-то завершиться. Пора создать прочную социальную структуру, скрепленную авторитетной государственной властью!»

Папен осуждал «своекорыстные и непомерные притязания», которые скрываются за разговорами о «германской революции». В его речи прозвучала прямая угроза по адресу штурмовиков, когда он заявил, что «в такой обстановке ни одна организация и никакие охранные отряды, как бы испытанны они ни были, не смогут надолго сохранить доверие правительства».

Вслед за речью Папена, 30 июня 1934 года, последовали массовые убийства среди сторонников Гитлера и части буржуазной оппозиции: с некоторыми из них у Гитлера были старые счеты, других он боялся, опасаясь их противодействия в будущем. Не случайно, что этот удар был направлен в первую очередь против штурмовых отрядов и их верхушки. Наряду с желанием Гитлера избавиться от слишком много знающих сообщников и свидетелей по поджогу рейхстага и другим преступлениям причиной этих убийств послужило и то, что среди штур-

мовиков, которые преимущественно вербовались из мелкой буржуазии, крестьян и деклассированных элементов из рабочих, настроения недовольства были особенно заметны. Резня 30 июня явилась высшей точкой кризиса нацистского режима в 1934 году. Ее целью было укрепление террористической диктатуры наиболее реакционных германских империалистов. Весьма характерно в этой связи, что 29 июня Гитлер при посещении заводов Круппа уединился с самим Густавом Круппом фон Болен унд Гальбах в его кабинете для тайной беседы. После этой беседы с председателем Имперского объединения германской промышленности и «имперским руководителем экономики» Гитлер вылетел в Мюнхен, где 30 июня отдал приказ об убийстве Рема и других главарей штурмовых отрядов. Ход событий не оставлял сомнений в том, кто являлся истинным вдохновителем резни 30 июня.

Генералы рейхсвера, группировавшиеся вокруг Бломберга, во время этого массового убийства делали общее с Гитлером дело. Они видели в руководителях штурмовых отрядов нежелательных конкурентов, особенно после того, как последние потребовали принять их в армию с сохранением командных должностей и чинов, которые они занимали в СА. Генералитет рейхсвера намеревался после введения всеобщей воинской повинности отстранить СА от участия в военных делах и лишить ее характера массовой военизированной организации. В крайнем случае генералы собирались использовать СА в качестве вспомогательной организации, подчиненной новому вермахту. На таких условиях они без возражений готовы были принести в жертву и нескольких видных деятелей из своей среды. Более того, после убийства 1200 человек 30 июня 1934 года президент Гинденбург направил Гитлеру благодарственную телеграмму, несмотря на то, что в числе убитых были его бывший ближайший сотрудник и канцлер генерал фон Шлейхер и его жена. Во имя вооружения и подготовки к войне тогда, как и сегодня, милитаристы, идеалом которых был и остается фельдмаршал в президентском кресле, всегда были готовы принять участие в любом позорном деле.

Таким образом, недовольство среди части сторонников нацистов и оппозиционные настроения определенных буржуазных кругов 30 июня были потоплены в крови,

лишь бы добиться упрочения нацистского режима. Однако на первых порах это вызвало известное замешательство как внутри государственного аппарата, так и в нацистской партии, то есть внутри всего этого аппарата насилия и террора. Там, где места в этом аппарате занимали старые чиновники или нацисты из числа недовольных, события 30 июня вызвали настроения беспомощности и растерянности. Это, в свою очередь, привело к временному ослаблению террора против антифашистов. К тому же широкие массы внезапно обнаружили внутри гитлеровской диктатуры признаки кризиса. Но, несмотря на эту сравнительно благоприятную обстановку, поднять рабочие массы на борьбу за свержение нацистской диктатуры все же не удалось.

Весь аппарат воздействия на общественное мнение (пресса, радио и кино) полностью находился в руках нацистов. Это обстоятельство, как и возраставший террор, помешало борцам антифашистского подполья разобраться в политической обстановке и своевременно подготовиться к приближавшимся событиям. Во время событий 30 июня эта слабость дала себя знать. В подтверждение этого мне хотелось бы привести один пример из моего личного опыта подпольной работы в те дни. За несколько недель до описываемых событий в передовой статье в нелегальной газете «Классенгеверкшафт» я указывал на нарастающие явления кризиса в системе нацистской диктатуры. Но 30 июня я почувствовал, что мне очень трудно разобраться в происшедших событиях и дать им правильную оценку в тексте листовки, которую мы решили немедленно распространить. Только в последующие дни, после того как я раздобыл в газетном киоске два номера «Правды» с сообщением о речи Папена в Марбурге, мне удалось более или менее правильно охарактеризовать эту кровавую резню как удар наиболее реакционных элементов финансового капитала и генералитета рейхсвера по недовольным сторонникам нацистской партии, а также как проявление противоречий в лагере буржуазии. Уже после того как листовка была напечатана, руководство Революционной профоппозиции прислало нам другой текст листовки, в которой события 30 июня расценивались как восстание штурмовиков. Разумеется, что такие в корне различные политические оценки предполагали и

разные формы борьбы. Впрочем, вторая листовка не была напечатана.

Центральный Комитет Коммунистической партии Германии в своей резолюции от 1 августа 1934 года дал оценку экономического и политического развития Германии. Резолюция отмечала успехи, достигнутые партией в деле мобилизации трудящихся масс, несмотря на неслыханный террор. Особо отмечались успехи во время выборов 12 ноября 1933 года, во время выборов «доверенных лиц» в 1934 году, а также выступления, организованные на отдельных предприятиях. Далее в резолюции говорилось:

«*События 30 июня свидетельствуют о кризисе в гитлеровской партии и в режиме гитлеровской диктатуры.* Но они показали также, что работа, проводимая до того времени Коммунистической партией Германии, оказалась недостаточной для того, чтобы, использовав благоприятную обстановку, организовать широкие массовые выступления против гитлеровской диктатуры. Особенно препятствует этому раскол в рабочем классе. Поэтому *важнейшим уроком, который КПГ должна извлечь из событий 30 июня, является необходимость быстрейшего создания боевого единого фронта рабочего класса.* Руководство компартии и особенно ее низовые организации должны проявить смелую инициативу в организации этой борьбы. Необходимо сконцентрировать основные силы партии в стратегически наиболее важных промышленных районах».

Резолюция требовала тщательно изучить изменения в обстановке, объективно вызванные экономическим и политическим развитием страны, и учитывать возрастающее стремление рабочего класса к единству. Единый фронт необходимо было выковать в борьбе против фашистского закона о труде и предусмотренного им невиданного доселе снижения заработной платы и ухудшения условий работы, а также в борьбе против Закона о применении рабочей силы, согласно которому рабочим запрещалось по своему усмотрению переходить с одного предприятия на другое. Для установления единства действий, говорилось в резолюции, необходимо привлекать не только рабочих-коммунистов и социал-демократов, но также и оппозиционные элементы из СА, гитлеровской молодежи, заводских организаций национал-социалист-

ской партии и «трудового фронта». Далее в резолюции, как об этом уже было сказано выше, выдвигалось требование восстановления свободных профсоюзов. Резолюция с особой настойчивостью указывала всем членам партии на необходимость оказывать Коммунистическому союзу молодежи максимальную поддержку, чтобы добиться решительного перелома в работе среди трудящейся молодежи.

Августовская резолюция явилась важным этапом на пути к тому изменению тактики партии, которое впоследствии было закреплено решениями IV партийной конференции в Брюсселе в октябре 1935 года. Однако осуществление этого поворота в тактике осложнялось тем, что в руководстве партии имелась группа людей типа Шуберта и Шульте, которые в своих публичных выступлениях фактически искажали резолюцию и тормозили развертывание борьбы за единый фронт. Особой заслугой товарищей Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта являются их решительные выступления в защиту политики единого фронта и восстановления свободных профсоюзов.

СААРСКИЙ ПЛЕБИСЦИТ И ПЕРЕХОД К ПОЛИТИКЕ ОТКРЫТОГО ВООРУЖЕНИЯ

Августовская резолюция Центрального Комитета КПГ отметила успехи в борьбе за установление единого фронта с социал-демократами и христианскими рабочими, достигнутые коммунистической партией в Саарской области. Установление единого фронта должно было привести к тому, что трудящиеся Саара при проведении предстоявшего 13 января 1935 года плебисцита голосовали бы за сохранение прежнего положения области, то есть за сохранение статус кво, и против присоединения Саарской области к кровавому гитлеровскому рейху.

Может возникнуть вопрос, соответствовала ли эта политика борьбы против присоединения Саара к гитлеровскому рейху национальной политике коммунистической партии. Ленинский лозунг «о праве нации на самоопределение вплоть до отделения» вовсе не означает, что партия пролетариата должна при любых обстоятельствах выступать за отделение от государства той или иной области. Но, с другой стороны, из этого лозунга отнюдь не вытекает также, что партия должна при любых обстоятельствах выступать за возвращение государству той или иной области, тем более, если это противоречит интересам рабочего класса и всего народа.

Было совершенно ясно, что возврат Саарской области приведет к уничтожению последнего островка легального германского рабочего движения и к отдаче в фашистское рабство саарских рабочих. Ясно было также и то, что в случае благоприятных для них результатов плебисцита в Сааре нацисты начнут форсировать гонку вооружений и примутся за осуществление своих агрессивных замыслов по отношению к другим народам. Но эта политика нацистов являлась тяжелейшим преступлением против нацио-

нальных интересов германского народа, ибо она неминуемо должна была ввергнуть его во вторую мировую войну и тем самым привести к национальной катастрофе. Поэтому политика коммунистической партии в отношении саарского плебисцита соответствовала интересам всего германского народа, хотя большинство населения Саарской области, введенное в заблуждение националистической пропагандой гитлеровцев, не понимало этого.

Но Коммунистическая партия Германии никогда и нигде не выступала, а также никогда и впредь не выступит за присоединение Саара к Франции или за так называемую «европеизацию Саара», как это делает сегодня Аденауэр, стремясь такой ценой купить согласие магнатов французской тяжелой индустрии на вооружение Западной Германии. В те времена, как и теперь, Коммунистическая партия Германии боролась за существование свободного и миролюбивого Саара в рамках свободной и миролюбивой Германии.

Любая другая позиция в 1934—1935 годах означала бы прямую поддержку гитлеровцев, этих злейших врагов германского народа. Один из виднейших лидеров германской социал-демократии Карл Зеверинг писал во втором томе своих воспоминаний, что фашистское министерство иностранных дел предложило ему вместе с Паулем Лёбе и профсоюзным лидером Фрицем Гуземанном отправиться в Саарскую область или в граничащие с нею районы с целью организации ряда митингов, на которых Зеверинг и его спутники должны были выступать за возвращение Саара Германии. Зеверинг отклонил это предложение, но зато согласился дать 30 декабря 1934 года интервью газете «Кельнише цейтунг», обошедшее потом всю фашистскую прессу. В этом интервью Зеверинг выражал твердую надежду на то, что «день плебисцита принесет подавляющее большинство сторонникам возвращения Саарской области в состав Германии». В том же интервью Зеверинг ратовал за установление тесного сотрудничества между Германией и Францией, прямо поддерживая таким образом внешнеполитические маневры Гитлера, направленные, в конечном счете, на закабаление французского народа. В этом интервью имелась также следующая фраза:

«Я не намерен вновь принимать участие в политической жизни. Такое решение продиктовано сложившейся

обстановкой и соответствует собственным моим стремлениям»[1].

Эти слова виднейшего социал-демократического лидера представляли собой не что иное, как призыв, обращенный к социал-демократическим рабочим, точно так же воздерживаться от участия в политической жизни, то есть примириться с фашистским режимом и даже поддержать его внешнеполитические махинации, направленные на развязывание войны. Вот до чего можно дойти, если при решении национального вопроса пренебречь его классовым содержанием и конкретными условиями, в которых он решается.

Правильность позиции коммунистической партии подтвердилась гораздо скорей, чем это можно было предположить. 16 марта 1935 года, спустя всего два месяца после саарского плебисцита, Гитлер в нарушение всех международных обязательств объявил о восстановлении всеобщей воинской повинности. Было запланировано создание 36 дивизий общей численностью в 500—600 тысяч человек, воздушного флота из 1500 самолетов и сильного военно-морского флота. В воззвании по поводу введения всеобщей воинской повинности Гитлер заявил:

«В этот час германское правительство вновь заверяет германский народ, а также весь мир в своей решимости ограничить свои задачи заботой о сохранении престижа Германии и охраной независимости империи. Мы, конечно, не допустим, чтобы национальное вооружение Германии стало средством военного нападения. Напротив, оно преследует исключительно оборонительные цели и служит, таким образом, делу сохранения мира».

Это «священное» обязательство перед немецким народом и перед всеми соседними народами Гитлер нарушил так же подло, как он нарушал все другие обязательства, как только они становились препятствием для осуществления агрессивной политики германского империализма.

Впрочем, этот отрывок из гитлеровского воззвания сохраняет своеобразную актуальность и в наши дни. Читатель, не знающий, из какого источника взята вышеприведенная цитата, вполне может поверить, что перед ним отрывок из очередного заявления руководящих кругов Западной Германии. Такого же рода разговорами об

[1] Carl Severing, Mein Lebensweg im Auf und Ab der Republik, Köln, 1950, S. 408.

обороне и о сохранении мира Гитлер маскировал свои вооружения и агрессивную политику развязывания войны. То же самое делают сегодня в Западной Германии, причем преследуют при этом те же самые цели. Перед нами уроки истории, которые заслуживают пристального внимания.

История полностью подтвердила трезвую оценку обстановки, данную коммунистами, которые не дали ввести себя в заблуждение лицемерной болтовней о мире. В связи с введением всеобщей воинской повинности ЦК Коммунистической партии Германии опубликовал заявление, в котором, между прочим, говорилось:

«Воззвание гитлеровского правительства о введении всеобщей воинской повинности означает переход к усиленной милитаризации Германии с целью непосредственной подготовки и развязывания империалистической войны... Подготовка фашистской, разбойничьей войны, взваливающая на плечи немецкого народа еще более тяжелое бремя, чем даже политика соблюдения версальских обязательств, проводившаяся капиталистами Веймарской республики, неминуемо приведет Германию к еще более тяжелому поражению, чем в последней мировой войне. Эта политика ведет к катастрофе. Мы, коммунисты, выступаем против войны. Мы стоим за сохранение мира. Капиталисты хотят войны не в интересах трудящихся Германии и не ради их освобождения, но лишь ради увеличения прибылей финансового капитала»[1].

Вслед за введением всеобщей воинской повинности 26 июня 1935 года был опубликован Имперский закон о трудовой повинности. Уже до этого рабочая молодежь должна была отбывать эту повинность и другие обязанности согласно Закону о перемене места работы. Теперь же вводилась всеобщая трудовая повинность. Каждый молодой немец должен был отработать один год по трудовой повинности и два года отслужить в армии. Таким образом, в течение трех лет молодых немцев готовили к «смерти героя». Все разговоры нацистских главарей относительно так называемой экономической целесообразности трудовой повинности являлись не более чем демагогией, рассчитанной на то, чтобы скрыть от немецкого народа и от других народов интенсивное военное

[1] «Rundschau», Nr. 16, 4 April 1935, S. 813.

обучение и военные приготовления в Германии. В полном соответствии с боевыми традициями молодежного рабочего движения Коммунистический союз молодежи основное внимание в своей работе стал уделять антимилитаристской пропаганде.

Переход Гитлера к открытой политике вооружения сопровождался новой волной кровавого террора против сознательных рабочих. В течение первых месяцев 1935 года во многих областях страны имели место массовые аресты, следствием которых явился осенью ряд массовых судебных процессов. 10 ноября 1935 года в Гамбурге начался процесс по делу 27 рабочих, которых обвиняли в подпольной деятельности. 13 ноября в четвертой уголовной коллегии земельного суда в Гамме начался другой массовый процесс, в результате которого ряд обвиняемых был приговорен к пожизненным каторжным работам. Газеты в то время были полны сообщений из Рейнланда — Вестфалии, Саксонии и различных городов Южной Германии о подобных массовых процессах, в ходе которых в течение одного судебного заседания выносились приговоры 50 и более обвиняемым антифашистам.

Самым большим и значительным из них явился процесс по делу профсоюзов в Вуппертале, в ходе которого перед судом предстало 628 обвиняемых. В Вуппертале и прилегающих к нему районах благодаря сотрудничеству коммунистов, социал-демократов, христианских рабочих и профсоюзных активистов были достигнуты большие успехи в деле восстановления свободных профсоюзов. Коллективам ряда предприятий путем совместных действий удалось предотвратить намеченное снижение заработной платы, усиление эксплуатации и повышение всякого рода принудительных отчислений. В этой борьбе приняли участие сотни членов «трудового фронта», «доверенных лиц» и даже членов нацистской партии. Большую роль играло при этом тяжелое положение в промышленности в районе Вупперталя. Несмотря на период временного оживления в связи с правительственными заказами на обмундирование, положение в обрабатывающей промышленности, в первую очередь в текстильной, сложилось тяжелое, и безработица попрежнему была очень велика. Это объяснялось падением экспорта и отставанием промышленности, производящей предметы массового потребления. По соглашению с нацистскими

властями концерн Бемберга провел с большой выгодой для себя ловкий маневр, руководствуясь, разумеется, исключительно «дружественными чувствами» по отношению к рабочим. С заводов были уволены сотни замужних женщин-работниц. На их места были приняты безработные, не имевшие работы в течение многих лет. Их заработная плата на заводах концерна была ниже даже нищенской зарплаты уволенных работниц. Росту всеобщего недовольства в этом районе способствовала также принудительная отправка тысяч безработных на строительство автострад и военных объектов.

Местная полиция, согласно докладам гестапо, «оказалась не на высоте и не смогла ликвидировать подпольную организацию». Поскольку полиция не могла справиться с активными действиями объединенных рабочих в этом районе, гестапо вынуждено было направить в Вупперталь «группу особого назначения», так называемую группу Векке[1], уже прославившуюся своими злодеяниями в Берлине и других городах. В течение первых трех месяцев 1935 года в Вуппертале и прилегающих к нему районах было арестовано без разбора более 1100 «подозрительных лиц». Гестапо стало известно, что подпольное движение свободных профсоюзов было построено по системе групп, состоящих из пяти человек. Поэтому гестаповцы подвергали каждого арестованного чудовищным пыткам, добиваясь, чтобы он назвал известные ему пять имен. 18 человек из числа арестованных погибли во время допросов или покончили в тюрьме самоубийством. Среди погибших был плотник Вилли Мут, руководивший окружной организацией КПГ. По утверждению гестапо, он повесился в камере. Однако все тело убитого было покрыто следами от тяжелых ожогов. В полицейской тюрьме на Бахштрассе был замучен также активист германского профсоюза металлистов Крейкенбаум, в течение многих лет возглавлявший заводской совет на предприятиях фирмы «Шефер унд Гомберг». Погиб и рейхсбаннеровец Вальтер Кремер, функционер профсоюза текстильщиков. После зверских избиений он с перебитыми костями был доставлен в больницу Каппельхен, где спустя несколько дней скончался в невероятных мучениях.

---

[1] Группы, воинские и полицейские соединения и команды часто назывались, как и в данном случае, по фамилии начальника.—*Прим. ред.*

Среди 628 мужчин, женщин, юношей и девушек, представших наконец после допросов перед судом фашистских палачей, были коммунисты и социал-демократы, активисты — члены профсоюзов, члены «трудового фронта» и «доверенные лица». Среди них были люди с почти полной потерей трудоспособности, инвалиды войны и даже один слепой. Обвиняемые были объединены в большие группы по городским районам или по работе на одном предприятии. Окружные суды в Вуппертале и Эльберфельде, а также трибуналы в Гамме и Лейпциге выносили крайне суровые приговоры — подсудимые приговаривались к длительному заключению в каторжных тюрьмах. Присяжными трибунала в Гамме были три руководителя штурмовых отрядов, два группенфюрера СС и один обер-лейтенант авиации. Понятно, что они старались любыми средствами запугать «обвиняемых». Но подсудимые — рабочие, служащие и ремесленники — вели себя мужественно и даже в зале суда требовали от имени многочисленных вуппертальских безработных «свободы и хлеба». Один из обвиняемых, профсоюзный активист, 62-летний старик, уверенно и бесстрашно сказал, обращаясь к фашистским наемникам в судейских мантиях:

«Я вырос и прожил всю свою жизнь в условиях классовой борьбы. А вы хотите, чтобы я вдруг поверил в то, что классовой борьбы не существует. В 1891 году на этом же месте, где я теперь стою, стоял и Август Бебель, которому предъявили то же обвинение. Уже тогда хотели подавить рабочее движение и уничтожить классовую борьбу. Это не удалось тогда, не удастся это и теперь!»

В борьбе против гитлеровской политики войны и ее социальных последствий Коммунистической партии Германии удалось, несмотря на усилившийся террор, организовать целый ряд следовавших друг за другом стачек. Из далеко не полных данных гестапо явствует, что только в 1935 году бастовало около 25 тысяч рабочих разных профессий. Это были прежде всего рабочие, занятые на постройке автострад и на государственных общественных работах, строители, судостроители, рабочие военных заводов и шахтеры. *Даже в сложившейся тяжелой обстановке германские коммунисты не выпускали из рук знамя борьбы против милитаризма и войны, которое они приняли из рук Карла Либкнехта.*

VII ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА И IV КОНФЕРЕНЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

В истории Коммунистической партии Германии в годы фашистской диктатуры очень большую роль сыграл VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, происходивший в Москве с 25 июля по 20 августа 1935 года; огромное значение он имел и для IV конференции КПГ — так называемой Брюссельской конференции, состоявшейся 3—15 октября того же года. Лишь очень немногие съезды и пленумы руководящих органов германского рабочего движения имели такое историческое значение, как конференция в Брюсселе. В своей заключительной речи на этой конференции товарищ Вильгельм Пик, характеризуя резолюцию, завершившую ее работу, сказал:

«Эта резолюция является важнейшим документом из всех когда-либо созданных партией. Особое значение она приобретает благодаря поставленной в ней ответственной и сложнейшей задаче: применить новую тактику, направленную на создание единого фронта и антифашистского народного фронта» [1].

Брюссельская партийная конференция была первой конференцией КПГ, созванной после победы фашизма в Германии. Перед ней стояла задача проанализировать причины, которые привели фашизм к власти, самокритически подвергнуть тщательному разбору политику и деятельность КПГ за прошедший период и наметить новые пути для работы в условиях нацистской диктатуры. Отправным пунктом и основой для решения этой задачи явились речи Георгия Димитрова на VII Всемирном конгрессе Коминтерна и принятые этим конгрессом решения.

---

[1] W i l h e l m P i e c k, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 140.

Речи товарища Вильгельма Пика на конференции в Брюсселе и резолюции, принятые конференцией, были опубликованы под общим заголовком «Новый путь к совместной борьбе за свержение гитлеровской диктатуры». Этот заголовок не являлся преувеличением. Новая тактика имела целью создание единого фронта в рабочем движении, объединение всех антигитлеровских сил в антифашистском народном фронте и свержение гитлеровской диктатуры. Несмотря на смелую борьбу коммунистических организаций в Германии, несмотря на жертвы, понесенные героическим коммунистическим подпольем, несмотря на большую антифашистскую работу по руководству этим подпольем, которая велась органами компартии в эмиграции, КПГ не удалось осуществить эту цель. Только славной Советской Армии под водительством Сталина удалось разгромить и уничтожить гитлеровскую диктатуру. В силу такого исторического развития решения Брюссельской конференции нашли свое отражение в политике и тактике КПГ и после свержения гитлеровского фашизма, а после объединения КПГ с социал-демократической партией сохранили свое значение и для вновь созданной Социалистической единой партии Германии.

Г. Димитров поставил уже на VII Всемирном конгрессе Коминтерна вопрос, который приобрел решающее значение в работе Брюссельской конференции, и дал на него ясный ответ: «Была ли неизбежна победа фашизма *в Германии?* Нет, ее мог предотвратить германский рабочий класс» [1].

Но для этого было необходимо добиться единства действий против фашизма, создать антифашистский пролетарский единый фронт. Германский рабочий класс не должен был допускать, чтобы социал-демократия ограничивала свою борьбу трескучими резолюциями или, как это было после разгрома Папеном социал-демократического правительства в Пруссии, апелляцией к реакционнейшему государственному верховному суду. Необходимо было развернуть подлинную, массовую борьбу против осуществления фашистских замыслов. Социал-демократии вместо того, чтобы запрещать Союз красных

---

[1] Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, Москва, Партиздат, 1939, стр. 13.

фронтовиков, необходимо было добиться тесного контакта этого союза с дружинами Рейхсбаннера. Социал-демократические «государственные мужи» должны были употребить свою власть не против коммунистов, а против нацистов и их покровителей — магнатов крупного капитала. Наконец, социал-демократические правительства должны были вести совершенно иную политику по отношению к крестьянству, такую политику, которая превратила бы разоренное крестьянство в союзника рабочего класса. Рассмотрев все эти вопросы в своей речи, Димитров пришел к следующему выводу:

«Это не было сделано по вине социал-демократии Германии, и поэтому фашизм *сумел* победить» [1].

До установления открытой фашистской диктатуры буржуазные правительства проходят ряд этапов и осуществляют различные реакционные мероприятия, непосредственно помогающие приходу фашистов к власти [2]. На всех этих этапах социал-демократия проводила политику сотрудничества с буржуазией и тем самым привела рабочий класс к расколу и политически и организационно разоружила его. Поэтому Георгий Димитров с полным основанием говорил:

«Кто не борется на этих подготовительных этапах против реакционных мероприятий буржуазии и против нарастающего фашизма, *тот не в состоянии помешать, тот, наоборот, облегчает победу фашизма.*

Вожди социал-демократии затушевывали и скрывали от масс подлинный классовый характер фашизма и не звали к борьбе против усиливающихся реакционных мероприятий буржуазии. Они несут большую *историческую ответственность* за то, что в решительный момент фашистского наступления значительная часть трудящихся масс в Германии... не узнавала в фашизме кровожаднейшего финансового хищника, своего злейшего врага, и что эти массы не были готовы к отпору» [3].

Между прочим, в настоящий момент мы на примере Западной Германии видим, как положения, высказанные Димитровым, вновь подтверждаются, правда в иной обстановке. Поэтому они сохраняют и сейчас свое значение

---

[1] Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 14.

[2] См. там же, стр. 8.

[3] Там же.

в борьбе против рефашизации и приготовлений к новой войне, проводимых правящими кругами Западной Германии.

Резолюция Брюссельской конференции на вопрос о том, как фашизму удалось одержать победу в Германии, отвечала следующим образом:

«Фашизм мог одержать победу в Германии только потому, что политика классового сотрудничества с буржуазией, проводимая руководством социал-демократической партии и профсоюзов, привела к расколу германского рабочего класса, который не сумел объединиться в борьбе против фашизма» [1].

Товарищ Вильгельм Пик, анализируя развитие событий, в результате которых фашизм захватил власть, отмечал:

«Историческая правда заключается не в том, что несостоятельной оказалась компартия Германии или неправильным оказался путь коммунизма и пролетарской революции. Нет! Несостоятельным оказался путь социал-демократической партии Германии, путь классового сотрудничества с буржуазией, ее путь коалиционной политики» [2].

Если бы Брюссельская конференция ограничилась лишь констатацией этого положения, она никогда не приобрела бы своего исторического значения. Но конференция подвергла резкой критике и ошибки, допущенные Коммунистической партией Германии. Только эта критика собственных ошибок позволила партии наметить новые пути борьбы, выработать новую тактику.

На VII Всемирном конгрессе Коминтерна Димитров говорил:

«*Мы враги всякой схематичности.* Мы хотим учитывать конкретную обстановку в каждый момент и в каждом данном месте, а не действовать *по определенному шаблону* везде и всюду, не забывать, что в *разных* условиях позиция коммунистов не может быть *одинаковой.*

Мы хотим трезво учитывать *все этапы* в развитии классовой борьбы и в росте классового сознания самих масс, уметь находить и разрешать на каждом этапе

---

[1] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 151.
[2] Там же, стр. 20—21.

соответствующие этому этапу *конкретные* задачи революционного движения»[1].

Ошибки КПГ явились результатом недооценки этих основных принципов марксистско-ленинской стратегии и тактики. КПГ с самого начала вела последовательную борьбу против усиливавшегося фашизма и возрастающей военной угрозы. Она была также непримиримым и наиболее последовательным противником всех реакционных элементов, которые расчищали своей политикой дорогу фашизму. В годы послевоенного кризиса и последовавшей затем относительной стабилизации капитализма вся германская контрреволюция собралась под знаменами Веймарской республики. Коммунисты не повинны в том, что социал-демократия стала главным выразителем идей этой республики и вследствие этого коммунистам пришлось бороться и против социал-демократов. Но когда к власти стали приходить все более реакционные представители финансового капитала, когда фашизм стал превращаться в массовое движение и сделался опасен, КПГ должна была изменить свою тактику и избрать иное направление главного удара. КПГ, разумеется, продолжала борьбу против фашизма и несколько раз предлагала социал-демократической партии и Всеобщему объединению немецких профсоюзов установить единый фронт, однако эти предложения отклонялись правыми лидерами социал-демократии и профсоюзов. Поэтому товарищ Вильгельм Пик в своей речи на Брюссельской конференции с полным основанием заявил:

«Но мы должны разъяснить, как могло получиться, что мы, коммунисты, не смогли привлечь на свою сторону рабочие массы, и прежде всего рабочих — социал-демократов, не смогли поднять их на борьбу против установления фашистской диктатуры?»[2]

Этот вопрос был важнейшим вопросом всей деятельности КПГ, вопросом стратегии и тактики революционной борьбы. Вильгельм Пик так ответил на него:

«В течение последних двух лет перед установлением гитлеровской диктатуры мы допустили серьезные ошиб-

---

[1] Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 63.

[2] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 21.

ки в проведении политической линии партии, ошибки как стратегические, так и тактические. Это относится главным образом к оценке существовавшего положения и к соотношению классовых сил, а также к определению направления главного удара»[1].

Ошибка КПГ заключалась в том, что партия продолжала все еще придерживаться тактики, которая была правильной для определенного времени, но не теперь, когда вследствие усиления фашизма положение в Германии и условия борьбы изменились. После победы фашистов на выборах 14 сентября 1930 года компартия должна была направить главный удар не против социал-демократии, а против фашистов и сделать все возможное для создания единого фронта с социал-демократическими рабочими для борьбы против фашизма. Террористические меры социал-демократического правительства Пруссии против революционных рабочих не следовало рассматривать как препятствие для создания единого фронта с социал-демократией.

Однако влияние ультралевых сектантских взглядов, которое исходило прежде всего от группы Неймана — Реммеле, а также и Пауля Меркера, помешало партии правильно оценить всю огромную опасность фашизма. Лозунг Меркера о «маленьких Цергибелях»[2], в соответствии с которым рядовые рабочие — социал-демократы и предательское руководство социал-демократии ставились на одну доску, участие в голосовании против социал-демократического прусского правительства, хвастливая болтовня Гейнца Неймана, недооценивавшего фашистскую опасность, сектантское извращение политики Революционной профоппозиции, приводившее подчас к полной изоляции от профсоюзов,— все это мешало КПГ добиться организации настоящего боевого союза, установить единство действий с социал-демократическими рабочими и их организациями. Вот почему сами по себе правильные предложения КПГ о совместных выступлениях против переворота Папена в Пруссии 20 июля 1932 года или против прихода Гитлера к власти 30 янва-

---

[1] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 21.

[2] Цергибель — социал-демократический полицей-президент Берлина, отдавший в 1929 году приказ о расстреле рабочей демонстрации.— *Прим. ред.*

ря 1933 года не привели к такому массовому выступлению социал-демократических рабочих, в результате которого было бы установлено единство действий против фашизма.

Характеристика социал-демократии, как главной опоры буржуазии в то время, привела к тому, что партия не сумела правильно оценить и использовать для развертывания массовой борьбы процесс дифференциации, происходивший среди широких слоев рядовых членов социал-демократии и профсоюзов, которые разочаровались в «коалиционной политике» своего руководства и были готовы к массовой борьбе против фашизма. Эта неправильная оценка социал-демократии не изменилась даже после того, как фашисты захватили власть и разгромили все социал-демократические организации и ее прессу. Причиной всех этих ошибок являлся недостаточно глубокий анализ существовавшего положения и соотношения классовых сил в Германии, а также самодовольное сектантство, имевшее место в КПГ.

Еще в феврале 1932 года Эрнст Тельман указывал, что «революционная политика единого фронта является основным звеном пролетарской политики в Германии». Но, несмотря на это, партия не смогла выработать правильную тактику. Были даже отдельные случаи, когда осуждались успешные попытки установления единства действий на местах и от них отмежевывались.

На Брюссельской конференции эти ошибки и слабости были вскрыты в обстановке резкой и открытой самокритики. Это укрепило партию и позволило ей сделать коренной поворот во всей политике.

В основной части резолюции, принятой на конференции, был дан исчерпывающий анализ обстановки в Германии. Он определил основные положения, генеральную линию партии, целиком и полностью оправданную дальнейшим ходом истории. Особенно справедливой была оценка милитаристской политики нацистской диктатуры, о которой в резолюции говорилось:

«Подготовка войны во имя империалистских целей германского монополистического капитала превратила *всю страну в настоящий военный лагерь*... Но война принесет Германии новое поражение и ввергнет немецкий народ в еще более глубокую нужду и порабощение.

Гитлеровское правительство является *главным поджигателем новой преступной войны в Европе»* [1].

Гитлеровская политика подготовки войны находилась в резком противоречии с национальными интересами германского народа, которому новая мировая война грозила страшными бедствиями и неисчислимыми жертвами. Антинациональный, антинародный характер войны, которую готовили гитлеровцы, теперь не вызывал больше никаких сомнений. Борьба за мир на Брюссельской конференции рассматривалась поэтому как дело всего немецкого народа и считалась одной из основных задач антифашистского народного фронта. Ко всем противникам Гитлера был обращен призыв объединяться для свержения нацистской диктатуры и спасения нации.

Из анализа сложившейся обстановки и изменений, которые произошли тогда в гитлеровской Германии, вытекала центральная задача, поставленная резолюцией. Она заключалась «в установлении единства действий всех слоев германского рабочего класса и создании антифашистского народного фронта всех трудящихся для борьбы против фашистской диктатуры и ее свержения» [2].

Конференция потребовала по-новому применять тактику единого фронта, установить новые взаимоотношения между социал-демократической и коммунистической партиями и добиться единства действий обеих партий, всех их организаций и рядовых членов. Она решительно выступила против сектантской точки зрения, согласно которой контакт с социал-демократическими организациями являлся делом чисто формальным, нужным только для того, чтобы привлечь рабочих — социал-демократов на свою сторону или чтобы разоблачить социал-демократическое руководство. Содержанием устанавливаемого единства действий должна была стать защита экономических интересов рабочих, совместная борьба против фашистского террора и организация совместной помощи жертвам этого террора. Партия решительно взяла курс на соглашение с правлением социал-демократической партии об установлении единого фронта и одновременно на достижение таких же соглашений между низовыми организациями обеих партий.

---

[1] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 148.

[2] Там же, стр. 151.

Резолюция Брюссельской конференции проникнута уверенностью в том, что единство действий рабочего класса в борьбе за непосредственные экономические и политические требования приведет к преодолению раскола в германском рабочем движении. Заключительный абзац раздела, озаглавленного «Пути, содержание и перспективы борьбы единого фронта», гласит:

«Будучи твердо уверена в том, что дело пролетариата настоятельно требует *создания единой массовой политической партии* рабочего класса, Коммунистическая партия Германии стремится убедить в этом всех политически сознательных рабочих. Установление единства действий рабочего класса является практической предпосылкой для создания такой партии. Жестокие уроки, которые рабочий класс получил в результате победы фашизма и своего собственного поражения, породили в нем стремление к воссоединению в единой массовой политической партии» [1].

Товарищ Вальтер Ульбрихт, выступавший на Брюссельской конференции по вопросу о работе профсоюзов в Германии, подчеркнул значение борьбы за единый фронт для восстановления единства в профсоюзном движении.

«Ныне бывшие члены Революционной профоппозиции, социал-демократы и католики из партии центра,— сказал товарищ Ульбрихт,— одинаково подвергаются в концлагерях пыткам. Многие из них предательски убиты! *Наш долг чести перед ними — действовать совместно, ковать единый фронт и бороться плечом к плечу за восстановление свободных профсоюзов...* Свободные профсоюзы в высшей степени заинтересованы в создании единого фронта коммунистической и социал-демократической партий, ибо это облегчит им осуществление общих требований профсоюзного движения, поддержанных обеими партиями, и обеспечит единство в профсоюзном движении» [2].

В соответствии с этим резолюция Брюссельской конференции потребовала положить конец расколу в проф-

---

[1] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 156.

[2] Walter Ulbricht, Der gewerkschaftliche Kampf in Deutschland, Referat auf der Parteikonferenz, Brüssel, 1935. Брошюра была опубликована нелегально под заголовком «Математические фокусы и головоломки».

союзном движении, существовавшему подобно тому, как это было среди рабочих партий. В Брюсселе окончательно был взят курс на профсоюзное единство, на создание мощных профсоюзов, объединяющих рабочих, придерживающихся различных взглядов, различных политических убеждений. Этот курс коммунистическая партия сохранила без малейших отклонений и после разгрома гитлеровского режима.

На VII Всемирном конгрессе Коминтерна Георгий Димитров, обосновывая необходимость использования всякой возможности для легальных и полулегальных выступлений внутри фашистских массовых организаций в целях защиты интересов трудящихся, привел меткое сравнение с троянским конем, получившее широкую известность. Вопросам антифашистской работы в фашистских массовых организациях, естественно, было уделено много внимания на конференции. Это нашло свое отражение в докладах товарищей Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, в выступлениях делегатов из самой Германии, а также в резолюции. Так, например, относительно работы в «Германском трудовом фронте» в резолюции говорилось следующее:

«Социально-демагогические лозунги фашистов («За справедливую заработную плату!», «Требует тот, кто трудится!», «За красоту рабочего места!» и т. д.) и антикапиталистическая фразеология фашистов должны стать исходным пунктом для дискуссий о заработной плате и ее повышении, об условиях работы на производстве и их улучшении и, наконец, о том, как следует за это бороться. В ходе этих дискуссий необходимо умело и осторожно выдвигать такие требования, как предоставление членам «трудового фронта» права участия в управлении предприятиями, свободные выборы всех должностных лиц, а также заводских советов, доверенных лиц и молодежных организаторов; открытые отчеты руководства с обсуждением на общих собраниях; проверка денежной отчетности и контроль над использованием средств, поступающих по членским взносам» [1].

Конференция осудила недооценку этой работы и отказ некоторых членов партии выполнять ее. Товарищ

---

[1] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 157—158.

Вальтер Ульбрихт в своей речи решительно возражал противникам «тактики троянского коня» и показал на конкретных примерах подпольной работы, как следует применять эту тактику. Конференция отметила, что все перечисленные задачи будут решены, если все антифашисты уяснят себе революционное значение этой работы, используют большие возможности, которые таит в себе мобилизация масс на борьбу за интересы трудящихся, за единый фронт, а также на борьбу против фашизма внутри фашистских организаций. Поэтому было подчеркнуто, что антифашисты должны проникать внутрь массовых фашистских организаций, добиваться получения в них различных постов и должностей и использовать их в интересах масс, чтобы таким путем завоевать доверие широких кругов рядовых членов этих организаций. Антифашисты должны были приспособлять свою агитацию и методы своей работы к конкретным условиям фашистских массовых организаций.

Особенно резкой критике подвергла Брюссельская конференция сектантскую политику Коммунистического союза молодежи и потребовала от него руководствоваться в работе среди молодежи новыми установками. В своей заключительной речи товарищ Вильгельм Пик сказал:

«Создание мощного свободного фронта трудящейся молодежи является задачей главным образом нашей партии. Члены нашей партии должны чувствовать ответственность за это дело» [1].

Резолюция призывала к объединению коммунистической и социал-демократической молодежи, рассматривая это как предпосылку для создания широкого массового движения всего молодого поколения. Это движение должно было охватить всех трудящихся юношей и девушек, невзирая на различия их взглядов или религиозных верований.

Установление единства рабочего класса было предпосылкой для создания антифашистского народного фронта. Только объединенный рабочий класс мог бы, подобно магниту, привлечь на свою сторону все остальные слои населения. На VII Всемирном конгрессе Коминтерна товарищ Димитров так сформулировал это положение:

---

[1] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 133.

«Успех всей борьбы пролетариата тесно связан с установлением боевого союза пролетариата с трудящимся крестьянством и с основной массой городской мелкой буржуазии, составляющими большинство населения даже промышленно развитых стран» [1].

Выступая на Брюссельской конференции, товарищ Вильгельм Пик указывал, что экономическая политика монополистического капитала, подчинение всей хозяйственной жизни страны задачам подготовки войны, а также варварская борьба фашистов против культуры и террор порождают повсеместно глубокое недовольство. Этим необходимо воспользоваться для того, чтобы установить новые отношения между пролетариатом и другими слоями населения. По этому поводу в резолюции конференции было сказано следующее:

«Создание антифашистского народного фронта, объединение всех противников фашистского режима на основе *единой боевой политической программы* борьбы против фашистской диктатуры, установление боевого союза рабочего класса с крестьянством, мелкой буржуазией и интеллигенцией, сплочение всех трудящихся города и деревни в борьбе *за свободу, за мир и за хлеб* — таковы решающие предпосылки, необходимые для свержения гитлеровской диктатуры» [2].

Эта боевая политическая программа была изложена в манифесте к трудящемуся народу Германии, принятом на Брюссельской конференции. КПГ была первой, точнее говоря, единственной политической партией, которая предприняла попытку создать платформу для всех антифашистских, антигитлеровских сил. На этой платформе начало зарождаться движение за единый антифашистский народный фронт как внутри страны, так и в эмиграции.

На VII Всемирном конгрессе Коминтерна товарищ Димитров выступил против «боязни перед выставлением положительных демократических требований» [3]. При этом неправильной, немарксистской позиции по отно-

---

[1] Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 26.

[2] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 163.

[3] Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 77.

шению к демократии он противопоставил ленинскую позицию.

«Было бы коренной ошибкой думать, — писал Ленин, — что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»[1].

Поэтому в резолюции и в манифесте были выдвинуты требования основных демократических прав и свобод. Этим требованиям необходимо было отдать предпочтение в общей антифашистской борьбе. В связи с программой борьбы за демократические права и свободы, за свержение гитлеровской диктатуры с помощью антифашистского народного фронта встал также вопрос о будущем правительстве. В манифесте об этом говорилось так:

«Мы вполне допускаем положение, при котором создание правительства единого фронта или народного фронта станет возможным и необходимым. Во всяком случае, трудящийся народ Германии сам решит вопрос о правительстве после свержения гитлеровской диктатуры. Мы, коммунисты, при любом правительстве будем продолжать борьбу за интересы трудящихся масс»[2].

Все приведенные документы убедительно свидетельствуют о том, какой логичной и последовательной была политика, начало которой было положено в Брюсселе; они показывают также, как эта политика, осуществляемая партией и после 1945 года, помогла ей преодолеть раскол в рабочем движении, образовать блок антифашистских демократических партий и создать демократический строй.

Новый путь, на который КПГ вступила после решений Брюссельской конференции, получил полное одобрение Эрнста Тельмана. В 1935 году руководству партии удалось сообщить находившемуся в заключении вождю КПГ о том, что партия, исходя из сложившейся конкрет-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 133.

[2] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 179—180.

ной обстановки, ставит себе новую цель: мобилизовать рабочий класс и трудящиеся массы на борьбу за решение антифашистских, демократических задач и за создание правительства антифашистского народного фронта [1].

Брюссельская конференция избрала товарища Вильгельма Пика, обосновавшего новую тактику партии, председателем Коммунистической партии Германии, заменившим товарища Тельмана на этом посту.

---

[1] См. Walter Ulbricht, Wir erfüllen Ernst Thälmanns Vermächtnis, Dietz Verlag, Berlin, 1953, S. 25—26.

ПОДПОЛЬНАЯ БОРЬБА КПГ В ОЦЕНКЕ ЕЕ ЗЛЕЙШИХ ВРАГОВ

Анализируя новые явления, характеризовавшие обстановку в Германии того периода, резолюция Брюссельской конференции отмечала:

«Современная обстановка в Германии характеризуется многочисленными проявлениями возрастающего недовольства масс. Новым моментом является при этом то, что недовольство масс сопровождается начавшимся процессом активизации рабочих на предприятиях, что, в свою очередь, оказывает влияние на остальные слои трудящегося населения и создает возможность сплочения всех сил, направленных против гитлеровской диктатуры» [1].

Далее резолюция констатировала, что гитлеровскому фашизму не удалось обеспечить себе политическую поддержку основной массы рабочих, что основная масса рабочих относится к фашизму отрицательно, круг его сторонников сужается. Растущая дороговизна, продовольственные затруднения, все возрастающая неуверенность в завтрашнем дне, порожденные общей неустойчивостью экономического положения в стране, а также возмущение наглым произволом коричневых банд вызвали новый взрыв недовольства в массах, в том числе и среди мелкой буржуазии, которая была социальной базой фашистской диктатуры.

В наши дни может показаться, если принять во внимание положение в стране, и особенно если учесть дальнейший ход событий, что партия в тот момент переоценивала возможности борьбы против гитлеровской

[1] Wilhelm Pieck, Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur, S. 145.

диктатуры. Это было бы в корне неправильным. В действительности Брюссельская конференция совершенно правильно оценила обстановку в Германии. Лучшим подтверждением этого являются в данном случае свидетельства злейших, смертельных врагов коммунистической партии — гестаповцев.

Время от времени государственная тайная полиция составляла так называемые обзорные доклады, информируя таким образом наиболее высокопоставленных палачей, а также нацистское руководство об истинном положении в стране. Эти обзоры были снабжены грифом «Совершенно секретно! Разглашение карается, как государственная измена». Они содержали исключительно богатый материал о действительной обстановке в Германии, а также о масштабах и результатах подпольной борьбы КПГ. Один из таких обзоров был составлен 3 октября 1935 года, то есть как раз в день открытия Брюссельской конференции. Он охватывает период с июля по сентябрь 1935 года включительно. Несмотря на хвастливые заявления в общей части обзора об успешной борьбе против КПГ, гестапо вынуждено было признать, что «численный состав КПГ и примыкающих к ней организаций по сравнению с данными прошлого обзора за ноябрь 1934 года существенно не изменился». «Можно отметить,— говорилось далее в обзоре,— лишь незначительную тенденцию *роста числа членов в этих организациях»*.

Далее отмечается целый ряд «тревожных моментов», которые не только объясняют непрерывный рост коммунистического движения, но, что самое важное, вызывают серьезнейшие опасения. «Почти в каждом донесении,— говорится дословно в обзоре,— все чаще отмечается все возрастающая серьезность складывающегося положения. Настроение широких масс, и прежде всего трудящихся слоев населения, непрерывно ухудшается». Донесения гестапо из различных городов страны, отрывки из которых приводятся ниже, дают еще более яркую картину. Приведенные ниже данные датированы июлем 1935 года.

Из Бремена гестапо сообщало: «Положение в настоящий момент крайне напряженное. Численность наших врагов и их методы борьбы представляют для нас угрозу».

В сообщении *из Гамбурга* говорилось: «Приходится признать, что по сравнению с прошлым годом настроение рабочих значительно ухудшилось».

Из Потсдама сообщали: «...вследствие этого постепенно распространяются настроения равнодушия и даже некоторой неприязни к национал-социализму. Это серьезная угроза, особенно если учесть, что подобные настроения отмечаются даже среди членов национал-социалистской партии. В последнее время наблюдается также растущая готовность рабочих добиться улучшения экономических условий жизни насильственным путем, то есть путем стачек и уклонения от работы».

Наконец, *из Саарбрюккена* сообщали: «За отчетный период сторонники коммунистической партии Саарской области активизировались».

Такие же факты отмечались и в августовских докладах гестапо.

Мюнхенское гестапо отмечало, что «организаторская и пропагандистская деятельность подпольных организаций КПГ не уменьшилась». «Следует подчеркнуть,— говорилось далее, — что КПГ усиленно использует в пропагандистских целях низкую заработную плату. Это является значительным аргументом в работе КПГ».

Из Веймара сообщалось: «По сравнению с прошлым месяцем деятельность марксистов в Тюрингии усилилась. За прошедший период увеличилось количество нелегальных марксистских листовок».

«Устная коммунистическая пропаганда усиливается, — доносило гестапо *из Эрфурта.* — Об этом неопровержимо свидетельствуют изменения в настроении трудящихся и малоимущих слоев населения. *VII Всемирный конгресс Коминтерна в Москве, очевидно, вдохнул новую энергию в коммунистов*».

Из Мюнстера передавали следующее: «Подпольные организации КПГ активизировали пропагандистскую работу во всех ее формах. За отчетный период неоднократно отмечались случаи, когда в ответ на национальное германское приветствие «Хейль Гитлер!» раздавалось «Хейль Москау!»

Из Потсдама сообщалось: «За прошедший месяц усилилась пропагандистская деятельность коммунистов, распространяющих листовки. Особенно часто беспорядки, как и в прошлом месяце, происходили на строительстве

имперских автострад. С целого ряда строительных участков, находящихся в нашем округе, доносят, что не только большинство рабочих, но многие мастера и десятники вновь поддерживают коммунистов и марксистов».

Берлинское гестапо сетовало на то, что в городе, наряду с большим количеством нелегальных пропагандистских материалов, поступающих от партийных центров из-за границы, распространяется большое количество местных газет и листовок. «Подпольные газеты выпускаются в домах, кварталах, в районах города, — доносило гестапо. — За последние месяцы в Берлине ежемесячно распространялось в среднем около 60 подпольных газет. Если учесть, что тираж каждой такой газеты, несмотря на то, что они размножаются не типографским способом, все же достигает 200—300 экземпляров, то будет ясно, каких масштабов достигла коммунистическая пропаганда именно в Берлине».

Подытоживая сообщения с мест, гестапо в своем обзоре отмечает, что при таком положении дел коммунистические агитаторы чувствуют себя как рыба в воде, «подстрекают массы» и что следует ожидать нового подъема коммунистического движения. В обзоре сообщается, что в течение трех месяцев, с июня по август 1935 года, имели место 13 забастовок и 39 случаев саботажа. В качестве примера приводится лишь одна забастовка, происходившая на строительстве военных объектов в Людвигсорте, где рабочие в течение двух дней не приступали к работе, требуя повышения заработной платы.

Из докладов местных управлений гестапо, на материале которых составлялся общий обзор, явствует, что за вторую половину 1935 года и 1936 год имели место многочисленные как мелкие, так и значительные стачки, иногда принимавшие характер открытых антигитлеровских демонстраций. Открыто выражали свой протест чаще всего безработные, которых в принудительном порядке посылали на строительство автострад и военных объектов. Квалифицированные рабочие использовались там на исключительно тяжелых земляных и транспортных работах, причем жалованье их составляло 52 пфеннига в час. Небезинтересно будет привести некоторые наиболее характерные примеры, взятые из многочисленных сообщений из всех частей Германии.

В округе Эйслебен 18 октября 1935 года 50 человек из числа рабочих, занятых на строительстве шлюзов у Ротенбурга, явились в контору и потребовали повышения заработной платы и улучшения условий доставки к месту работы. Среди них было 12 коммунистов и 4 социал-демократа. Стачка длилась один день, в результате требование об улучшении доставки рабочих к месту работы было удовлетворено. Однако 5 забастовщиков было арестовано.

31 октября 1935 года 120 рабочих строительного лагеря в Тифенбахе (Гунсрюк) собрались перед зданием ратуши в Кобленце, требуя немедленной выплаты заработной платы. После недолгих переговоров это требование было удовлетворено. В строительном лагере в Гмюндене, у Кобленца, 21 ноября 1935 года 60 человек бросили работу и провели митинг у здания, где размещалось управление по социальному обеспечению.

В округе Гера 21 октября 1935 года 34 рабочих, присланных сюда из Саарской области на строительство автострады, не приступили к работе и потребовали отправки на родину.

На строительстве аэродрома в Лихтенау 11 июня 1936 года 120 рабочих отказались приступить к работе. «Находясь под влиянием подрывной пропаганды, они выдвинули необоснованные требования»,— сообщало гестапо. После того как рабочим было отказано в их требованиях, они покинули аэродром с пением «Интернационала».

Летом 1936 года происходили также многочисленные забастовки рабочих-сезонников в юнкерских поместьях. В одной из справок гестапо, датированной 21 августа 1936 года, сообщается о восьми таких забастовках, происшедших в различных частях страны.

Но еще важнее, чем выступления рабочих, занятых на общественных работах, и рабочих-сезонников, были забастовки рабочих на предприятиях в различных отраслях промышленности. Эти забастовки оказывали мобилизующее воздействие на весь рабочий класс страны. Мы ограничимся опять-таки лишь несколькими примерами, приводимыми в многочисленных гестаповских донесениях.

В мае 1936 года объявили забастовку около 300 рабочих фирмы «Вианова» в Бамберге. Присланные на постройку военного завода в Роттерсхаузене (округ Киссин-

ген), забастовщики требовали выплаты обещанных премиальных.

Примерно в то же время бастовали рабочие завода буровых труб «Феникс» в Дюссельдорф-Лиренфельде, входившего в германский трубопрокатный концерн.

14 мая 1936 года объявили стачку текстильщики фирмы «Нихузе унд Дюттинг» в Нордхорне. Они добились значительного повышения заработной платы и восстановления на работе уволенных товарищей.

Одной из наиболее известных забастовок этого периода была забастовка на автомобильных заводах Оппеля в Рюссельсгейме. 25 июня 1936 года рабочие цеха сборки кузовов бросили работу, демонстративно остановили конвейер и собрались у заводоуправления, требуя отменить снижение заработной платы.

Месяцем позже, утром 24 июля, объявили стачку около 600 рабочих заводов «Ауто-Унион» в Берлине, в районе Шпандау. На требование администрации возобновить работу собравшиеся на заводском дворе забастовщики ответили бурными протестами. Забастовка была направлена против так называемой «реорганизации» заработной платы.

На ткацкой фабрике Хенша в Гросшёнау предприниматель решил провести 25-процентное снижение заработной платы. Все 200 рабочих фабрики объявили 20 октября 1936 года забастовку, протестуя против этой наглой урезки зарплаты.

В гестаповском обзоре за сентябрь 1936 года цитируется протокол совещания, происходившего 27 июля 1936 года в Министерстве экономики. В протоколе дана следующая оценка забастовочного движения:

«Министериаль-директор[1] Штилер, член национал-социалистской партии, подчеркнул, что в течение 1936 года происходил еще больший, чем в 1934—1935 годах, рост числа стачек и случаев отказа продолжать работу, которые следует приравнять к забастовкам. *Определенный процент составляли при этом, бесспорно, политические стачки...* Эти случаи свидетельствуют о том, что здесь применялась тактика подпольщиков, которые стремятся постепенно вновь приохотить рабочий класс к забастовкам».

---

[1] Один из высших гражданских чинов в гитлеровской Германии.— *Прим. ред.*

На этом нацистском совещании было решено разработать общие инструкции для «опекунов труда» о борьбе со стачечным движением. При этом, однако, в протоколе отмечалось, что «такого рода инструкции должны быть строго секретными документами, ибо их разглашение будет использовано вражеской пропагандой в Германии и за границей и приведет к крайне нежелательным последствиям в стране».

О том, какую опасность представляли для нацистского режима стачки и выступления рабочих, лучше всего свидетельствует документ от 26 сентября 1936 года, составленный разведывательным отделом штаба военно-воздушных сил. В нем говорится: «Из ряда донесений органов разведки стало известно, что за последнее время усилились происки коммунистов на стройках различных военных сооружений и прежде всего на строительстве объектов для военно-воздушных сил. Это находит свое выражение в отказе от работы, в актах саботажа и угрозах прибегнуть к саботажу, в пении «Интернационала», в возгласах «Хейль Москау!», высказываниях антигосударственного характера, в письмах, распространении листовок изменнического характера и т. д. В отдельных местах имели место случаи создания нелегальных коммунистических ячеек и попытки установить связь с единомышленниками на соседних строительных участках. По мнению разведотдела штаба военно-воздушных сил, эти коммунистические происки представляли собой серьезную угрозу для государственной обороны», под которой, разумеется, понималась гитлеровская гонка вооружений и подготовка войны.

Из докладов Главного имперского управления службы безопасности за октябрь 1936 года и февраль 1937 года явствует, что вследствие усилившегося террора коммунистам становилось все труднее проводить свою работу. Гестапо расширяло сеть своих агентов во всех «унифицированных» организациях и взяло их под усиленное наблюдение. Это, в первую очередь, относилось к спортивным организациям, которые играли важную роль в подпольной работе, а также к кооперативным и другим организациям. Но, несмотря на это, коммунисты продолжали героическую борьбу.

В гестаповском отчете за октябрь 1936 года сообщается, что «волнения в Испании» вызвали лишь незна-

чительное оживление в работе коммунистов в Германии. В отчете говорится, что коммунисты распространяли листовки, причем некоторые коммунисты использовали гражданскую войну в Испании для пропаганды своих взглядов. Веймарское гестапо сообщало по этому поводу, что «...за участие в сборе средств для испанских коммунистов было арестовано семь человек — рабочие со строительства Гогенвартской плотины». Отчет был полон уверений в том, что коммунистам, несмотря на все их усилия, не удалось добиться ожидаемых успехов в национал-социалистских организациях и учреждениях. Однако он содержал весьма характерные данные и по этому вопросу. Так, приводилось сообщение гестапо из Франкфурта-на-Одере, в котором говорилось:

«Санитарный полувзвод СА в Бризков-Финкенхерде пришлось расформировать. 24 санитара, почти все бывшие функционеры и особо активные члены левых партий, давно находились под подозрением. Эти люди использовали постоянную совместную службу в санитарном отряде для своей подрывной коммунистической деятельности. Они как группами, так и в одиночку слушали передачи иностранного, в том числе и московского радио. Эти передачи они обсуждали, собираясь вместе якобы по делам службы».

В отчете приводится сообщение о том, что возросло число кратковременных забастовок, продолжительность которых иногда не превышала одного часа. По этому поводу говорится:

«Участниками таких забастовок являются чаще всего члены всех прежних социал-демократических организаций и коммунисты. Однако в них принимают участие и члены национал-социалистской партии и штурмовики. Политическая подоплека почти отсутствует, забастовки, как правило, носят экономический характер. *Но не исключена возможность того, что коммунисты, как этого требует их ЦК, в ряде случаев являются тайными организаторами забастовок. При этом они действуют настолько осторожно и умело, что доказать их причастность к организации забастовок не удается»*.

Руководящей и движущей силой борьбы рабочего класса была коммунистическая партия. Об этом свидетельствует также статистика лиц, подвергшихся арестам. Согласно гестаповскому сообщению, за три месяца —

с июня по август 1935 года — было арестовано «за марксистскую подрывную деятельность в широком смысле» 4006 человек. Из них 3568 арестованным было предъявлено обвинение в «коммунистической подрывной деятельности». Наибольшее число арестов было произведено в Дюссельдорфе, в Саксонии и в Берлине.

Весьма показательные данные об арестах «за коммунистическую подрывную деятельность» приведены в секретном гестаповском донесении за февраль 1937 года. В нем говорится, что за последние четыре месяца было арестовано 4305 человек. Среди них было 13 членов национал-социалистской партии, 6 штурмовиков, *582 члена «трудового фронта», в том числе 1 руководитель отдела, 3 районных уполномоченных, 3 блокварта, один районный сборщик взносов и один заводской уполномоченный*[1], далее, 25 членов Имперского управления противовоздушной обороны, 22 члена национал-социалистской организации по социальному обеспечению, 11 членов национал-социалистского Союза помощи жертвам войны и, кроме того, целый ряд членов различных нацистских организаций вплоть до Имперского комитета по делам печати[2].

Здесь приведена лишь крайне незначительная часть секретных материалов из архивов гестапо и СС, которые стали доступными лишь после разгрома гитлеровцев победоносной Советской Армией. Но и эти документы позволяют сделать несколько очень важных выводов.

Во-первых, они полностью подтверждают абсолютную правильность анализа обстановки в гитлеровской Германии, данного на Брюссельской конференции КПГ.

Во-вторых, донесения гестапо свидетельствуют о том, что принятая на Брюссельской конференции новая тактика использования всех возможностей для легальной и полулегальной работы в фашистских массовых организациях оказалась совершенно правильной. Нацистское руководство увидело в этой тактике серьезную опасность для своего террористического господства.

---

[1] Перечисленные названия — различные должности в системе «трудового фронта», в которой имелся центральный аппарат (отделы) и территориальные и производственные организации. — *Прим. ред.*

[2] Имперский комитет по делам печати был одним из отделов Имперского комитета культуры — централизованной нацистской организации, подчиненной Министерству пропаганды. — *Прим. ред.*

В-третьих. Эти секретные документы составлены злейшими врагами коммунизма, врагами не на жизнь, а на смерть. Именно поэтому они являются почетным свидетельством той героической подпольной борьбы, которую вели члены Коммунистической партии Германии. Эту мужественную и самоотверженную борьбу коммунисты вели еще тогда, когда генералитет переживал вместе с Гитлером «медовый месяц» гонки вооружений, а доктор Карл Герделер еще был милостью Гитлера обер-бургомистром Лейпцига и имперским комиссаром по ценам[1].

Большая же часть буржуазии, надеясь на то, что Гитлер завоюет для нее пресловутое «место под солнцем», охотно «прощала» ему жесточайший кровавый террор против рабочего класса. Все это особенно необходимо помнить в наши дни, когда реакционные немецкие и иностранные, в первую очередь американские, «историки» пытаются в целях подготовки новой войны снять с немецких империалистов и милитаристов ответственность за все преступления гитлеровского режима и одновременно, не брезгуя никакими домыслами, всячески чернить коммунистов.

Но если оценка положения в Германии, данная КПГ, была правильной, то возникает вопрос: почему же партии, несмотря на героическую борьбу ее подпольных кадров, все-таки не удалось слить воедино отдельные выступления рабочих и поднять массы на борьбу за свержение гитлеровской диктатуры? Это объясняется главным образом следующими причинами.

Первая из этих причин — непрерывно возраставший нацистский террор. Гитлеровцы по малейшему подозрению производили массовые аресты, постоянно расширяли и укрепляли аппарат СС и гестапо, подвергали заключенных все более страшным пыткам. Стремясь запугать коммунистов, они казнили виднейших партийных работников, таких, как Эдгар Андре, Фите Шульце, Роберт Штамм, Адольф Рембте и другие. Та же участь постигла и главу подпольного центрального партийного руководства Вильгельма Фирля, арестованного в марте 1936 года. Фашистские палачи даже не пытались выдвинуть

---

[1] Карл Герделер — крупный нацистский чиновник. Впоследствии принял участие в заговоре 20 июля 1944 года, за что и был казнен.— *Прим. ред.*

какую-либо версию о его «преступлениях». В плакатах, расклеенных 18 августа 1937 года, в день его казни, говорилось, что Фирль приговорен к смерти за свои убеждения и «за попытку воссоздать коммунистическую партию». Гибель лучших партийных руководителей была невосполнимой потерей. ЦК КПГ вынужден был изменить методы работы. С 1936 года руководство подпольными партийными округами в Германии и обеспечение их руководящими материалами осуществлялось органами, находившимися в соседних странах. Кровавый террор привел к децентрализации руководства подпольной борьбой партии. Это затрудняло претворение в жизнь правильных решений Брюссельской конференции и развитие массового движения против гитлеровской диктатуры.

Второй причиной являлось то обстоятельство, что правые лидеры социал-демократии, и прежде всего эмигрантское правление социал-демократической партии в Праге, несмотря на изменившуюся обстановку в Германии, несмотря на все увеличивавшуюся опасность войны, грозившей немецкому народу катастрофой, придерживались своей старой политики раскола рабочего движения и коалиции с буржуазией. Они яростно сопротивлялись всем попыткам установления единого фронта рабочего класса и препятствовали тем самым возникновению широкого антифашистского народного движения. Эта проблема, имеющая особое значение, будет подробно рассмотрена в следующей главе.

В качестве третьей причины следует указать на экономическое развитие страны, которое нацисты умело использовали для своей социальной демагогии. Со спадом мирового экономического кризиса безработица уменьшилась и в Германии. Гонка вооружений требовала все большего количества рабочих. Наконец, введение всеобщей воинской повинности и трудовой повинности также привело к уменьшению числа безработных. Повышение норм выработки при одновременном снижении заработной платы вело, конечно, к усиленной эксплуатации рабочих. Однако многим рабочим семьям, в которых трудоспособные члены семьи долгие годы не имели работы, такой ход событий принес известное облегчение. Не все рабочие понимали, что они работают на войну, готовят смерть и разрушение. Они не понимали, что все эти воен-

ные заводы, казармы и трудовые лагеря в конце концов приведут к тому, что вместо 6 миллионов безработных у германского народа окажется 6 миллионов убитых, погребенных в братских могилах. Между тем утверждение нацистов о том, что Гитлер ликвидировал безработицу, было одним из самых действенных лозунгов их социальной демагогии. Многие рабочие, далекие от нацизма, занимали все же пассивную и выжидательную позицию, ибо верили обещаниям Гитлера о широких социальных реформах в ближайшие четыре года. Но и гитлеровские так называемые «социальные мероприятия» также служили целям подготовки войны. К ним относятся создание таких организаций, как «Крафт дурх Фрейде»[1] с ее туризмом и морскими прогулками для рабочих, постройкой в 1938 году за счет рабочих автомобильных заводов «Фолксваген», строительством больших домов отдыха (вместо того, чтобы сделать доступными для трудящихся те, что уже имелись) и т. д. Когда началась война, то корабли для морских прогулок были переоборудованы в транспорты и вспомогательные военные суда, заводы «Фолксваген» стали выпускать для армии грузовики и танки, а в домах отдыха были развернуты военные госпитали. Но в предвоенный период во время гонки вооружений весь аппарат фашистской пропаганды — газеты, периодические издания, радио и кино — вдалбливали в головы рабочих, что все это «беспримерные» социальные завоевания нацистского строя. Уже в то время, стремясь скрыть от народных масс губительные последствия гонки вооружений и перевода экономики на военные рельсы, Геббельс придумал для этого словцо «экономическое чудо», столь употребительное сегодня в радиопередачах из Боннской республики.

Четвертая причина заключается в том, что нацисты сумели очень тесно увязать социальную демагогию с разнузданной шовинистической пропагандой. Сюда следует отнести спекуляцию на национальных чувствах, проповедь о «превосходстве германской расы», националистическую ложь о «жизненном пространстве», восхвале-

---

[1] Организация «Крафт дурх Фрейде» была создана в рамках «трудового фронта» (буквально означает «сила через радость»)— туристско-спортивное нацистское общество, всецело находившееся под влиянием фашистов и используемое ими в целях социальной демагогии. — *Прим. ред.*

ние милитаризма и «фронтового товарищества». Сюда же относятся легенда об «ударе кинжалом в спину» — о «предательстве», которое в 1918 году якобы помешало одержать победу империи Гогенцоллернов, в действительности потерпевшей полное экономическое и политическое банкротство,— и другие вымыслы нацистских идеологов, которые принимались на веру политически отсталыми слоями населения, в том числе и известной частью рабочего класса. Именно в то время, когда весь аппарат воздействия на общественное мнение оказался в руках нацистов, сказались роковые последствия оборонческой политики, проводимой СПГ в период первой мировой войны, ее соглашательской политики коалиции с буржуазией после войны, вплоть до строительства линейных кораблей; наконец, ее антисоветская пропаганда в период Веймарской республики способствовала проникновению буржуазной идеологии в сознание рабочего класса. Гитлер и Геббельс не преминули воспользоваться этим. Коммунистическая же партия Германии еще в августе 1930 года выработала на основе ленинского учения о национальной политике партии рабочего класса свою «Программу национального и социального освобождения», разъясняя массам значение этой программы. При этом, однако, КПГ встречала сопротивление в своих собственных рядах. Эрнст Тельман весной 1932 года осудил антиленинскую позицию части членов партии в национальном вопросе и потребовал, чтобы партия смело возглавила борьбу за национальное освобождение. Но принципиальная борьба против шовинистической идеологии империализма не была развернута достаточно широко. В борьбе за национальное освобождение немецкий рабочий класс не занял ведущего положения. В условиях глубокого подполья было к тому же почти невозможно вести среди масс широкую просветительную работу по разоблачению социальной демагогии и шовинистической империалистической идеологии нацизма, которые распространялись в народе всеми возможными способами. Это обстоятельство не могло не затруднить партии проведение в жизнь правильных решений Брюссельской конференции и мобилизацию масс на борьбу против гитлеровского господства.

Пятой причиной, позволившей гитлеровскому режиму укрепиться, несмотря на все признаки внутреннего кризи

са, явилась позиция господствующих кругов империалистических держав. Эти круги всегда враждебно относились к марксистскому рабочему движению и к первому в мире государству рабочих и крестьян. Чем больше свирепствовал Гитлер при подавлении рабочего движения, чем быстрее форсировалась подготовка к войне против СССР, тем более склонны были определенные круги западного империализма считать Гитлера своим человеком. Вот один весьма характерный пример: когда в США в период Лейпцигского процесса появилась в английском переводе «Коричневая книга» о гитлеровском терроре, газета «Нью-Йорк таймс» 15 октября 1933 года поместила на нее рецензию. Автора рецензии, бывшего американского посла в Берлине Джеймса В. Джерара, нимало не смущали чудовищные зверства гитлеровцев. Он писал:

«Гитлер много сделал для Германии. Он объединил немцев, создал государство по образцу древней Спарты, воодушевленное патриотизмом, провел ограничения парламентской формы правления, которая совершенно не соответствует германскому национальному характеру, защитил частную собственность. Все это хорошо!»

Американские миллиардеры, разумеется, не только разделяли эти восторги, но и не замедлили оказать Гитлеру всевозможную политическую и финансовую поддержку. Они вложили миллиарды долларов в германскую военную промышленность. Американский автомобильный трест «Дженерал моторс» наложил руку на крупнейшие автомобильные заводы в Германии — заводы Оппеля в Рюссельгейме у Франкфурта-на-Майне. Эти заводы, поставлявшие продукцию для моторизованной ударной силы гитлеровской армии, приносили баснословные прибыли. Две пятых немецкого телефонного производства находилось в руках американского телефонного треста «Дженерал электрик», которому принадлежало 30% всех акций АЭГ. Рокфеллеровский «Стандард ойл» и химический концерн Дюпона не порывали своих многочисленных соглашений с концерном «И. Г. Фарбениндустри» даже в течение долгого времени после начала второй мировой войны. Мало того, они продолжали поставлять этому концерну важные военные материалы. Крупнейшие американские тресты, имея значительные вложения в основных немецких концернах или даже полностью контролируя важнейшие однородные немецкие концерны, разу-

меется, извлекали большие прибыли из гитлеровской военной промышленности. В Германии насчитывалось около 60 американских предприятий [1], работавших на полную мощность, выполняя гитлеровские военные заказы. Гитлеровская внутренняя политика кровавого террора и агрессивная внешняя политика приносили прямую выгоду американским миллиардерам, которые ее поддерживали и вдохновляли.

Отношение реакционных монополистических кругов Англии и Франции к гитлеровскому режиму в сущности не отличалось от отношения американских миллиардеров. Незначительные различия, которые все-таки имелись, объяснялись непосредственным соседством с гитлеровской Германией, которая угрожала их собственным позициям. Все эти империалистические круги западных держав помогали Гитлеру вооружаться, ибо надеялись направить фашистскую военную машину против Советского Союза. Уже в июне 1935 года между Англией и Германией было заключено морское соглашение, согласно которому Германия получила право довести свой военный флот до 35% численности британского флота, и фактически не было установлено никаких ограничений для строительства подводных лодок. Когда в марте 1936 года вновь созданный гитлеровский вермахт занял Рейнскую демилитаризированную зону и когда Гитлер изорвал в клочья Локарнский договор, западные державы не прибегли к санкциям, хотя и имели на это право, так как, согласно Локарнскому договору, занятие Рейнской демилитаризированной зоны должно было рассматриваться как провокационное нападение. Но Гитлер решился на этот шаг, хотя и не был готов к серьезному военному столкновению. По донесению квартирмейстера военно-воздушных сил, военная авиация располагала в момент занятия Рейнской зоны лишь небольшим количеством боеспособных машин и почти не имела необходимых запасных частей. Войскам, вторгнувшимся в Рейнскую зону, было приказано немедленно отступить в случае появ-

---

[1] Более подробные данные о соглашениях и сотрудничестве американских и немецких монополистов-фашистов см. в книге: Albert Norden, So werden Kriege gemacht, Dietz Verlag, Berlin, 1953. (Русский перевод книги А. Нордена «Так делаются войны», Москва, 1951, Издательство иностранной литературы, сделан с немецкого издания 1950 года.)

ления французских войск. Если гитлеровская азартная игра в войну и имела тогда успех, то только потому, что правящие круги Англии и Франции не пожелали воспрепятствовать этой прелюдии к большой войне. При этом они руководствовались теми соображениями, что Гитлер, ремилитаризировав Рейнскую область и воздвигнув укрепления в качестве прикрытия с запада, повернет на восток. Уже в то время руководящие английские военные круги считали, что будущими объектами нападения Гитлера будут Чехословакия, Австрия, Польша и Советский Союз [1].

Спустя несколько дней после занятия Рейнской области В. М. Молотов в своей беседе с главным редактором французской газеты «Тан» предостерегающе и проницательно говорил о планах западного империализма направить гитлеровскую агрессию на восток:

«Тем не менее ввод германских войск в Рейнскую область, пограничную с Францией и Бельгией, и создание укреплений вдоль франко-бельгийской границы, в нарушение известных международных договоров, означает угрозу, прежде всего, в отношении западных соседей, Франции и Бельгии» [2].

Эта политика сознательного попустительства и поощрения военных приготовлений гитлеровской Германии, проводимая западными державами, принесла европейским народам, в том числе и немецкому народу, тягчайшие страдания и стоила им миллионов человеческих жертв во второй мировой войне. Но в тот период такого рода легкие успехи, вроде занятия Рейнской области, проводимые под лозунгом «равноправия», давали гитлеровцам предлог к еще более разнузданной националистической пропаганде и позволяли им вводить в заблуждение народные массы. Немецкому народу внушалось, что Гитлер может добиться чего угодно, не доводя дела до войны.

---

[1] Об этом сообщает барон Гейр фон Швеппенбург в своей книге «Воспоминания военного атташе в Лондоне в 1933—1937 годах», изданной в 1949 году в Штутгарте («Erinnerungen eines Millitärattachés in London 1933—1937», Stuttgart, 1949). Фон Швеппенбург впоследствии был генералом в гитлеровских танковых войсках и в настоящее время активно участвует в ремилитаризации Западной Германии. Понятно, что он с большой охотой пишет о своих старых связях с английским генеральным штабом.

[2] «Правда», 24 марта 1936 года.

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ФРОНТА ПРОЛЕТАРИАТА И АНТИФАШИСТСКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА

Выполняя решения Брюссельской конференции, ЦК КПГ 10 ноября 1935 года вновь обратился к правлению СПГ в Праге с предложением установить единый фронт и организовать совместный поход против нацизма, выступить за устранение продовольственных затруднений в Германии. Под влиянием успешной борьбы единого фронта во Франции у немецких социал-демократов как в Германии, так и в эмиграции усилилось стремление к установлению единства действий всех немецких антифашистов. Учитывая это, правление СПГ не решалось, как прежде, ограничиться простым отказом. 23 ноября 1935 года состоялись переговоры между партиями. ЦК КПГ и правление СПГ выделили для этих переговоров по два представителя от каждой стороны. Однако и на этот раз представители социал-демократов отказались подписать совместное заявление руководства обеих партий об общей борьбе против фашизма.

Социал-демократическое руководство клеветало на членов своей партии, социал-демократов, боровшихся против нацистского режима, заявляя, что ни единый, ни народный фронт «не окажут никакого влияния на положение в Германии». А между тем местная полиция не смогла справиться с широким движением единого фронта в Вуппертале и прилегающих к нему районах, и гестапо вынуждено было отрядить туда свою «группу особого назначения». А как сложилась бы обстановка, если бы единый фронт стал реальностью не только в одном из промышленных центров, но во всех крупных индустриальных центрах Германии? Это бы в действительности привело к изменению обстановки в гитлеровской Германии.

Как перед пражскими переговорами между обеими партиями, так и после них не было недостатка в успешных попытках установить единый фронт на местах.

В Штутгарте ко дню выборов «доверенных лиц» на предприятиях была выпущена совместная листовка СПГ и КПГ, призывавшая рабочих вычеркивать из списка хозяйских холуев и гитлеровских агентов. Социал-демократические и коммунистические партийные работники в Вюртемберге и в Нижней Саксонии заключили соглашение о совместной помощи жертвам гитлеровского террора. В Бадене было заключено подобное же соглашение о взаимопомощи и совместной борьбе против снижения заработной платы путем создания оппозиции в «Германском трудовом фронте». В Берлине имели место переговоры между окружным правлением СПГ и коммунистами. Было решено провести совместные оборонительные мероприятия против фашистского террора, против шпиков и провокаторов, а также оказывать помощь жертвам фашизма, невзирая на принадлежность их к различным партиям и различия в мировоззрении. Такого же типа соглашение было заключено в Цейце. В Дортмунде окружные партийные комитеты СПГ и КПГ выпустили совместное воззвание, протестуя против усилившейся эксплуатации рабочих на шахтах и заводах.

Таким образом, во многих районах страны социал-демократы и коммунисты вели совместную борьбу и подвергались одинаковым пыткам в тюрьмах и в концлагерях. И в это самое время эмигрантское правление СПГ наносило им удар в спину, стараясь, как и прежде, проводить политику коалиции с буржуазией. Это особенно ясно из коммюнике, которое правление СПГ опубликовало, пытаясь оправдать свой отказ подписаться под заявлением руководства обеих партий. В коммюнике утверждалось, что изменившаяся позиция Коммунистического Интернационала является лишь тактическим маневром. Это было явно безосновательное утверждение, ибо после VII Всемирного конгресса Коминтерна, после успехов единого фронта во Франции и Испании и решений Брюссельской конференции КПГ даже самый предвзятый наблюдатель, следящий за героической, самоотверженной борьбой коммунистов, должен был бы признать, что коммунисты искренне стремятся к союзу с социал-демократами и всеми антифашистами для свержения гитлеровской диктатуры. Истинная причина такой позиции правых социал-демократических лидеров была совершенно иная. В том же коммюнике было выражено опасение, что со-

трудничество с коммунистами может дать нацистским правителям повод «обвинить социал-демократию в большевизме. Вследствие этого элементы, которые в настоящий момент испытывают полное доверие к социал-демократии и ее последовательному демократизму, могут отшатнуться от нее вправо» [1].

Эта «забота» правых лидеров СПГ о своей хорошей репутации среди гитлеровских заправил кажется весьма странной, но за нею скрывается политическая концепция, фальшивая в своей основе. Правые социал-демократические лидеры саботировали создание единого фронта с коммунистами, надеясь таким образом заслужить признание определенной части буржуазии — и, быть может, даже генералитета — и вместо открытой борьбы с гитлеровцами начать с ними же закулисные сделки. Как показали дальнейшие события, такая позиция социал-демократии оказалась совершенно неправильной и привела к роковым последствиям. Именно потому, что единый фронт не был создан и массы рабочих не приняли участия в борьбе, оппозиционные элементы мелкой буржуазии и буржуазии вообще не считали рабочий класс силой, на которую им следует ориентироваться. В результате Гитлеру все время удавалось парализовать оппозиционные силы в среде буржуазии или вести их за собой. Вольно или невольно, социал-демократы своей политикой играли на руку Гитлеру и укрепляли его режим.

Однако вскоре стало ясно, что пражское правление СПГ не имело никаких оснований выступать от имени всей социал-демократической партии, так как оно не представляло ни социал-демократическое подполье в гитлеровской Германии, ни всю социал-демократическую эмиграцию. В Париже образовался Комитет народного фронта, названный по месту его пребывания «Лутеция» и состоявший из видных представителей немецких эмигрантов. Представителями рабочих в этой организации были коммунисты и социал-демократы. В течение 1936 года они провели ряд совместных заседаний. По предложению Вильгельма Пика после детального обсуждения был выработан и опубликован так называемый «Призыв к борь-

---

[1] Цитируется по Erich Matthias, Sozialdemokratie und Nation. Ein Bietrag zur Ideengeschichte der sozialdemokratischen Emigration in der Prager Zeit des Parteivorstandes 1933 bis 1938, Stuttgart, 1952, S. 36.

бе за свободу, за хлеб и за мир». Этот призыв можно рассматривать как платформу немецкого народного фронта. Впервые под документом, призывавшим к совместной борьбе против Гитлера, подписи видных социал-демократических деятелей, таких, как Рудольф Брейтшейд, Альберт Гжесинский, Тони Зендер, Альфред Браунталь, Зигфрид Айфхойзер, Карл Бёхель и другие, стояли рядом с именами руководящих деятелей коммунистической партии, таких, как Вильгельм Пик, Вильгельм Флорин, Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Кенен, Филипп Денгель и другие. Среди лиц, подписавших документ и высказывавшихся тем самым за создание антифашистского народного фронта, было особенно много лучших представителей прогрессивной литературы, науки и искусства. Среди подписавших были: Лион Фейхтвангер, Арнольд Цвейг, Генрих Манн, профессор Георг Бернгард, Эрнст Толлер, профессор Е. Ф. Гумбель, Рудольф Олден, Балдер Олден, Эгон Эрвин Киш, Рудольф Леонгард, профессор Альфонс Гольдшмидт, Курт Розенфельд, профессор Анна Зимзен, Бодо Узе, Иоганнес Р. Бехер, профессор Ф. Шаксель, доктор Будзиславский, профессор Эрнст Блох.

Этот призыв к установлению народного фронта имел большое значение, и о нем следует рассказать подробнее. Это тем более важно, что некоторые из подписавших его социал-демократических деятелей выдвигали в то время как одно из основных требований требование лишить «могильщиков свободы», то есть крупных капиталистов, их экономической мощи. В наши дни, после разгрома гитлеризма, они преследуют своей деятельностью прямо противоположные цели. Ныне, в 1955 году, когда мы являемся свидетелями проводимых вооружений и подготовки войны в Германской Федеральной Республике, строки этого документа, призывавшего к созданию народного фронта в 1936 году, представляют не только сугубо исторический интерес. В нем говорилось: «Интересы народа безоговорочно приносятся в жертву подготовке новой войны, которая будет намного ужасней всех предыдущих. На последнем съезде национал-социалистской партии в Нюрнберге Адольф Гитлер провозгласил дальнейшее развитие этой политики. Она угрожает чудовищной катастрофой не только Германии, но и всему миру...

Но немецкий народ хочет мира. Он не хочет ставить на карту самое существование Германии только ради то-

го, чтобы защитить имущество и привилегии десятка тысяч представителей правящей верхушки. Только свержение нацистского режима сможет обеспечить мир во всем мире и счастье нашей Родины.

Будучи твердо убеждены в том, что сокрушить коричневую тиранию возможно лишь объединением усилий всех немцев, готовых бороться за свободу и свои права, мы призываем наших соотечественников в Германии и за ее пределами объединиться в едином немецком народном фронте. Народный фронт не будет какой-либо новой партией. Он объединит всех тех, кто полон решимости всеми силами бороться за свободу и процветание немецкого народа. Все партии и группы, входящие в народный фронт, останутся верны своим особым, конечным целям. Но всех их объединит решимость сбросить коричневое иго...

История послевоенных лет показала, что небольшие группы привилегированных собственников, в руках которых сосредоточены крупные земельные владения, банки и промышленные концерны, превратились в могильщиков свободы. Новая Германия лишит этих врагов народа их мощи и тем самым обеспечит себе свободу.

Военная промышленность и крупные банки будут национализированы. Все попытки саботажа со стороны крупного капитала будут подавлены любыми, самыми решительными мерами. Земельная собственность юнкеров, посягающих на народную свободу и саботирующих снабжение населения продовольствием, будет отчуждена. Армия и административный аппарат, после того как они будут очищены от врагов государства, станут надежной опорой новой Германии...

С военной экономикой будет покончено, ее сменит другая, целью которой будет удовлетворение человеческих потребностей. Когда вместо пушек вновь появится масло, тогда среднему сословию, торговцам и ремесленникам будут обеспечены достаточные средства для существования...

Война нужна Гитлеру для того, чтобы сохранить свою власть и выполнить задачи, которые ставят перед ним его империалистические хозяева. Новой же Германии будет необходим лишь мир для укрепления своей только что завоеванной свободы и для своего успешного социально-экономического развития. Германия станет великой, могущественной силой в борьбе за мир, она навсегда откажется от политики вмешательства во внутренние дела

других государств и положит конец позорной антисоветской пропаганде.

Мы объединились для достижения этих целей и уверены, что наши единомышленники на родине поддержат нас. Мы обращаемся ко всем противникам кровавого и позорного гитлеровского режима: «Налаживайте связи друг с другом и с нами! Объединяйте свои силы с нашими для совместной борьбы! Выступим единым фронтом для разгрома нашего общего врага! Наша ближайшая цель — свержение Гитлера и всех палачей немецкого народа! Вперед, за свободу, хлеб и мир!»

Этот программный документ народного фронта был создан прежде всего благодаря инициативе Центрального Комитета КПГ, благодаря настойчивой пропагандистской и разъяснительной работе коммунистов. Насколько он соответствовал потребностям антифашистской борьбы в Германии, можно судить по тому, что в феврале 1937 года делегация берлинских социал-демократов отправилась в Прагу и передала находившемуся там правлению СПГ проект программы народного фронта. Хотя некоторые из положений этого документа и вызывали возражения, его «десять программных требований» в основном совпадали с парижским воззванием. Как свидетельствуют сообщения из других частей Германии, берлинский документ выражал мнение большинства честных социал-демократов, в нем говорилось:

«Ни один бывший член СПГ, если он сегодня не отошел от политической деятельности, не помышляет о возрождении партии парламентских и социальных реформ. Точно так же коммунисты, ведущие ныне политическую работу, не хотят возрождения братоубийственной вражды... Ведущая, наиболее сознательная часть пролетариата глубоко проникнута страстным желанием достигнуть единства. Народный фронт является наилучшей политической формой, в которую облечено это стремление к единству». В этих словах отразилось огромное влияние, которое успехи единого фронта в Испании и Франции оказали на трудящиеся массы Германии.

В Испании Народный фронт одержал крупную победу на выборах в феврале 1936 года над правыми партиями, над теми самыми партиями, которым осенью 1934 г. удалось утопить в крови рабочее движение. При поддержке коммунистов и социалистов правительство Народного

фронта в Испании приступило к проведению серьезных демократических реформ социального и политического характера.

После двухлетней борьбы, крупных демонстраций и стачек Народный фронт одержал победу и во Франции. На выборах в мае 1936 года его сторонники одержали серьезную победу, получив абсолютное большинство в парламенте. После создания в июне 1936 года первого правительства Народного фронта рабочие начали борьбу за выполнение его программы. В результате широкого забастовочного движения была осуществлена большая часть этой программы. К таким крупным завоеваниям Народного фронта относятся введение 40-часовой рабочей недели, оплачиваемые отпуска, пенсии для престарелых, роспуск антидемократических организаций, смягчение девальвационных мероприятий [1] и повышение возрастного ценза для школьников [2].

Империалистические круги США, Англии и Франции заигрывали с фашизмом, а частично шли на прямое соглашение с ним. Поэтому успехи Народного фронта во Франции и Испании, разумеется, не вызывали у них восторга. Германские же и итальянские фашисты организовали прямое нападение на испанский народ. Гитлер и Муссолини спровоцировали мятеж генерала Франко (18 июля 1936 года) против законного республиканского правительства, пришедшего к власти путем свободных выборов. Они не только не удовольствовались тем, что оказывали испанским фашистам финансовую поддержку и снабжали их оружием и снаряжением, но, более того, они осуществили прямую вооруженную интервенцию в Испании, послав туда свои военно-воздушные соединения, военные корабли, а также наземные войска.

Товарищ Вальтер Ульбрихт писал в то время в одной из нелегальных брошюр: «В Испании готовится мировая война. В боях гражданской войны в Испании уже слышатся первые выстрелы новой мировой войны. В Ис-

[1] Перед победой Народного фронта правительство Лаваля пыталось укрепить франк путем повышения налогов, сокращения заработной платы, пенсий, пособий и т. д.— *Прим. ред.*

[2] Начальное обучение во Франции обязательное и платное. Детей отдавали как в государственные, так и в частные школы по достижении пятилетнего возраста. Это являлось дополнительным бременем, сказывавшимся на бюджете семей рабочих и мелкой буржуазии. — *Прим. ред.*

пании ведется борьба не только потому, что испанский народ выступил за свободу; война идет и потому, что Гитлер с помощью Франко и Мола пытается укрепить там свои стратегические позиции для грядущей войны и добиться благоприятного для себя изменения в соотношении сил».

Так называемые демократические великие державы заняли, однако, позицию «невмешательства». Они беспрепятственно предоставляли Гитлеру и Муссолини право вести войну против испанского народа и его законного правительства и превратить Испанию в поле для практических экспериментов в целях подготовки второй мировой войны. При таком положении борьба на стороне испанского народа против Гитлера в то время не только диктовалась чувством интернациональной солидарности, но и являлась национальным долгом немецкого народа, которому необходимо было любыми средствами предотвратить грозившую ему катастрофу второй мировой войны. Поэтому германские коммунисты и антифашисты стекались в Испанию из стран, где они жили в эмиграции, и пробирались, рискуя жизнью, из самой Германии. В составе Интернациональных бригад они храбро и самоотверженно сражались за свободу испанского народа и тем самым также за свободу немецкого народа. В Испании была создана Коммунистической партией Германии радиостанция «Свободная Германия», работавшая на волне 29,8 метра, и КПГ впервые получила таким образом возможность вести по радио свои антифашистские передачи для Германии.

Ободренный политикой попустительства и поощрения его агрессии против испанского народа, проводившейся западными империалистическими державами, Гитлер перешел к непосредственным территориальным захватам. 12 марта 1938 года германские войска вторглись в Австрию и аннексировали ее. Центральный Комитет КПГ в своей «Резолюции о международном положении» от 14 мая 1938 года предсказал дальнейший ход событий. В резолюции было сказано: «Так Гитлер с ужасающей быстротой толкает Германию и немецкий народ ко второй мировой войне, которая будет еще ужаснее войны 1914—1918 годов».

В обстановке этой все усиливающейся угрозы войны КПГ вновь обратилась ко всем антифашистам, ко всем друзьям мира и свободы с настойчивым призывом дого-

вориться о совместных действиях в борьбе за мир. С этим призывом, проникнутым чувством глубокой ответственности за судьбу немецкого народа, партия обращалась ко всем социал-демократам, демократам, католикам и протестантам, ко всем противникам Гитлера.

Поскольку в парижском Комитете народного фронта стали проявляться разногласия, спровоцированные агентами империализма и правыми лидерами СПГ, Вильгельм Пик после пленума ЦК 14 мая 1938 года направил большое письмо крупнейшему немецкому писателю и пламенному борцу за демократию Генриху Манну, уже ранее оказывавшему большие услуги в собирании сил на борьбу против гитлеровского режима. В этом послании Вильгельм Пик писал:

«ЦК КПГ намерен внести в Комитет народного фронта ряд предложений, которые могли бы стать основой для обсуждения планов его будущей работы. В настоящее время в обстановке чудовищных военных провокаций гитлеровского фашизма ЦК считает *важнейшей задачей сохранение мира* и борьбу за прекращение войны, которую фашистские агрессоры ведут в Испании и Китае против народов этих стран. Насильственный захват Австрии гитлеровской Германией, установление чужеземного господства над австрийским народом, неприкрытые угрозы Гитлера по адресу Чехословакии и других демократических государств, граничащих с Германией, разнузданная антисоветская пропаганда — все это свидетельствует об огромной опасности, грозящей германскому, австрийскому и другим народам. *В любой момент из этих провокаций гитлеровский фашизм может разжечь мировой пожар и развязать новую мировую войну».*

После всех горьких уроков и трагических последствий, которые вторая мировая война принесла германскому народу, для каждого честного немца несомненно то, что компартия тысячу раз была права, выдвигая борьбу за сохранение мира в качестве важнейшей задачи. И товарищ Вильгельм Пик решительно осудил тогда попытки изолировать коммунистов от совместной работы в народном фронте на том основании, что участие КПГ якобы мешает народному фронту заручиться поддержкой буржуазных кругов. Но столь же решительно Вильгельм Пик выступил и против мнимо радикальной фразеологии, при помощи которой стремятся сузить задачи, стоящие

перед подлинно народным фронтом, и оттолкнуть от него значительную часть трудящихся.

В заключение письма он писал:

«Оба эти течения глубоко реакционны и противоречат тому положительному опыту, который мы приобрели в результате движения за народный фронт во Франции и Испании. *Без коммунистов не может быть единого фронта, а без единого фронта невозможен и народный фронт».*

Весь исторический опыт германского рабочего класса, накопленный после первой мировой войны, подтверждал бесспорную справедливость этого положения, выдвинутого Вильгельмом Пиком. Но и после второй мировой войны развитие событий в Германии, столь различное на Востоке и на Западе, вновь подтвердило это положение.

Теперь нам известны и те опасения, которые испытывали в то время злейшие враги КПГ и противники ее политики создания единого и народного фронта. В обзорном докладе Главного управления имперской службы безопасности СС за февраль 1937 года детально разбиралась точка зрения пражского правления СПГ относительно единого и народного фронта. Доклад свидетельствует о том, что «стойкость» деятелей из пражского правления СПГ принесла гиммлеровским подручным чувство глубокого облегчения.

«Сначала могло создаться впечатление, — говорилось в докладе, — что коммунистам удалось путем пропаганды единого фронта привлечь на свою сторону большую часть ранее сочувствовавших социал-демократам рабочих. Казалось, что социал-демократы готовы подчиниться коммунистическому руководству. Сообщения об этом поступали из Берлина и из других районов страны. Однако правление СПГ в Праге своим энергичным вмешательством добилось разрыва связей между коммунистами и социал-демократами.В настоящий момент в ряде мест эти связи ограничиваются обменом информацией и довольно непрочным контактом».

Даже гестапо признавало то глубокое воздействие, которое развитие и успехи движения Народного фронта имели во Франции и в Испании, так же как героическая борьба немецких антифашистов в Интернациональных бригадах, которые оказали свое влияние на развитие подпольного движения в самой Германии. Что касается подпольного движения в самой Германии, то и тут геста-

повцы возлагали немалые надежды на политику некоторых правых лидеров социал-демократии. Об этом можно судить по следующим нацистским «высказываниям»: «Естественно, что народный фронт во Франции и Испании стал реальностью,— писалось в докладе.— Но вызывает серьезную тревогу то обстоятельство, что его политика приобретает все более радикальные черты, и это объясняется все возрастающим влиянием коммунистов при проведении мероприятий по установлению народного фронта. В самой Германии возможности для установления народного фронта имеются только в кругах интеллигенции. Так же оценивает обстановку и «Сопаде» (правление СПГ в Праге.— *О. В.*). Бесспорно, что в рабочих массах имеются признаки недовольства. Но бесспорно также и то, что они не собираются переходить к каким-либо активным политическим действиям или устанавливать новые отношения или связи. Представители бывших буржуазных партий между тем поступили умнее и оказались дальновидней. Они сумели наладить связи с новыми учреждениями и национал-социалистскими организациями и небезуспешно стараются вернуть своим людям прежнее положение в обществе. Во всяком случае, правление СПГ считает, что после ожидаемого переворота в Германии будет установлена монархия или военная диктатура».

Конечно, оценку гестаповцами политических концепций различных партий нельзя принимать на веру. Однако в данном случае эта оценка в общих чертах была правильной. Именно в силу упомянутых опасений и стремлений руководство СПГ не только срывало все попытки установить единый фронт, но и противодействовало более широкому объединению всех антифашистских сил в народном фронте. А ведь только такое объединение могло бы помешать нацистам ввергнуть немецкий народ в национальную катастрофу гитлеровской войны.

Позиция пражского правления СПГ, впрочем, полностью соответствовала позиции руководства II Интернационала. После начала гитлеровской интервенции в Испании, после зверских налетов легиона «Кондор» на мирные испанские города и разрушительных бомбардировок испанских портов Ивис и Альмерия германскими линейными кораблями, в обстановке все возрастающей угрозы гитлеровской агрессии по отношению к другим

странам Исполком Коммунистического Интернационала под руководством Георгия Димитрова предпринял новые усилия, стремясь установить единство действий обоих Интернационалов. Но Исполком II Интернационала, признавая на словах необходимость такого единства всех организаций международного рабочего движения, в действительности всячески от него уклонялся. Единый фронт рабочих организаций как внутри каждой страны, так и в международном масштабе был необходим для того, чтобы поднять миролюбивых людей всего мира на борьбу против войны, преградить дорогу поджигателям войны и таким путем заставить нефашистские государства изменить свою политику и обуздать все более наглеющих фашистских агрессоров. В августе 1937 года Георгий Димитров писал:

«Нельзя выступать серьезно за сохранение международного мира, не предпринимая прежде всего всех необходимых мер для установления единого фронта рабочего класса в каждой стране и единства действий международных рабочих организаций. Нельзя серьезно бороться за мир, не мобилизуя всех сил рабочего движения и широких народных масс для скорейшего изгнания фашистских захватчиков из Испании и Китая» [1].

II Интернационал не соглашался на подобную решительную борьбу с помощью единых действий, осуществляемых рабочими всех стран мира, ибо его наиболее влиятельные участники, и прежде всего английская лейбористская партия, неукоснительно следовали политике своих империалистических правительств. А последние вовсе не желали бороться против Гитлера. Напротив, они своей политикой «невмешательства» поощряли его агрессию, надеясь в конце концов обратить ее против Советского Союза. Вот почему Гитлеру удалось так внезапно аннексировать Австрию. Позорное Мюнхенское соглашение, о котором речь будет идти ниже, позволило ему присоединить 1 октября 1938 года Судетскую область, а 15 марта 1939 года оккупировать Чехию, Моравию и Словакию. Каждому непредвзятому наблюдателю было ясно, что, несмотря на все мирные заверения Гитлера, дальнейшее развитие фашистской агрессии несомненно приведет ко второй мировой войне.

---

[1] Г. Димитров, В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, 1939, стр. 179.

БЕРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

Бернская конференция КПГ состоялась еще до занятия гитлеровцами Чехословакии. Она происходила с 30 января по 1 февраля 1939 года. На этой конференции были разоблачены гитлеровские лозунги о «Великой Германии» и «праве немецкого народа на самоопределение», выдвинутые гитлеровцами как предлог для осуществления своих завоевательных планов, направленных против других народов с целью нового империалистического «передела» мира.

«*На Западе, как и на Востоке,* — говорилось в резолюции Бернской конференции, — *гитлеровский режим создал такое положение, при котором немецкий народ внезапно может оказаться ввергнутым в катастрофу войны. Эту войну ему придется вести против мощного фронта всех народов, которые либо уже подверглись нападению Гитлера и держав оси, либо находятся под постоянной угрозой такого нападения*»[1].

Партия провозгласила поэтому борьбу за спасение германской нации. Политика гитлеровского фашизма велась исключительно в интересах магнатов военной промышленности и нацистской бюрократии и являлась поэтому предательством по отношению к интересам всего немецкого народа. Целиком подтвердилось положение бернской резолюции КПГ, в котором говорилось, что «...попытка нацистской диктатуры и держав оси навязать народам фашистский диктат по образцу Версальского неминуемо потерпит крушение, как потерпела его в свое время сама Версальская система. *Такая попытка приве-*

---

[1] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946», Dietz Verlag, Berlin, 1954, S: 383.

дет лишь к ужасающей и безнадежной для Германии войне» [1].

В силу этих причин свержение власти главного поджигателя войны Гитлера становилось национальным долгом всех немцев. Национальные интересы Германии требовали немедленного разрыва союзов с итальянским фашизмом и с японскими милитаристами. Каждый честный немец обязан был считать своим долгом установление любым путем солидарности с австрийским и чехословацким народами.

Бернская конференция КПГ заклеймила антисоветскую политику гитлеровского государства как подлое предательство национальных интересов Германии. Она предостерегала немецкий народ от попыток реакционных магнатов капитала Англии и Франции превратить Гитлера в европейского жандарма, а немецкий народ — в пушечное мясо для войны против Советского Союза, рассчитывая тем ослабить и Советский Союз и Германию. КПГ заявляла в бернской резолюции, что если, несмотря на все усилия противников Гитлера, войну, которую провоцируют фашисты, не удастся предотвратить, то национальные интересы немецкого народа потребуют как можно скорей и всеми средствами покончить с ней путем свержения гитлеровского режима.

В эти дни в начале 1939 года, когда над немецкой нацией нависла грозная опасность, партия снова указывала путь к предотвращению катастрофы, призывая всех действительно патриотически настроенных немцев объединиться для совместной борьбы против войны. При этом она опиралась на уроки, извлеченные из так называемого сентябрьского кризиса 1938 года. Когда в первые дни сентября 1938 года война готова была разразиться, во всех слоях немецкого народа стихийно возникло движение в пользу мира, которое охватило даже широкие круги сторонников нацизма. Широкие массы народа не только отвергали войну, но вся гитлеровская политика авантюр вызывала у них чувство подавленности, возмущения и нарастающего недовольства. Антивоенные настроения оказались даже сильней террора. В ряде мест население явочным порядком стало осуществлять свободу собраний

---

[1] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», op. cit., S. 384. (В оригинале курсивом дана вся цитата.)

и открыто выражало свое мнение. Сопротивление войне приобрело сразу широкий размах и приняло весьма разнообразные формы. Это было беспрецедентным явлением при гитлеровском режиме. Имели место даже случаи прекращения работы, собраний в заводских столовых, актов саботажа на крупных военных заводах и другие формы сопротивления. Среди крестьян, мелкой буржуазии и среди широких буржуазных кругов проявлялось недовольство вплоть до открыто враждебного отношения к надвигающейся войне.

Бернская конференция учла все эти факты, которые целиком подтвердили прогнозы КПГ. Но она не закрывала глаза и на слабость антифашистов, проявлявшуюся в эти дни особенно ясно и заключавшуюся главным образом в раздробленности их сил.

«Сентябрьские дни 1938 года, — говорилось в бернской резолюции, — показали прежде всего неподготовленность рабочего класса, который не сумел возглавить широкую народную оппозицию военной политике Гитлера. Антифашисты должны сделать отсюда вывод, что лишь единый фронт всего рабочего класса и объединение всех противников Гитлера в народном фронте создадут предпосылки для успешной борьбы за мир и для свержения гитлеровского режима» [1].

Особенно настойчиво предостерегала партия своих членов против крайне опасных утверждений многих противников Гитлера и даже некоторых коммунистов, согласно которым лишь война может привести к свержению Гитлера. Ход и последствия второй мировой войны с достаточной ясностью показали, насколько справедливыми и обоснованными были эти предостережения коммунистической партии.

Бернская конференция еще раз подчеркнула, что каждый коммунист, каждый антифашист, стремящийся приобрести влияние на массы, должен понимать, какое огромное значение имеет для этого широко разветвленная сеть легальных опорных пунктов, связей и надежных людей в нацистских организациях, как-то: в «трудовом фронте», в союзе противовоздушной обороны, в спортивных организациях, в национал-социалистском благотво-

[1] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946», Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 389.

рительном обществе, в организациях, объединяющих крестьян и средние сословия, в союзе гитлеровской молодежи, а также в военизированных союзах и в армии. Конференция отметила, что слабость антифашистов в этих организациях дала себя знать в дни сентябрьского кризиса и что с еще большей силой она может дать знать себя в будущем.

Еще раз подчеркнув, что объединение всех антифашистов в народном фронте — это единственный путь, ведущий к свержению Гитлера, партия выработала программу для новой, демократической республики. Эта программа и сейчас представляет большой интерес. В основном пункте этого раздела бернской резолюции говорилось:

«В новой демократической республике в противоположность Веймарской республике будут выкорчеваны все корни фашизма. С отчуждением собственности фашистского монополистического капитала фашизм лишится своей материальной базы. В новой республике, в противоположность Веймарской республике, армия, полиция и административный аппарат станут надежными защитниками демократических свобод и демократических прав народа. В новой демократической республике, опять-таки в противоположность Веймарской республике, не крупная буржуазия, которая под прикрытием коалиции с одной из рабочих партий посягала на экономические и политические права народа, *а рабочий класс, преодолевший свой раскол и объединенный в народном фронте с крестьянством, мелкой буржуазией и интеллигенцией, возьмет судьбу страны в свои руки»* [1].

Партия выступила против всяких махинаций вроде планов замены гитлеровского режима военной диктатурой или какой-либо коалицией старого типа, против тех самых планов, во имя которых правление СПГ и некоторые старые буржуазные политики отвергли все предложения о создании немецкого народного фронта. Она напоминала немецкому народу об опыте военных диктатур Гинденбурга — Носке в 1918 году, Гинденбурга — Гитлера в 1933 году и Бломберга — Гитлера 30 июня 1934 года.

---

[1] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946», Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 393—394.

Программа содержала основные требования, которые должны были определить характер новой демократической республики. В число этих требований входили: отчуждение собственности фашистских концернов и трестов, демократическая земельная реформа в интересах крестьян и батраков, проведение новой внешней политики, способной гарантировать единство и независимость Германии, а также основные права немецкого народа и осуществление полной демократизации государственного аппарата.

Решающая роль в осуществлении этих требований программы новой демократической республики отводилась, разумеется, рабочему классу. Но выполнить эту историческую миссию рабочий класс мог только после преодоления своего раскола. Бернская конференция КПГ уже в то время отмечала, что совместная борьба за претворение в жизнь основных демократических требований будет способствовать все большему росту политического единомыслия в рабочем классе и создаст наконец предпосылки для ликвидации раскола и образования единой партии немецкого рабочего класса, к чему он давно уже стремится. Поэтому ЦК КПГ предлагал всем рабочим Германии обсудить вопрос о создании единой партии и призывал к соглашению между коммунистами и социал-демократами, которые должны были совместно создавать объединенные организации будущей единой партии германского рабочего класса. Эту основную линию партия последовательно проводила после 1945 года, что и привело к объединению обеих рабочих партий в Социалистическую единую партию Германии и к созданию демократического строя, при котором решающие позиции находятся в руках рабочего класса.

После всего того, что говорилось выше о подпольной борьбе КПГ, подтверждаемой документами и материалами, нельзя не согласиться с оценкой роли партии, которая была дана в заключительном разделе бернской резолюции:

«Повсюду, где крепнет сопротивление и единство, где мужество рождается в сердцах людей, где становится ясным путь к свержению гитлеровского режима и достижению общих целей в борьбе, повсюду, где в массах тайно распространяются правильные лозунги, где появляются листовки, плакаты, брошюры, указывающие

путь к победе, — народ с уважением повторяет: «Это дело коммунистов» [1].

Но при всем том Бернская конференция в порядке суровой самокритики указывала на значительный разрыв, существовавший между обострившейся обстановкой и способностью партии мобилизовать массы. Бернская конференция потребовала от каждого коммуниста помнить о том, что он представляет свою партию, о том, что от его понимания политики партии, от его верности партии, его настойчивости и инициативы зависит, в какой мере и насколько быстро эта политика овладеет массами. Бернская резолюция, основываясь на прошлой борьбе, завершалась боевой клятвой: «КПГ вправе гордиться двадцатью годами непрерывной борьбы за интересы германских рабочих и всего германского народа. Мы свято чтим светлую память Карла Либкнехта, Розы Люксембург, память о бесчисленных бойцах, отдавших свою жизнь за дело освобождения человечества. Перед прахом их мы склоняем знамена!

Бернская конференция КПГ шлет свой пламенный привет вождю партии, дорогому товарищу *Эрнсту Тельману*. Коммунисты и впредь будут вести свою работу с той стойкостью, преданностью делу и неиссякаемой уверенностью в победе, которую он воспитал в нас.

Мы шлем наш пламенный привет и всем остальным товарищам, дорогим друзьям, томящимся в тюрьмах и концлагерях. Мы клянемся не останавливаться и не успокаиваться до тех пор, пока все жертвы гитлеровского режима не будут освобождены» [2].

Таковы были идеологические, политические и организационные установки, с которыми партия вошла в новый период своей славной истории. Этот новый период характеризовался еще более сложной и тяжелой борьбой против преступной гитлеровской войны, за спасение германского рабочего класса и всего германского народа от катастрофы этой войны.

---

[1] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946», Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 398.

[2] Там же, стр. 400.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГИТЛЕРОВСКОМ РЕЙХЕ

Для германского монополистического капитала, и прежде всего тяжелой индустрии, миллионы, затраченные на финансирование гитлеровской партии и захват ею власти, принесли сказочные доходы. Производство технически современного вооружения для нового вермахта, поставки тысяч танков и самолетов, десятков тысяч орудий различных типов, грузовиков, мотоциклов, военных судов и подводных лодок, средств связи всех видов и другой военной техники — всего сложного оснащения моторизованной армии, авиации и военно-морского флота — стали для сталелитейных и угольных концернов, электрической и химической промышленности единственным в своем роде гигантским предприятием, приносившим невиданные дотоле прибыли.

Годовой баланс крупповского концерна за 1931—1932 годы был сведен еще с дефицитом в 9,64 миллиона марок. Эти убытки Круппу пришлось возмещать из своих секретных фондов. Но уже в первый же год после прихода Гитлера к власти концерн получил 6,65 миллиона марок чистой прибыли, которая в последующие годы все усиливающейся военной конъюнктуры быстро росла и к 1938—1939 годам достигла 21,11 миллиона марок. Прибыль треста «Ферейнигте штальверке» в 1934 году составила 120,53 миллиона марок, а в 1937 году достигла уже 257,08 миллиона марок.

Эти огромные, непрерывно растущие прибыли крупных концернов и трестов объяснялись прежде всего беспощадной эксплуатацией рабочих. Определенную роль при этом играли неограниченная власть владельцев предприятий, устанавливавших по своему усмотрению заработную плату и определявших условия труда на произ-

водстве, лишение рабочих права объединения, «унификация» профсоюзов путем насильственного включения их в «трудовой фронт» и уничтожение заводских советов. Лучше всего об этом свидетельствуют приводимые ниже официальные индексы этого периода. Если принять индекс 1928 года за 100, то индекс промышленного производства поднялся с 54 в 1932 году до 126,8 в 1938 году, то есть увеличился на 134%, тогда как индекс общего числа занятых в промышленности рабочих поднялся с 72,6 только до 109,5, следовательно, всего на 50,8%. Примерно такие же изменения претерпели заработная плата и жалованье служащих: их индекс возрос с 61,1 в 1932 году до 98,9 в 1934 году, то есть тоже только на 51%. Иначе говоря, к шестому году правления Гитлера эксплуатация рабочих выросла вдвое, а заработная плата в среднем осталась на том же уровне. К тому же цены за это время значительно выросли, всякого рода налоги и сборы увеличились на 20—25%, а начиная с 1937 года средняя продолжительность рабочего времени возросла на 11% по сравнению с догитлеровским периодом; получалось, что производительность труда выросла вдвое, а реальная заработная плата рабочих при этом снизилась.

В этом и заключались источники колоссальных прибылей крупного капитала и монополий. По данным Имперского статистического управления и Имперского кредитного общества, чистая прибыль только 1420 промышленных акционерных компаний, составлявшая в 1933 году 115 миллионов марок, поднялась в 1937 году до 584 миллионов марок, а к 1938 году выросла почти в шесть раз по сравнению с 1933 годом. Да, промышленным магнатам и банковским воротилам было весьма выгодно, чтобы десятки тысяч коммунистов, социал-демократов и профсоюзных активистов томились в тюрьмах и концлагерях, подвергались изощренным пыткам и истреблялись. Маркс недаром говорил в «Капитале», что ради получения 50% прибыли капиталист готов идти на риск, ради 100% он будет попирать все человеческие законы, а ради 300% — нет такого преступления, на которое он не решился бы, даже если бы ему угрожала виселица. Когда Карл Маркс писал в своем основном труде об этих отличительных чертах капитала, он вряд ли мог предполагать, что эта характеристика капитализма получит столь ужасное подтверждение на его родине.

Но и гитлеровский «рай для военных промышленников» не мог остаться вне воздействия начинавшегося нового циклического кризиса капиталистической системы хозяйства. Добыча угля, например, все возрастала, а вывоз его ко второй половине 1937 года резко упал. «Чрезвычайный и полномочный посол третьей империи для особо важных поручений» Франц фон Папен, который одновременно являлся и доверенным лицом магнатов тяжелой промышленности, заявил поэтому 1 сентября 1937 года австрийскому канцлеру Шушнигу, что даже если он, Шушниг, испытывает «неприязнь к национал-социалистскому тоталитаризму», то он все же может «дать свидетельства своей доброй воли в других областях, например в экономике или военных делах» [1]. Папен потребовал от Австрии установления «более тесного экономического сотрудничества» при помощи таможенного союза, который в данной обстановке должен был служить и был бы равносилен экономическому закабалению Австрии Германией. В начале 1938 года в результате уменьшения иностранных заказов стало очевидным дальнейшее значительное сокращение германского экспорта. Это еще более усилило существовавшие валютные затруднения гитлеровского рейха. Рост же вооружений в значительной степени зависел от ввоза железной руды и другого сырья из-за границы. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат потребовал в январе 1938 года от Гитлера принятия немедленных мер. Угольные бароны и магнаты металлургии настаивали на полном слиянии австрийской и германской экономики, чтобы, с одной стороны, заставить Австрию покрывать свою потребность в угле исключительно за счет ввоза из Германии и, с другой стороны, воспользоваться австрийской железной рудой и увеличить ее добычу. Гитлер по-своему выполнил требования военных промышленников. Он просто силой оружия оккупировал Австрию. Это, кроме всего прочего, позволило ему охватить полукольцом Чехословакию и открыло прямую дорогу на Балканы.

При таком все ускоряющемся переходе на путь открытой захватнической войны, сфера которой шаг за шагом постоянно расширялась, обострились противоре-

[1] Этот секретный доклад Папена министру иностранных дел Нейрату приводится в книге «Aus Görings Schreibtisch», Berlin, 1947, S. 94—95.

чия в кругах немецкой буржуазии и даже внутри нацистского аппарата власти. Гонка вооружений тяжело отразилась на торговом капитале и частично на промышленности готовых изделий. Обострение международной обстановки могло еще больше ухудшить их положение. Только в течение 1936—1937 годов число ремесленных предприятий, по официальным данным, сократилось на 90 тысяч. Кроме того, был ликвидирован ряд средних и мелких торговых фирм и предприятий. Все это, разумеется, повлияло на позиции некоторых политических представителей этих слоев. К тому же крупные концерны и тресты боролись между собой за большую долю прибылей, получаемых при производстве вооружений.

Противоречия среди нацистской верхушки проявились особенно резко незадолго до оккупации Австрии, когда Гитлер в феврале 1938 года объявил себя главнокомандующим всех вооруженных сил и уволил в отставку военного министра фон Бломберга и главнокомандующего сухопутными вооруженными силами барона фон Фрича. Одновременно прежний министр иностранных дел фон Нейрат был заменен нацистским дипломатом Риббентропом. Ряд других генералов и дипломатов подобным же образом получили отставку или были отозваны. Офицерский корпус безропотно перенес этот удар, направленный против его верхушки.

Нечто подобное событиям, предшествовавшим занятию Австрии, повторилось перед ударом по Чехословакии. Начальник генерального штаба генерал-полковник Бек возражал против дальнейших военных мероприятий, считая, что это может привести к большой войне, последствия которой невозможно предусмотреть. Бек и его сторонники, к которым принадлежали также Шахт и Герделер, конечно, не отвергали войну как таковую, они считали лишь, что ее нужно более основательно подготовить в дипломатическом и военном отношении, и поэтому до известной степени критиковали планы Гитлера. Гитлер же требовал от вермахта слепого повиновения, он дал Беку отставку и назначил на его место генерала Гальдера. Вокруг этого события реакционные историки, смешав вымысел с правдой, создали ореол легенды, желая при этом снять ответственность с германского генералитета, который американские и западногерманские империалисты хотят использовать для подготовки новой

военной авантюры. Но существуют, однако, исторические факты, и они свидетельствуют, что генералитет не только не препятствовал Гитлеру в его военных авантюрах, но, напротив, он готовил и осуществлял их.

Проявлением противоречий в кругах крупной буржуазии явилась и отставка президента Рейхсбанка Шахта 19 января 1939 года. 1 сентября того же года Гитлер, выступая с речью по поводу нападения на Польшу, хвастливо заявлял, что на создание вермахта он затратил 90 миллиардов марок. Это, бесспорно, было заслугой финансиста, а точнее сказать, военного преступника Шахта. Но в эти последние несколько месяцев до непосредственного начала второй мировой войны задача заключалась в том, чтобы мобилизовать все средства и тем обеспечить финансирование лихорадочно работавшей военной промышленности. В этих целях Гитлер готов был поступиться интересами монополистов других отраслей промышленности и пойти даже на инфляционные меры. Не случайно Гитлер писал в послании к новому президенту Рейхсбанка нацисту Функу, что задачей его является «открыть частным предпринимателям широкий доступ к рынку капитала и отдать себя в их распоряжение». Выпуском же так называемых «налоговых облигаций»[1] гитлеровское правительство забирало вперед налоговые поступления за будущий год, спекулируя при этом на том, что неминуемый дефицит следующих лет будет покрыт за счет ограбления захваченных стран.

Одновременно перед гитлеровцами стояла и другая задача, о которой Шахт писал еще в ноябре 1938 года: «Чем больше сокращается потребление, тем больше труда можно вложить в военную промышленность. Уровень жизни и вооружения — понятия прямо противоположные и находятся в обратно пропорциональной зависимости друг от друга».

К мероприятиям по интенсификации труда в военной промышленности относилось гитлеровское постановление «О продолжительности рабочего дня», вступившее в силу с 1 января 1939 года. Согласно этому постановлению, 8-часовой рабочий день формально не отменялся, но в зависимости от «конкретных условий» в отдельных

[1] «Налоговые облигации» продавались государством частным лицам. Держатель таких бумаг освобождался на определенный период от налогов на соответствующую сумму.— *Прим. ред.*

отраслях промышленности разрешалось увеличивать продолжительность рабочего дня от 10 до 14 часов. При этом оплата сверхурочных была частично снижена, а частично и вовсе отменялась, причем отказ от сверхурочной работы объявлялся наказуемым действием. Запись совещания нацистских главарей, происходившего 13 января 1939 года, свидетельствует о том, с какой интенсивностью возрастала эксплуатация рабочих военной промышленности. На совещании выступил получивший печальную известность доктор Тодт, доложивший о строительстве Западного вала и других оборонительных сооружений, и некий полковник фон Шелль, сообщивший о мерах по «рационализации» в промышленности. Затем выступил палач Гейдрих с «сообщениями об обеспечении этих военных задач», то есть о работе гестапо.

Бернская конференция КПГ призывала в своей резолюции всех коммунистов и социал-демократов планомерно и настойчиво бороться против новой волны фашистской «рационализации» в промышленности и новых постановлений о продолжительности рабочего дня. Коммунистам и социал-демократам «необходимо было договориться, чтобы объединить рабочих на борьбу против снижения заработной платы, увеличения продолжительности рабочего дня, против ухудшения условий труда, несчастных случаев на производстве, продовольственных затруднений и гитлеровской слежки» [1].

И действительно, в течение 1939 года имел место целый ряд серьезных выступлений рабочих, которые выставляли при этом преимущественно экономические требования. На металлургических заводах «Бурбахер» в Саарбрюккене рабочие так решительно протестовали против снижения заработной платы, что была вызвана полиция, которой они также оказали сопротивление. Шахтеры Саарской области путем пассивного сопротивления и других форм протеста добились пересмотра условий сдельной оплаты труда на шахтах. Ставки по сдельщине были повышены. Было удовлетворено также требование шахтеров о дополнительной выдаче сала и смальца. Борьба за повышение ставок сдельной оплаты труда разверну-

---

[1] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946», Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 396.

лась и на других предприятиях угледобывающей промышленности по всей Германии.

В начале июня 1939 года происходили волнения среди рабочих на строительстве укреплений Западного вала. Эти рабочие были большей частью принудительно направлены на военные стройки, оторваны от своих семей и лишены привычной работы по своей специальности. Коммунистическая партия в своих листовках отражала требования недовольных и ожесточенных этими мерами рабочих-строителей. Эти требования касались зарплаты, жилых помещений, пищи, рабочего времени (8-часовой рабочий день), условий доставки к месту работы, спецодежды, дополнительных пособий для семей, оставшихся на старом месте жительства, и т. д. 10 июня рабочие, возводившие укрепления Западного вала на «участке фронта» между Саарбрюккеном и Герсвейлером, прекратили работу. Эти действия рабочие дополнили отправкой делегации в органы «трудового фронта» и жалобами в различные инстанции гитлеровского аппарата. В конце концов рабочим удалось добиться осуществления ряда требований, выдвинутых и сформулированных коммунистами.

Примеру строителей укреплений последовали рабочие верфей района Вассерканте[1]. 25 июля 1939 года судостроители верфи «Блом унд Фосс» в Гамбурге добились увеличения почасовой оплаты неквалифицированных рабочих на 8 пфеннигов, которая теперь достигла 66 пфеннигов. Почасовая оплата обученных рабочих была увеличена на 7 пфеннигов, а высококвалифицированных рабочих — на 8 пфеннигов и достигла соответственно 70 и 80 пфеннигов.

В своем «обзорном докладе» за второй квартал 1939 года, датированном 31 июля, гестапо следующим образом характеризовало волнения среди строителей Западного вала и шахтеров и влияние, оказываемое ими на рабочих других районов страны и других отраслей промышленности:

«В последнее время коммунисты перенесли свою деятельность в империи, как это уже неоднократно отмечалось, на промышленные предприятия. В более ранних

[1] Так называется северо-западное побережье Германии, включая города Гамбург и Бремен.— *Прим. ред.*

сообщениях отмечалось, что коммунисты развертывают свою деятельность в местах наибольшего сосредоточения рабочих, таких, например, как строительство автострад и иногда даже на заводах «Фолксваген». Теперь такие волнения, но только в более крупных масштабах, имели место среди рабочих, воздвигающих укрепления Западного вала, и также на некоторых шахтах. Исходным пунктом для этой все возрастающей коммунистической пропаганды является социальная проблема».

Далее в докладе говорится, что коммунисты и социал-демократы на крупных промышленных предприятиях, добиваясь прекращения работы, выставляют требования главным образом по вопросам зарплаты и цен. На строительстве Западного вала это движение приобрело особенно широкий размах.

Гестапо заключило свой доклад следующими словами:

«Использование и распространение сведений о происшествиях на строительстве укреплений Западного вала, так же как и на других предприятиях, поставлены на широкую ногу при помощи нелегальных листовок, радио, устной пропаганды и достигли крайней степени. Действуя таким образом, коммунистическая пропаганда добивается очевидных успехов и в большинстве случаев усиливает сопротивление рабочих и их возбуждение».

Эти признания гестаповцев позволяют судить о тех масштабах, которых достигло движение рабочих за удовлетворение своих экономических и социальных требований в первой половине 1939 года. Поскольку эта борьба осложняла и тормозила дальнейшее развертывание военной промышленности, постольку она, разумеется, имела и политическое значение. Однако основным ее недостатком было то, что политические требования, которые вследствие все более надвигающейся явной опасности войны приобретали тем большее значение, оттеснялись на второй план экономическими.

Важнейшим политическим итогом этой борьбы за удовлетворение экономических требований было то, что в ходе ее произошло сближение коммунистов, социал-демократов и профсоюзных активистов, что в некоторых местах привело к единству действий. К этому периоду относится образование крупнейшей подпольной организации коммунистической партии, действовавшей во

время войны — подпольной группы Уриха. Весной 1939 года эта группа провела в Кремере, в лесистой местности севернее Ораниенбурга, «слет», в котором приняло участие от 60 до 70 членов партии. После этого в подпольной работе наступило значительное оживление. Устанавливались новые связи, появлялись новые сторонники, создавались новые группы. Старые подпольные группы организационно укреплялись. В группу Уриха входили не только коммунисты, но и социал-демократы и профсоюзные активисты.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ И МИРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

По мере того как фашистские государства — Германия и Италия — и милитаристская Япония направляли свою агрессию против все новых стран, осложнялась и международная обстановка. Годы, предшествовавшие второй мировой войне, характеризуются противоречивыми политическими событиями, приведшими к резким изменениям в политических и дипломатических отношениях между державами. Империалистические поджигатели войны и все враги рабочего движения и по сегодняшний день стремятся в своих «исторических писаниях» извратить отдельные события, рассматривая и оценивая их вне конкретных исторических условий. Они делают это для того, чтобы ввести в заблуждение народные массы и оклеветать коммунистов и Советский Союз. При этом они пользуются тем обстоятельством, что в результате фашистского террора, войны и тайной дипломатии подлинная сущность многих политических событий была неизвестна массам. Поэтому сегодня нельзя не придавать этому значения и в интересах борьбы за сохранение мира необходимо хотя бы в главных чертах установить истину.

Уже в начале данной работы указывалось, что в 1937—1938 годах капиталистические страны были охвачены новым циклическим кризисом. Промышленное производство капиталистического мира в середине 1937 года едва достигло 95—96% от уровня 1929 года. Капиталистические страны вступили в новый экономический кризис, не успев еще вполне оправиться от последствий кризиса 1929 года. Уровень промышленного производства США — ведущей державы капиталистического мира — в 1938 году был более чем на 20% ниже уровня предыду-

щего года. Численность безработных в США вновь возросла и достигла 10 миллионов человек. Опасность войны возрастала, и гонка вооружений в европейских странах несколько сглаживала кризисные явления. Однако в Англии безработица резко возросла. Новый кризис неминуемо вел к обострению противоречий между империалистическими державами, тем более, что агрессивные фашистские государства стремились разрешить эти противоречия путем подчинения других стран.

Со дня официального объявления войны — 1 сентября 1939 года — государства, участвовавшие в ней, перестали публиковать цифровые данные, характеризующие развитие производства. Однако индексы производства США, которые тогда оставались еще нейтральными, свидетельствуют о характерных чертах развития производства. Если принять уровень 1929 года за 100, то в 1937 году индекс производства США составлял 92, в 1938—72, в январе 1939—86 и в июле того же года—85. После нападения Гитлера на Польшу этот индекс резко подскочил вверх и составил в ноябре 1939 года 104, а в декабре поднялся уже до 108. Ввиду все возрастающей военной угрозы все капиталистические страны увеличивали производство железа и стали, что, разумеется, вело к росту индекса промышленной продукции. Но если во всем капиталистическом мире, за исключением США, производство железа и стали выросло соответственно на 29 и 30%, то в США оно выросло на 66,7% по железу и на 65,4% по стали. Американский монополистический капитал усиленно готовился к своей роли «арсенала демократии», которая сулила ему сказочные прибыли. В Германии с 1938 по 1939 год прирост производства железа и стали составлял соответственно 9,1 и 4,7% и был, следовательно, самым небольшим по сравнению с другими странами. Это объяснялось тем, что перевод германской экономики на военные рельсы произошел уже задолго до 1939 года. Заблаговременный переход к военной экономике в таких агрессивных странах, как Германия, Япония и Италия, примеру которых последовали другие капиталистические государства, привел к тому, что новый кризис охватил капиталистические страны не одновременно, и начало его в 1938—1939 годах не представляет единой картины. Однако кризис, без сомнения, во

многом определял международную обстановку того времени. В отчетном докладе Центрального Комитета XVIII съезду партии И. В. Сталин говорил:

«Новый экономический кризис должен был привести и действительно приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. *Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий»* [1] (курсив мой.— *О. В.).*

В докладе перечислялись далее важнейшие акты агрессии за последний период: нападение Италии на Абиссинию в 1935 году, немецко-итальянская военная интервенция в Испании в 1936 году, захват Японией Маньчжурии и вторжение японцев в Северный и Центральный Китай в 1937 году, аннексия гитлеровской Германией Австрии и отторжение Судетской области от Чехословакии в 1938 году и, наконец, оккупация японцами китайского острова Хайнань в 1939 году. В заключение И. В. Сталин сделал вывод: «Новая империалистическая война стала фактом» [2].

Однако между военными действиями, происходившими в различных частях мира до 1939 года, и первой мировой войной имелись существенные отличия. И. В. Сталин подчеркнул их и сделал такой вывод:

«Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой» [3].

Такова была суть политики невмешательства и отказа от коллективной безопасности, политики, которая не требовала от Лиги Наций применения согласованных решительных мер против агрессоров. Коллективная безопасность была бы гарантирована только в том случае, если бы Лига Наций решила применить санкции против агрессоров и осуществила бы их на деле. Советский

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 567.
[2] Там же, стр. 569.
[3] Там же, стр. 569 — 570.

Союз на всех этапах подготовки империалистическими государствами второй мировой войны последовательно выступал именно за такую политику обуздания агрессии. Напротив, проводимая ведущими западными державами политика невмешательства означала на деле поощрение агрессии, была направлена на развязывание войны и превращение ее в мировую войну. Эта чреватая роковыми последствиями политика правящих кругов западных держав объяснялась желанием толкнуть агрессивные фашистские государства на войну против Советского Союза и Китая, а самим оставаться до поры до времени вне игры и сохранить силы, чтобы потом продиктовать свои условия мира ослабленным войной народам.

И. В. Сталин на XVIII съезде партии определенно предостерегал западных политиков, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом» [1].

В сложившейся обстановке задачей советской внешней политики было «соблюдать осторожность» и не давать себя «втянуть в конфликт... провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» [2].

Своим отказом от коллективной безопасности и переходом к политике невмешательства империалистические правительства подорвали единый фронт миролюбивых государств и выдали фашистским агрессорам одно государство за другим. Более того, наиболее реакционные круги финансового капитала США, Великобритании и Франции стремились к международной изоляции Советского Союза, надеясь втянуть его в войну с фашистскими государствами. Именно поэтому британский лорд-хранитель печати Галифакс в переговорах с Гитлером и Нейратом в Оберзальцберге 19 ноября 1937 года не поскупился на отвратительную лесть по адресу германского фашизма. Согласно официальной записи этой беседы, лорд Галифакс заверил Гитлера, что он, как и другие члены британского правительства, прекрасно сознает, что «фюрер... в результате уничтожения коммунизма в своей стране... преградил путь...» коммунизму «в Западную Европу, и поэтому Германия по праву

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 572.
[2] Там же, стр. 574.

может считаться бастионом Запада против большевизма»[1].

Вполне понятно, что, расточая такие похвалы по адресу кровавой гитлеровской диктатуры, империалистические политики типа Галифакса отнюдь не намерены были мешать осуществлению его захватнических планов. Напротив, они всеми силами стремились расчистить ему путь. Именно поэтому правящие круги США, Англии и Франции не только не поддерживали сопротивления порабощенных, оказавшихся в подчинении у фашистских агрессоров народов, но, наоборот, всячески препятствовали этому сопротивлению, а в ряде случаев путем дипломатических маневров, а иногда и прямых угроз срывали его. Для достижения этой цели они пошли, как это было, например, в Мюнхене, на прямой сговор с фашистским агрессором.

Было бы, разумеется, неправильно отождествлять народы указанных выше стран с их правящими кругами, стремившимися развязать вторую мировую войну. Трудящиеся массы этих стран были непримиримыми врагами фашизма и его милитаристской политики. Кроме того, имелись и другие враги фашизма в этих странах — так, например, определенные круги буржуазии тоже сознавали, что фашистские захваты прямо угрожают и их собственным позициям. Поэтому во всех этих странах разгорелась упорная борьба за изменение политики своих правительств по отношению к фашистским захватам. Миролюбивые, антифашистски настроенные массы трудящихся добились немалых успехов в этой борьбе против тех, кто вел политику тайного сговора с немецкими фашистами, заклятыми врагами мира и независимости народов.

Бесспорным доказательством справедливости изложенной выше точки зрения является «Обзорная записка о развитии политических отношений между Англией и Германией за время моей служебной миссии в Лондоне (май 1938—август 1939 года)», составленная гитлеровским послом в Лондоне фон Дирксеном. Документ снабжен грифом «секретно». Через всю эту «Обзорную записку» красной нитью проходит мысль о том, что правительство Чемберлена было готово на новые и новые

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 16.

уступки Гитлеру и даже на прямой союз с ним, однако под давлением народных масс, а также части буржуазии эта политика не была осуществлена. Лорд Галифакс, в то время английский министр иностранных дел, в июле 1938 года встретился с личным адъютантом Гитлера капитаном Видеманном, чтобы обсудить вопрос о посещении Герингом Лондона. Об этой беседе Дирксен писал:

«Английское правительство живо приветствовало мысль о приезде фельдмаршала. Галифакс пошел так далеко, что сказал, что прекраснейший момент его жизни наступил бы тогда, когда фюрер проехал бы рядом с королём по Mall (улица, которая ведет к Букингемскому дворцу.— *Ред.*) во время официального визита в Лондон» [1].

Далее Дирксен выражает сожаление по поводу того, что эти предварительные переговоры «благодаря одной из обычных нескромностей, попали в английскую прессу и были использованы для самых сенсационных комментариев». В результате «этот проект был оставлен Берлином без последствий» [2].

О том, как было встречено в Англии известие о занятии гитлеровскими войсками Праги, Дирксен писал:

«*Обострение позиции Англии исходило первоначально не от правительства, а от политической общественности*, от парламента, из избирательных округов; в Лондоне оно было тем сильнее, чем теснее был контакт между депутатами и их избирательными округами» (курсив мой.— *О. В.*) [3].

Весьма показательна решимость, с которой английский народ настаивал на заключении союза с СССР для совместной обороны от фашистской агрессии. Об этих настроениях в Англии в период англо-франко-советских переговоров в Москве Дирксен писал так:

«Характерно было то упорство, фанатизм, почти истерия, с которой политическая общественность подгоняла переговоры и понуждала правительство к все большим и большим уступкам с тем, чтобы пакт был заключен по возможности скорее» [4].

---

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 179.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 197—198.

[4] Там же, стр. 202—203.

В заключение Дирксен пишет, что в конце июля 1939 года «настроение населения могло быть охарактеризовано в следующем разрезе», и делит все население Англии на «три прослойки» [1]. О первой прослойке гитлеровский дипломат говорит, что она «представляла собою численно незначительную, но политически влиятельную группу», которая «...стремилась каким-либо образом прийти к соглашению с Германией», однако была «в известной мере в плену своей собственной политики». Правительство Чемберлена исполняло волю именно этой «численно незначительной группы». Консерваторов, находившихся в оппозиции к Чемберлену, левых либералов и некоторые другие буржуазные круги Дирксен именовал вторым, более широким кругом «решительных и подстрекающих к войне врагов Германии» [2]. И, наконец, «третьим слоем», по Дирксену, была «широкая общественность, которая устала от «вечных помех для спокойного развития», ответственность за которые она возлагала на Германию». «Ее чувства, — писал Дирксен,— могут быть лучше всего выражены фразой: *«Если борьба неизбежна — не будем её откладывать»* [3] (курсив мой.—*О. В.*).

Следует учесть, разумеется, что эта характеристика дана реакционным гитлеровским дипломатом. Однако в общих чертах она правильно отражает настроения в Англии. Трудящиеся Англии, подобно народным массам других стран, ненавидели гитлеровский фашизм за его кровавое подавление рабочего движения и всех свободолюбивых стремлений немецкого народа, а также за его политику безудержной агрессии против других народов. Известная часть видных представителей английской буржуазии сознавала также, что агрессия гитлеровского германского фашизма непосредственно угрожает империалистическим позициям самой Великобритании. Но находившаяся у власти группа Чемберлена — Галифакса — Ренсимена стремилась к соглашению с германским фашизмом, надеясь подтолкнуть Гитлера на войну против Советского Союза. Пока представители этих кругов возглавляли правительство, неотъемлемыми

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 210.
[2] Там же, стр. 211.
[3] Там же.

элементами и основой английской дипломатии являлись политические сделки и прямой сговор с немецким фашизмом. Такая же точно обстановка сложилась и во Франции.

Таким образом, международная политика определялась борьбой между двумя направлениями. Первое направление боролось за мир, за организацию коллективной безопасности, за отражение фашистской агрессии объединением всех сил миролюбивых народов. Это направление представлял Советский Союз, который вместе с трудящимися народными массами и благоразумной частью буржуазных кругов капиталистических стран выступал в защиту этого направления. Другое направление отказывалось от организации коллективной безопасности и оказания общего сопротивления агрессии, что неизбежно побуждало фашистские государства ко все новым актам агрессии и вело, таким образом, к развязыванию второй мировой войны.

Эта империалистическая политика правящих кругов Англии и Франции наиболее полно отразилась в позорном Мюнхенском соглашении, подписанном 29 сентября 1938 года. Гитлер и Муссолини, с одной стороны, Чемберлен и Даладье — с другой, договорились без участия хотя бы одного-единственного представителя Чехословакии о передаче Германии так называемой Судетской области.

Параграф 2 этого соглашения гласил:

«Соединенное королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений» [1].

Несмотря на то, что Франция была связана с Чехословакией пактом о взаимопомощи, а Англия не скупилась на всевозможные обещания чехословацкому народу, оба премьер-министра, не задумываясь, санкционировали вместе с Гитлером расчленение «дружественного государства». Более того, они возложили на чехословацкое правительство ответственность за передачу агрессив-

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 288.

ному гитлеровскому фашизму в полной целости и сохранности всех военных сооружений, имевшихся в Судетской области. Это было черное предательство по отношению к чехословацкому народу и подлое глумление над ним, оскорбление его национального достоинства.

Один только Советский Союз на всех стадиях чехословацкой трагедии самоотверженно выступал в защиту независимости и национальных прав чехословацкого народа. В начале сентября 1938 года Советское правительство предложило немедленно созвать совещание представителей Англии, Франции и СССР, которое должно было опубликовать заявление о том, что в случае неспровоцированного нападения Германии на Чехословакию последней будет оказана помощь. Лига Наций должна была в соответствии с этим предложением определить пути и установить формы этой помощи. Предусматривалось также, что представители генеральных штабов трех держав разработают план совместных военных мероприятий.

Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи содержал условие, в соответствии с которым Советский Союз и Франция обязаны были одновременно и сообща оказать помощь Чехословацкой республике. Это обязательство основывалось на франко-чехословацком договоре. Но оно было нарушено французским правительством, подписавшим Мюнхенское соглашение. Империалистические правители Англии и Франции предали чехословацкий народ, обрекли на гибель его государство, надеясь такой ценой прийти к сговору с фашистским агрессором и спровоцировать его военное столкновение с Советским Союзом. Это была бессовестная, кощунственная игра судьбами народов, которая должна была принести ужасные последствия и для тех народов, которые эти правительства представляли.

30 сентября 1938 года Чемберлен и Гитлер подписали в Мюнхене совместную декларацию, в которой говорилось:

«Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и германо-английское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда более не вести войну друг против друга» [1].

---

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 319—320.

6 декабря 1938 года было опубликовано совместное заявление французского министра иностранных дел Боннэ и Риббентропа, в котором говорилось, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией являются одним из наиболее существенных элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. В заявлении провозглашалось, что между Францией и Германией «не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера», что существующая в настоящее время граница между обоими государствами является окончательной.

Эти соглашения представляли собой, по сути дела, пакты о ненападении как между Германией и Англией, так и между Германией и Францией.

Несмотря на свои торжественно подписанные и опубликованные декларации, германский империализм, разумеется, и не помышлял о сохранении всеобщего мира в Европе. Напротив, он готовился к новым захватам, стремясь установить свое господство не только в Европе, но и во всем мире. За отторжением Судетской области последовало занятие Чехии и Моравии и уничтожение Чехословацкого государства. После удара по Литве началась все более неприкрытая подготовка к агрессии против Польши.

Непрерывно возрастающая агрессия, естественно, вызвала сильнейшее возмущение во всех европейских странах и укрепила в народных массах решимость бороться против фашистской угрозы. Поэтому правительства Англии и Франции оказались вынужденными прибегнуть к маскирующим маневрам и начать переговоры с Советским правительством. Эти переговоры начались в марте 1939 года. Они тянулись в течение пяти месяцев и окончились безрезультатно.

Каких результатов нужно было достигнуть в ходе переговоров? Из отчета, сделанного товарищем Молотовым на Третьей сессии Верховного Совета СССР в 1939 году, явствует, что целью Советского правительства являлось «заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств центральной и восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР

европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессора»[1].

Но ни английское, ни французское правительства не желали принимать на себя подобные обязательства о совместной обороне против агрессии. Они стремились добиться от Советского Союза, чтобы он взял на себя обязательства по защите Польши, Румынии и других государств, но сами не собирались брать на себя обязательство оказать такую же помощь Советскому Союзу и граничащим с ним государствам. От Советского Союза требовали оказания помощи Польше в случае фашистской агрессии и в то же время отказывались предоставить советским войскам право прохода через польскую территорию. Целью этой нечестной игры было любой ценой добиться столкновения германского империализма с Советским Союзом.

Необходимо отметить, что московские переговоры велись совершенно открыто. Молотов докладывал о ходе их Верховному Совету 31 мая 1939 года. Жданов писал о них 29 июня в «Правде», отмечая, что западные державы ведут нечестную игру. В беседе с корреспондентом «Известий» 27 августа Ворошилов осветил ход переговоров между военными миссиями. Все эти публикации Советского правительства не оставили и тени сомнения относительно истинных намерений западных держав, и в то же время Советское правительство ни на иоту не отступило от своих требований о коллективной безопасности и совместной обороне против фашистской агрессии.

В то время как мировая общественность была таким образом полностью информирована о ходе англо-франко-советских переговоров, Чемберлен в глубокой тайне через своего ближайшего сотрудника и советника Горация Вильсона пытался завязать новые, далеко идущие переговоры с гитлеровским правительством. Вильсон вел тайные беседы по этому вопросу с уполномоченным Геринга советником Вольтатом. Речь шла о заключении с Гитлером пакта о ненападении и пакта о невмешатель-

---

[1] Третья сессия Верховного Совета СССР, стенографический отчет, В. М. Молотов, О международном положении и внешней политике СССР, 1939, стр. 471.

стве, согласно которому были бы разграничены сферы интересов Великобритании и Германии. По свидетельству того же Дирксена, обсуждались также колониальные вопросы, проблемы сырья и приобретения сырья для Германии, разграничения промышленных рынков и урегулирование проблемы международной задолженности [1]. По сообщению Дирксена, правительство Чемберлена в ходе этих секретных переговоров обещало оказать давление на Францию, с тем чтобы она «расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе» [2].

Правительство Чемберлена намеревалось также освободиться от своих обязательств в отношении Польши под тем предлогом, что заключение англо-германского пакта о ненападении якобы устраняет угрозу нападения Гитлера на эту страну. Польша оставалась таким образом одна, лицом к лицу с фашистской Германией. И в то время как правительство Чемберлена вело эти тайные переговоры с Германией, оно вновь дало Польше официальные гарантии на случай гитлеровской агрессии.

Факты, о которых сообщает Дирксен, подтверждают мнение о том, что английское правительство придавало закулисным переговорам с гитлеровской Германией неизмеримо большее значение, чем англо-советским переговорам. Не последнюю роль при этом играют и такие факты, как посылка в Москву для переговоров военной миссии, состоявшей из второстепенных и третьестепенных представителей, которые к тому же не имели даже полномочий на заключение какого-либо военного соглашения. Весьма характерно упоминание Дирксена об «основных соображениях» видных руководителей английской политики. Гитлеровский дипломат писал своему правительству 1 августа 1939 года: «К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, — или, вернее, благодаря этому, — здесь относятся скептически». Состав миссии свидетельствовал, по мнению Дирксена, о том, что «военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения» [3].

---

[1] См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 73—74.

[2] Там же, стр. 125.

[3] Там же, стр. 117.

Точнее говоря, миссии было поручено заняться шпионажем. Дирксен сообщал гитлеровскому правительству о мнении одного высокопоставленного офицера из английского Министерства авиации, заявившего в беседе с германским военно-воздушным атташе, что британская сторона не имеет серьезного желания заключить соглашение с Советским Союзом.

На основании всех этих фактов о проводившихся в глубокой тайне переговорах, в ходе которых английское правительство прямо указывало уполномоченным Гитлера на то, что «в России имеются к тому же широкие возможности для экономической деятельности Германии» [1], можно было сделать только один вывод. «Коварный замысел англо-французской политики заключался в том, чтобы дать понять Гитлеру, что у СССР нет союзников, что СССР изолирован, что Гитлер может напасть на СССР, не рискуя встретиться с противодействием со стороны Англии и Франции» [2].

В годы все усиливающейся фашистской агрессии Советский Союз последовательно, настойчиво, проявляя величайшую выдержку, стремился к созданию коллективной безопасности и установлению единого фронта всех неагрессивных государств. Правительства США, Англии и Франции не только саботировали советскую мирную политику, но и стремились к изоляции Советского Союза и к созданию единого фронта империалистических государств с фашистскими агрессорами. Эти коварные замыслы были сорваны подписанием советско-германского пакта о ненападении. Но более того, в ходе дальнейших событий создалось положение, при котором правительства Англии и США были поставлены перед необходимостью образования с участием Советского Союза антигитлеровской коалиции. Создание такой коалиции полностью соответствовало интересам всех свободолюбивых народов, подвергшихся фашистскому нападению.

К предистории советско-германского пакта о ненападении относятся переговоры о заключении торгового соглашения между СССР и Германией. Эти переговоры

---

[1] Herbert von Dirksen, Moskau—Tokio—London, Zwanzig Jahre deutscher Außenpolitik, Stuttgart, 1949, S. 251.

[2] «Фальсификаторы истории. Историческая справка», Госполитиздат, 1951, стр. 49.

начались по предложению германского правительства еще в начале 1938 года, но дважды прерывались из-за разногласий по различным вопросам. 22 июля 1939 года переговоры по предложению Германии были возобновлены и закончились 19 августа того же года подписанием взаимовыгодного торгового и кредитного соглашения. Вскоре после этого гитлеровское правительство предложило Советскому Союзу заключить пакт о ненападении. Пакт, подписанный в результате поездки Риббентропа в Москву, принципиально отличался от мюнхенского сговора. Он не покоился на насилии и оставлении на произвол судьбы других народов. Напротив, он был направлен на сохранение мира между СССР и Германией и основывался на заключенном еще в апреле 1926 года советско-германском договоре о нейтралитете. В основных параграфах этого пакта говорилось:

«1. Обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу...

4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

5. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или другого рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем, в порядке дружественного обмена мнениями или, в нужных случаях, путем создания комиссии по урегулированию конфликтов» [1].

Содержание советско-германского пакта о ненападении свидетельствует о том, что он был направлен на сохранение мира и отвечал поэтому интересам как советского, так и германского народов. Это мирное соглашение не затрагивало ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и суверенитета какого-

---

[1] «История дипломатии», т. III, Госполитиздат, 1945, стр. 689—690.

либо другого государства. Силы мира только выиграли от заключения этого пакта. Была создана временная преграда на пути распространения войны на Восток. Были спутаны карты правящих кругов тех империалистических держав, которые стремились возможно скорей натравить Германию на Советский Союз. Наконец, своим предложением о заключении пакта о ненападении гитлеровское правительство вольно или невольно разоблачило всю безосновательность своей разнузданной антисоветской пропаганды.

С другой стороны, пакт о ненападении дал Советскому Союзу время, необходимое для того, чтобы укрепить свою обороноспособность. После нападения Гитлера на Польшу и развала реакционного польского государства Советский Союз, освободив население Западной Украины и Западной Белоруссии и осуществив воссоединение украинского и белорусского народов, передвинул свою линию обороны далеко на Запад. Это сыграло немалую роль в исходе гитлеровской агрессии против Советского Союза. Необходимо помнить также, что советские войска, перейдя 17 сентября 1939 года линию довоенной советско-польской границы, заняли лишь те области, западная граница которых еще в 1919 году была утверждена союзниками в Версале в качестве советско-польской границы под названием «линии Керзона».

После этого Советский Союз заключил договоры о взаимопомощи с прибалтийскими государствами, в соответствии с которыми на территории Литвы, Латвии и Эстонии были созданы советские военно-воздушные и военно-морские базы и размещены сухопутные войска. При поддержке Советского Союза народные массы этих стран повели решительную борьбу против реакционных и фашистских элементов, которые были удалены из правительства и государственного аппарата. Следует напомнить о том, что после Великой Октябрьской социалистической революции в этих прибалтийских государствах была провозглашена советская власть. В результате подлого сговора американского и английского правительств и их военных миссий с германскими войсками, с помощью так называемого балтийского корпуса, выступавшего в союзе с русскими и финскими белогвардейцами, а также прибалтийскими баронами и капитали-

стами, советская власть в этих странах была тогда свергнута и потоплена в крови эстонских, литовских и латвийских рабочих и крестьян. Вполне понятна поэтому та ненависть, которую испытывали народные массы этих стран к своим реакционным и фашистским правителям, навязанным им силой оружия двадцать лет назад. Эта ненависть особенно ярко проявилась во время демократических выборов в парламенты Литвы и Латвии и эстонскую Государственную думу, происходивших в июле 1940 года. Во всех трех прибалтийских государствах была вновь провозглашена советская власть. Латвия, Литва и Эстония ходатайствовали о принятии их в Союз Советских Социалистических Республик. Это ходатайство было удовлетворено Верховным Советом СССР в начале августа 1940 года.

Таким образом были созданы гораздо более благоприятные, чем прежде, политические и военные предпосылки для успешной обороны Советского Союза от фашистской агрессии.

Для того чтобы завершить создание надежной обороны от фашистской агрессии, Советское правительство осенью 1939 года предложило Финляндии заключить договор о взаимопомощи. Однако по приказу американских и английских правителей финские реакционеры отвергли это советское предложение. Советский Союз предложил также отодвинуть в районе Ленинграда советско-финскую границу на 20—30 километров на запад. Однако и это предложение было встречено категорическим отказом, несмотря на то, что взамен этой территории Советский Союз уступал вдвое больший участок территории в Восточной Карелии. Сотрудничество финской реакции с германскими фашистами и англо-американскими империалистами давало Советскому Союзу все основания для таких предложений. Об этом же свидетельствует тот факт, что Гитлер, после того как он напал на Советский Союз, повел наступление на Ленинград с финской территории. Финское правительство в то время состояло в заговоре с Гитлером, который направил в 1939 году в Финляндию своего начальника генштаба Гальдера, и поддерживало также тесные связи и с реакционными империалистическими силами Англии и Франции, поэтому оно отвергло обоснованные предложения Советского Союза. После провокации финских фашистов-лапуасов-

цев на советско-финской границе Финляндия развязала войну против СССР, длившуюся с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года.

Началась бешеная клеветническая кампания и травля Советского Союза. Совет Лиги Наций исключил СССР из Лиги Наций, несмотря на то, что за исключение голосовало меньшинство Совета. Английские, французские и американские империалисты, у которых якобы не хватало сил для помощи Польше, вдруг нашли все необходимое, чтобы оказать реакционной Финляндии широкую военную поддержку против Советского Союза. США предоставили ей 10 декабря 1939 года заем в сумме 10 миллионов долларов. По официальному заявлению Чемберлена, Англия предоставила Финляндии более 100 самолетов, более 200 орудий, сотни тысяч снарядов, авиабомб и противотанковых мин. Франция, которая в это время старалась избегать каких-либо активных действий против Гитлера на линии Мажино, отправила в Финляндию 175 самолетов, около 500 орудий, более 5 тысяч пулеметов, миллионы снарядов, ручных гранат и другое снаряжение. Англия начала снаряжать экспедиционный корпус численностью в 100 тысяч солдат; Франция готовила такой же корпус численностью до 50 тысяч человек. К марту 1940 года оба эти корпуса должны были высадиться в Финляндии для участия в войне против Советского Союза. Кроме того, целая французская армия, так называемая ближневосточная армия, под командованием генерала Вейгана должна была вторгнуться в Закавказье и нанести удар по Баку. Но Советская Армия сорвала планы империалистов. Преодолев ожесточенное сопротивление, она прорвала линию Маннергейма, построенную по последнему слову военной техники, разгромив в течение нескольких недель финскую армию, несмотря на большую помощь, оказанную последней империалистами. Советское правительство предложило Финляндии мир на очень великодушных, мягких условиях. Граница в районе Ленинграда была отодвинута. Эта мера была необходима для защиты города Ленина, колыбели Великой Октябрьской социалистической революции. Мирный договор предусматривал целый ряд мер военного характера, которые существенно усилили позиции Советского Союза в этом районе. Общим итогом советско-финской войны

явилось значительное укрепление обороны СССР против империалистической агрессии.

Только оголтелые империалисты, которые не могли примириться с крушением своих планов, а также их социал-демократическая агентура не жалели яда и желчи при оценке советской политики, направленной на предотвращение войны, на сохранение мира для народов Советского Союза и на повышение обороноспособности страны.

Политика Советского Союза полностью соответствовала также и национальным интересам германского народа. Ныне не приходится лишний раз напоминать о том, какие губительные последствия принесло германскому народу вероломное нарушение Гитлером советско-германского пакта и предательское нападение на Советский Союз. Миллионы убитых и искалеченных немцев, руины и развалины немецких городов и сел — все это не нуждается в комментариях. Разрыв советско-германского пакта о ненападении действительно был тягчайшим преступлением Гитлера против национальных интересов германского народа.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ РАЗВЯЗЫВАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После того как Гитлер оккупировал Чехословакию, нарушив все свои торжественные заверения о сохранении мира, данные им при заключении Мюнхенского соглашения, был достигнут значительный прогресс в деле установления единства действий рабочего класса. Коммунистическая партия Германии и компартия Австрии опубликовали совместно с Рабочим комитетом германских социалистов[1] и революционными социалистами Австрии воззвание «К рабочим Германии и Австрии». В этом воззвании, которое распространялось в Германии подпольным путем, говорилось:

«После подчинения силой оружия миллионов чехов и словаков и экономического порабощения балканских народов и слепому стало ясно, что уже аннексия Австрии и захват Судетской области не служили целям национального освобождения, а являлись лишь этапами захватнической, империалистической политики»[2].

Далее в воззвании отмечалось, что захват Чехословакии разрушил иллюзии о наступлении «эпохи всеобщего мира», которые правительства западных держав пытались внушить народным массам для того, чтобы оправдать Мюнхенский сговор.

«В этот момент, — говорилось далее в воззвании, — когда каждый дальнейший шаг тесно связан с судьбами войны и мира, с судьбами миллионов людей, мы, германские и австрийские социалисты и коммунисты, представители подпольного борющегося рабочего движения,

---

[1] В состав этого комитета входила примерно та же группа видных германских социал-демократов, которая в декабре 1936 года подписала программное воззвание Комитета народного фронта.

[2] «Rundschau», Jahrgang 1939, Nr. 22, S. 579.

выражаем от имени германского и австрийского народов наш протест против аннексии Чехословакии. Наши совместные действия в этом вопросе явятся вкладом в дело борьбы против нашего общего врага.

Германские и австрийские социалисты и коммунисты торжественно заявляют, что они признают за чехословацким народом полное право любыми средствами бороться за свое национальное освобождение и за восстановление своего независимого государства. *Германское рабочее движение приложит все усилия, чтобы поддержать национально-освободительную борьбу всех порабощенных фашизмом народов».*

Воззвание заканчивалось призывом, обращенным ко всем антифашистам Германии и Австрии: «Объединяйтесь на предприятиях! Будьте солидарны в своей борьбе! Вырабатывайте совместно наиболее действенные формы сопротивления» [1].

Воззвание вдохновило антифашистов-подпольщиков на выступления, которые они организовали в ряде районов против гитлеровских военных провокаций.

В листовке, которая распространялась среди металлургов Саарской области, говорилось, что «захват и порабощение Чехословакии позорят германскую нацию». «Этот позор, — говорилось далее, — падет на нас, если мы не встанем на сторону народов, подвергшихся нападению, и не воспрепятствуем новым актам фашистского насилия. Мы должны всеми силами бороться против военных планов нацистского правительства».

В листовке, распространявшейся среди рабочих крупнейшей гамбургской верфи «Блом унд Фосс», говорилось: «Мы, рабочие верфи «Блом унд Фосс», не намерены молчать в то время, когда бесправие выдают за право, ложь и подлость представляют в качестве истины, а разбой и убийство возводят в моральную добродетель, когда порабощение других народов и насильственный захват их стран провозглашаются «делом чести германской нации»! Подпольная организация «Народный фронт Берлина» распространяла воззвание под заголовком «Берлинцы! Будьте бдительны! Угроза растет!»

В то время как коммунисты и социалисты Германии и Австрии призывали к единству и совместно организовы-

---

[1] «Rundschau», Jahrgang 1939, Nr. 22, S. 579.

вали выступления рабочих на предприятиях, партийное правление СПГ в Праге, в состав которого входили Вельс, Фогель, Штампфер, Гильфердинг и Гейер, продолжало отклонять все предложения об установлении единого фронта. В резолюции, принятой по этому вопросу ЦК КПГ в июне 1939 года, отмечалось, что «за упорным нежеланием установить единый фронт с коммунистами скрывается определенный политический план, заключающийся в том, чтобы в подходящий момент пойти на союз с генералами и буржуазными кругами и с помощью иностранных штыков сыграть ту же роль, которую сыграли Эберт и Носке в революции 1918 года в Германии»[1].

Подписание советско-германского пакта о ненападении было событием первостепенного политического значения как в мировом, так и в национальном масштабе. ЦК Коммунистической партии Германии 25 августа 1939 года опубликовал по этому вопросу подробное заявление, в котором говорилось, что этот пакт о ненападении разоблачил тезис гитлеровской пропаганды о мнимом окружении Германии. Кроме того, он свидетельствовал, что возможно установление взаимопонимания с другими народами мирным путем и что немецкий народ может получить сырье, необходимое для мирной экономики, развивая свои торговые связи с другими народами. Тем самым разбивалась гитлеровская ложь о «жизненном пространстве». Далее в развитие этих доводов в заявлении говорилось:

«Германский народ приветствует заключение между Советским Союзом и Германией пакта о ненападении, так как немецкий народ желает мира и рассматривает этот пакт как достойный вклад Советского Союза в дело мира. Немецкий народ приветствует этот пакт, так как он не имеет ничего общего с договорами, заключенными Гитлером с Муссолини и с японскими милитаристами и являющимися орудием войны и империалистического насилия над другими народами. Советско-германский пакт — залог мира между Германией и Советским Союзом»[2].

Заявление призывало германских трудящихся, и в первую очередь рабочий класс Германии, поддерживать мирную политику Советского Союза и встать на сторону

---

[1] «Rundschau», Jahrgang 1939, Nr. 50, S. 1435.
[2] Там же, № 46, стр. 1323.

народов, порабощенных нацизмом. ЦК КПГ призывал к заключению пактов о ненападении с Польшей, Румынией, Францией, Англией, со всеми народами, которые имеют все основания опасаться агрессивной политики Гитлера. ЦК выдвинул поэтому следующие лозунги:

«Долой угрозу войны, исходящую от нацистского режима!»

«Покончим с разбойничьими нападениями на другие народы!»

«Сохранение национальной независимости и свободы для всех народов!»

«Свобода и национальное самоопределение для австрийского и чешского народов!» [1].

Далее, в области экономики ЦК призывал к расширению торговых связей с Советским Союзом, требовал возврата к мирной экономике и расширения производства товаров широкого потребления, а также товаров для экспорта. В связи с этим выдвигался ряд социально-экономических требований: 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты и другие требования социально-экономического порядка.

КПГ в то же время предостерегала немецкий народ от иллюзии, будто гитлеровский режим сам перейдет к такой мирной политике, которая единственно отвечает интересам немецкого народа. Тем более необходимо было, чтобы весь немецкий народ стоял на страже соблюдения советско-германского договора о ненападении. Поэтому ЦК КПГ напоминал и предупреждал, что «мир будет упрочен только в том случае, если германский народ возьмет судьбы немецкой нации в свои руки и будет надеяться только на свои собственные силы». Воззвание не оставляло никакого сомнения в том, что если «германский народ будет втянут в катастрофу войны», то вся ответственность за нее падет на германских империалистов.

Спустя несколько дней катастрофа разразилась — 1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Началась вторая мировая война. ЦК КПГ в опубликованном по этому вопросу воззвании дал твердые установки немецким антифашистам.

«Немецким коммунистам и социал-демократам, — говорилось в воззвании, — необходимо, опираясь на свой

[1] «Rundschau», Jahrgang 1939, Nr. 46, S. 1323.

опыт в борьбе против развязывания войны и на успешное сплочение всех противников нацизма, укрепить единство своих рядов, расширить его и в тяжелых военных условиях вести всестороннюю подготовку народной революции. Нам нечего надеяться ни на штыки Чемберлена и Даладье, ни на «либеральное крыло» германской буржуазии; мы должны надеяться исключительно на объединенные усилия нашего народа, на солидарность и борьбу международного рабочего класса и помощь великого и могущественного Советского Союза»[1].

Охарактеризовав реакционную позицию руководства II Интернационала, Международного объединения профсоюзов (Амстердамского интернационала) и правления СПГ, ЦК КПГ отмечал далее:

«КПГ призывает всех антифашистов как в Германии, так и в эмиграции, не теряя времени, начать упорную борьбу за объединение германского рабочего движения и оппозиционных элементов в стране. Компартия призывает мобилизовать все силы для свержения нацистской диктатуры и беспощадно бороться против троцкистов и всех врагов единства. Преступная политика некоторых бывших лидеров СПГ облегчила нацистам подготовку войны и помешала сплочению оппозиционных элементов в эмиграции. Поэтому сегодня не существует единой общей платформы оппозиции в борьбе за свержение нацизма. КПГ является единственной силой в Германии, которая... открыто провозгласила свои намерения и без колебания вступила на путь подготовки новой революции...

Мы выражаем уверенность, что сотрудничество коммунистов и социал-демократов на фронте и в тылу, союз солдат и рабочих, вся самоотверженная работа по подготовке и проведению народной революции приведут к тому, что в ходе объединенной борьбы рабочего класса будет создана единая революционная рабочая партия, которая сможет в нынешнем положении возглавить и повести за собой весь германский народ»[2].

Оба эти воззвания КПГ — по поводу советско-германского пакта о ненападении и о начале второй мировой войны — цитируются так подробно потому, что оба они

---

[1] «Rundschau», Jahrgang 1939, Nr. 50, S. 1435.

[2] Там же.

имеют большое значение для понимания политики партии на данном этапе. Все враги германского рабочего движения, начиная от американских поджигателей войны и кончая правыми лидерами СПГ, которым в их собственной партии дали прозвище «американцы», постоянно предпринимают все новые попытки так представить события, как будто КПГ после заключения советско-германского пакта о ненападении прекратила борьбу против гитлеровского режима. Это, разумеется, глупая и злобная клевета.

Напротив, справедливости ради надо указать, что еще в резолюции Бернской конференции КПГ ясно говорилось о планах реакционных представителей крупного капитала Англии и Франции превратить Гитлера во всеевропейского жандарма, а германский народ — в пушечное мясо. Правительства империалистических держав Запада отказались от коллективной безопасности и подло предали испанский народ и малые европейские страны, что и привело к началу второй мировой войны. Но и после ее начала западные державы продолжали травлю Советского Союза и путем интриг и махинаций попрежнему пытались направить войну на Восток. В подобной обстановке КПГ, естественно, должна была усилить свою борьбу против этих махинаций наиболее реакционных империалистов Англии, Франции и Америки.

КПГ, следовательно, должна была вести войну на два фронта как в самой Германии, так и за ее пределами. В самой гитлеровской империи после начала войны усилился процесс обострения противоречий. Пора захватов без войны миновала. Молниеносный захват Польши стоил гитлеровцам десятков тысяч убитых и раненых. Порабощение Польши принесло огромные прибыли юнкерам и магнатам тяжелой индустрии, но оно показало также, что над Германией нависла угроза большой и продолжительной войны.

В это время, а именно в рождественские дни 1939 года, состоялось нелегальное совещание руководящих работников КПГ, которое выработало новую политическую платформу партии и определило новые тактические задачи. Принятая совещанием резолюция начиналась следующими словами:

«Тактика коммунистической партии в данный момент должна быть направлена на развертывание широкого народного движения и создание народного фронта трудя-

щихся масс. Народный фронт должен защищать права и интересы трудящихся масс, в том числе и трудящихся — национал-социалистов. Он должен также способствовать укреплению и углублению дружественных отношений с Советским Союзом и стремиться в интересах народа к прекращению империалистической войны».

Определенные круги германской буржуазии, к которой относились промышленники, высокопоставленные чиновники, католическая верхушка и видные нацисты, являлись убежденными противниками советско-германского пакта о ненападении, продолжая и после его заключения ориентироваться на союз с теми правящими кругами Англии и Франции, которые попрежнему стремились спровоцировать войну между Германией и Советским Союзом. Осуществление этого плана таило в себе большую опасность для немецкого народа. КПГ, разумеется, не должна была закрывать глаза на эту опасность и должна была мобилизоваться на борьбу с нею. В политической платформе подчеркивалось, что «эти тактические установки требуют от коммунистической партии проведения самостоятельной политики в интересах трудового народа, но вовсе не являются поддержкой войны, которую ведет германский империализм, и *ни в коем случае не означают ослабления борьбы против угнетательской политики существующего режима в Германии»*.

В результате фашистской захватнической политики Германия превратилась в так называемую «Великую Германию», которая не являлась больше единым национальным государством и стала, хотя и временно, многонациональным государством. Поэтому политическая платформа КПГ выдвигала в качестве одной из важнейших задач борьбу против политического бесправия трудящихся масс в самой Германии и против национального угнетения австрийского, польского, чешского и словацкого народов германским империализмом.

Таким образом, новые тактические задачи КПГ вытекали из крайне сложной и противоречивой обстановки как в самой Германии, так и на международной арене. Выработать их и руководствоваться ими в дальнейшей деятельности было нелегко. Об этом свидетельствуют, например, ошибки руководства эмигрантской группы КПГ во Франции. Ответственные руководители этой организации Далем, Меркер и Берц после начала войны явились

в распоряжение французских властей и были немедленно интернированы, что лишило их возможности принимать участие в дальнейшей борьбе против гитлеровской тирании. Подобное поведение, так же как и письма Далема к премьеру Даладье, явилось следствием неверной оценки политики французского правительства и недоверия к Советскому Союзу и его политике мира. Это, в свою очередь, привело к непониманию значения пакта о ненападении, заключенного между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Перечисленные ошибки привели к тяжелым последствиям. По этому вопросу в резолюции ЦК СЕПГ от 20 декабря 1952 года сказано следующее:

«Ход и события второй мировой войны неопровержимо показали, что добровольное подчинение приказу об интернировании принесло пользу империалистическим западным державам. Роспуск организации КПГ ослабил движение сопротивления в оккупированной Франции и прежде всего обусловил невозможность действенной агитации среди германских оккупационных войск. Не случайно, что подобная ликвидаторская политика проводилась и в Дании. Повсюду, где влияние империалистических держав проникало в ряды эмиграции, проявлялись более или менее явные тенденции к отказу от развертывания антифашистского движения сопротивления» [1].

Активным борцам-антифашистам в самой Германии, разумеется, было неизмеримо труднее выработать правильную тактику. В течение многих лет нацисты вели разнузданную антисоветскую пропаганду. И вдруг неожиданно гитлеровское правительство улучшило экономические отношения с этим государством рабочих и крестьян, на которое до сих пор лили грязь и клеветали, и даже заключило с ним пакт о ненападении. Это вызвало растерянность и смятение в широких кругах населения, в том числе и среди сторонников нацизма и активных членов нацистской партии. Руководство нацистской партии оказалось даже вынужденным дать специальное внутрипартийное указание, в котором говорилось, что пакт о ненападении не означает изменения враждебной позиции по отношению к большевизму.

---

[1] Цитируется по Герману Матерну, Hermann Matern, Über die Durchführung des Beschlusses des ZK der SED, Lehren aus dem Prozeß gegen das Verschwörerzentrum Slansky, Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 63.

С другой стороны, некоторые антифашисты, в том числе и коммунисты, не понимали, что заключение советско-германского пакта о ненападении срывало планы реакционных правящих кругов Англии, Франции и США, стремившихся немедленно направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза. Они не видели, что созданный Мюнхенским соглашением единый фронт контрреволюции был прорван. Эти антифашисты были неправильно информированы о ходе англо-франко-советских переговоров в Москве. Быстрый разгром Польши, молниеносные «успехи» в Дании и Норвегии и, наконец, захват Бельгии, Голландии, Люксембурга и поражение Франции — все эти легкие успехи Гитлера позволили нацистской пропаганде создать вокруг гитлеровцев ореол непогрешимости и непобедимости. В такой момент у недостаточно стойких антифашистов могли возникнуть сомнения и колебания.

Сложность создавшегося положения и возникшие новые задачи настоятельно требовали воссоздания центрального подпольного руководства КПГ в Германии. По мере того как Гитлер оккупировал одну за другой соседние с Германией страны, руководить подпольными организациями КПГ из-за границы при полной децентрализации руководства становилось все более и более трудным. Поэтому ЦК КПГ уже в 1939 году взял курс на восстановление оперативного центрального руководства партией в самой Германии. В условиях все возраставшей военной опасности, а затем и начавшейся войны, в условиях жесточайшего террора и гестаповского шпионажа, охватывавшего всю страну, это было крайне трудной задачей, связанной со смертельной опасностью для тех, кто выполнял эту задачу. Но, несмотря на это, первые подготовительные шаги в этом направлении были предприняты еще в том же 1939 году.

В мае 1939 года в Берлин нелегально прибыл товарищ Вилли Галль, который должен был действовать в качестве инструктора от имени партийного руководства, находящегося за границей. Ему было поручено установить нелегальные связи и провести ряд подготовительных мероприятий, опираясь на подпольные группы в Адлерсхофе, Бонсдорфе и Альтглиенике [1].

Вилли Галль начал свою работу с того, что дал об-

---

[1] Районы и пригороды Берлина. — *Прим. ред.*

стоятельную информацию коммунистам-подпольщикам о решениях Бернской конференции и разъяснил им международную обстановку, основываясь на речах Сталина и Молотова. Одновременно он сам ознакомился с положением на предприятиях и настроениями среди населения. Собранные сведения послужили материалом для подпольной газеты «Берлинер фольксцейтунг», три номера которой были отпечатаны за границей и нелегально доставлены в Берлин. Доложив руководству о проделанной работе, Вилли Галль вторично прибыл в Берлин в августе 1939 года. Здесь его и застало начало войны. К нему фактически перешло руководство подпольными партийными группами в юго-восточных пригородах Берлина. Его ближайшим помощником стал рабочий-металлист Отто Нельте, состоявший до 1933 года в социал-демократической партии и принадлежавший к Союзу предприятий общественного пользования, но примкнувший впоследствии к коммунистам.

Группа Галля распространяла материалы, поступавшие из-за границы, а также собственные листовки, которые вначале изготавливались довольно примитивным образом. Кроме того, было издано восемь номеров информационного бюллетеня, назначение которого состояло в помощи активным подпольщикам. В этих бюллетенях наряду с обзорами, посвященными международному положению, ходу войны и первым сообщениям с фронтов, помещались статьи на такие темы, как «Роль партии», «Как организовать и провести дискуссию», «Примеры из практики», «О некоторых вопросах повседневной борьбы». В статьях особо подчеркивалась необходимость работы членов партии на предприятиях и в нацистских организациях. Удалось установить связи с рабочими заводов «Телефункен», «Холлерит-верке», «Сименс», «Адрема», «Шеринг-Кальбаум», «АЭГ», «БФГ», «Хеншель», «Шток», «Амби-Иоханнисталь», «Шварцкопф» и Дюреновских металлообрабатывающих заводов. Связи были установлены также с актерами из труппы «Немецкого театра» и с членами Нейкельнского спортивного общества.

Осенью руководящей группе удалось приобрести небольшой печатный станок со всем оборудованием, который был установлен в квартире товарища Курте Зейбта. В ноябре 1939 года был распространен первый отпечатанный в Берлине номер подпольной газеты «Берлинер

фольксцейтунг». В настоящее время сохранился особый выпуск этой газеты, напечатанный на восьми страницах. В этом выпуске была помещена статья под заголовком «Наш народ хочет мира».

В статье говорилось: «Враги нашего народа находятся в самой Германии. Это та самая клика, которая в своей ненасытной алчности развязала войну 1914 года. Эти кровопийцы, нажившиеся на войне, должны быть сметены с лица земли, если наш народ хочет жить в мире.

Мира не может быть до тех пор, пока промышленность Австрии, Чехословакии и Польши вопреки всем законам находится в руках германских монополистов... Только национальная независимость народов и право народов на самоопределение могут гарантировать прочный мир.

Наш народ хочет длительного мира. Он не желает больше проливать кровь и жертвовать собою ради интересов финансового капитала. Если мы объединимся, мы станем грозной силой... У всех нас, социал-демократов и коммунистов, демократов, протестантов и католиков, общая цель: *Мир! Свержение Гитлера — главного виновника войны!*

Пока мы разобщены — мы бессильны! Наша сила в единении!»

В соответствии с духом этой статьи были установлены, хотя и довольно непрочные, связи с социал-демократами — подпольщиками в районах Баумшуленвег, Трептов и Шарлоттенбург. Актер Курт Вейсе из «Немецкого театра» составил листовку «Ко всем артистам». Эта листовка была размножена и распространялась в оппозиционно настроенных артистических кругах.

Гестапо напало на след организации и арестовало ряд ее членов. Они были подвергнуты мучительным пыткам. В результате Курт Вейсе «покончил в камере жизнь самоубийством», о чем было сообщено в обвинительном заключении. Вилли Галль, бывший член Коммунистического союза молодежи, выросший в эти годы до инструктора ЦК КПГ, и Отто Нельте, бывший социал-демократ и профсоюзный активист, были приговорены в январе 1941 года к смертной казни. В последующих двух судебных процессах многие члены подпольной группы Галля были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. 25 июля 1941 года в Берлине по всему городу были расклеены красные плакаты, извещавшие о казни

Вилли Галля и Отто Нельте. Так гестаповцы хотели запугать подпольщиков.

Однако деятельность группы Галля — Нельте является лишь частью той большой работы по восстановлению центрального партийного руководства, которую КПГ вела в 1939—1940 годы. Начавшаяся война чрезвычайно осложнила эту работу. Раньше благодаря солидарности датских и шведских моряков немецкие подпольщики могли нелегально приезжать в Германию на иностранных торговых судах. С началом войны они лишились этой возможности. Однако и в этот период товарищам Рудольфу Хальмейеру, Генриху Шмееру, Иоганну Мюллеру, Георгу Хенке и другим инструкторам ЦК КПГ удалось проникнуть в различные районы Германии, где они провели подготовительную работу по созданию нового подпольного руководства партии. Многие из этих самоотверженных борцов погибли смертью героев на боевом посту. В руки гестапо попал и товарищ Рудольф Хальмейер.

Во время допросов он проявил исключительное мужество и стойкость. Об этом свидетельствует доклад генерального прокурора от 15 января 1941 года, направленный верховному имперскому прокурору:

«Многосторонняя деятельность обвиняемого дает основание предполагать, что он намечался на пост руководителя берлинской подпольной организации [1]. Обвиняемый признал свою вину лишь частично и сделал все возможное, чтобы скрыть от суда своих сообщников. Поэтому оказалось невозможным составить полное представление о его деятельности».

Хотя задача создания оперативного нелегального партийного руководства в Германии не была решена в результате провала, однако проведенная коммунистами работа имела большое значение. Коммунисты на местах были все же проинформированы о политической линии партии. Это сыграло большую роль в деле дальнейшего развертывания борьбы против военных преступлений германского империализма. Гестаповские палачи, несмотря на все свои зверства, сумели раскрыть и ликвидировать лишь часть вновь налаженных связей и явок. Жестокость и зверства нацистских палачей оказались бессильны перед героизмом и стойкостью коммунистов.

[1] Это предположение гестаповских палачей не соответствовало действительности.

БОРЬБА КОМПАРТИИ ЗА ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ И ЗА МИР МЕЖДУ НАРОДАМИ

Для первого этапа второй мировой войны характерным было то обстоятельство, что, собственно, ни одна из сторон — ни германский фашистский империализм, ни Англия и Франция — не вела ее с полным напряжением сил. Особенно ясно свидетельствует об этом обстановка на западном фронте в период с сентября 1939 по май 1940 года. Это было ведение войны без войны, так называемая «drôle de guerre» — странная, забавная война, как ее стали называть в международной прессе. Мюнхенские заговорщики, которые все еще находились у власти в Англии и Франции, не теряли надежды на соглашение с Гитлером и все еще не отказались от своего стремления направить германскую агрессию на Восток. Гитлер и сам, разумеется, никогда не отказывался от этой мысли. Но ему было ясно, что одной Германии это не по силам. Поэтому он решил сначала направить свой удар против ряда стран Западной Европы, чтобы, подчинив себе материальные ресурсы этих стран и использовав их людские резервы, стать властителем Европы и тогда выступить против Советского Союза. Осуществление этого плана Гитлера облегчалось тем, что реакционные правительства и не менее реакционная военщина Франции совершенно не готовились к серьезному военному столкновению с гитлеровским вермахтом. Прямая измена проникла даже в высшие круги западных армий. Повсюду действовала гитлеровская «пятая колонна». Только этим объясняется та относительная легкость, с которой гитлеровцам удалось захватить Голландию, Бельгию и Францию. Франция потерпела позорное поражение, небывалое в истории ведущих империалистических держав. После этого поражения власть в стране перешла в руки прямых агентов Гитлера — маршала Петэна и Пьера Лаваля. Это лишний раз подтвердило, что реакционная верхушка французской буржуазии подло пре-

дала национальные интересы французского народа. Совершенно иной была позиция народных масс как во Франции, так и в других оккупированных странах. Они страстно ненавидели фашизм, так как им больше всего пришлось страдать от гитлеровского террора, грабежей и варварства гитлеровцев. Германские коммунисты полностью солидаризировались с борьбой народных масс этих стран против национальной измены, нацистских военных преступников и их кровавого режима насилия. Об этом свидетельствуют все заявления, резолюции и воззвания КПГ, опубликованные за 22 месяца, прошедшие с момента нападения Гитлера на Польшу до начала войны против Советского Союза. Еще в 1939 году Коммунистическая партия Германии неоднократно выступала с требованием предоставить чешскому, словацкому, австрийскому и польскому народам право на национальное самоопределение. Те же требования и протесты содержались и в заявлениях КПГ по поводу насилия германских империалистов над народом Норвегии и оккупации Бельгии и Голландии. Своего апогея эти требования достигли в резолюции, в которой КПГ протестовала против компьенского диктата. Мир, подписанный в Компьене, был охарактеризован в этом документе как чудовищный акт насилия над Францией и французским народом. Резолюция при этом отражала те же принципы, которые были сформулированы в выступлениях Эрнста Тельмана и Мориса Тореза на грандиозном митинге парижских рабочих в октябре 1932 года, где было решено заключить союз в целях общей борьбы против фашизма и войны.

«Рабочий класс Германии, — говорилось в резолюции, принятой КПГ в начале июля 1940 года, — *осуждает компьенский диктат и никогда не признает его.* Германские рабочие понимают, что этот диктат является ударом по жизненным интересам немецкого народа. Они выражают свою братскую солидарность французскому пролетариату и заявляют о своей решимости бороться плечом к плечу с ним против Компьенского мира, против подлого насилия над великим французским народом. Война со всеми ее ужасными последствиями для немецкого народа продолжается. Продолжения этой войны желают одни лишь представители германского крупного капитала и их лакеи, которые в этой войне стремятся к разбой-

ничьему захвату других стран, движимые ненасытной алчностью и жаждой власти. Германский же народ стремится к миру и взаимопониманию между народами.

Рабочий класс Германии выступает за немедленное прекращение войны.

Мы требуем положить конец этой бойне! Мы выступаем против ужасов уничтожения, против новых жертв! Пора сбросить бремя невыносимых страданий, которое клика хищных и кровожадных правителей возложила на плечи миллионов трудящихся и на немецкий народ!

Борясь за мир без аннексий и контрибуций, без угнетения других народов, Коммунистическая партия Германии борется за истинные интересы немецкого народа и за его будущее».

КПГ была единственной партией, которая в то время, когда все в Германии находились в чаду угара от фашистских побед, открыто подняла свой голос в защиту истинных интересов немецкого рабочего класса и всего немецкого народа.

Гитлеровский вермахт сравнительно легко одерживал победы в Европе, но уже тогда гитлеровцы прибегали к неслыханно жестоким методам ведения войны. Воздушные бомбардировки Варшавы и Роттердама, бессмысленно жестокие расстрелы с воздуха беженцев в Голландии и Северной Франции, когда самолеты на бреющем полете поливали пулеметным огнем беззащитных людей, кровавый террор гестапо и эсэсовцев в оккупированных странах и наглое ограбление их — все это вызвало во всех странах жгучую ненависть к германскому фашизму. Но оказать ему действенное сопротивление народные массы могли, лишь избавившись от мюнхенцев в своих правительствах и в военной верхушке.

В силу этих причин в странах, участвовавших в войне, развернулось широкое движение за мир, за установление мира между народами через головы собственных правительств и вопреки им. 11 и 12 января 1941 года в Лондоне состоялся Народный конгресс, на котором 2300 делегатов представляли 1200 тысяч трудящихся. Этот конгресс принял боевую программу. Пункт 8 этой программы гласил: «Трудящиеся всех стран должны бороться за мир между народами, основанный на праве всех народов самим решать свою судьбу».

И до и после Мюнхена правые лидеры английской

лейбористской партии, точно так же как Чемберлен, Галифакс и Вильсон, вели переговоры с уполномоченными Гитлера. Так, например, уже упомянутый Дирксен сообщал в Берлин, что «известный и умеренный деятель лейбористской партии» Чарлз Роден Бакстон в беседе с советником германского посольства Кордтом сформулировал ряд предложений, согласно которым «Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов» [1].

Такое же обязательство, по заверению этого достойного «рабочего» депутата, взяла бы на себя и Франция, которая вдобавок должна была расторгнуть союз с Советским Союзом и отказаться от своих связей в Юго-Восточной Европе. Но те же правые лейбористские лидеры старались оклеветать коммунистов, которые не желали безоговорочно подчиняться реакционным сообщникам Гитлера в собственных странах, стремившимся на первом этапе войны к соглашению с фашизмом.

В противовес этой клевете правых лейбористских лидеров депутат парламента Д. Н. Притт заявил, что лучшие представители лейбористской партии и ее рядовые члены поддерживают Народный конгресс. Вопреки предательской политике правых лидеров социал-демократии рабочие стремились к миру между народами и выступали как против капитуляции перед фашизмом, так и против войны ради получения прибылей. Основную свою задачу Народный конгресс видел в защите широких масс английского народа от дальнейшего обнищания, в защите их жилищ и их свободы. Конгресс выступил против порабощения, против капитуляции перед немецким фашизмом, за создание народного правительства, которое смогло бы установить подлинный мир и защитить народ от грозящих бедствий. Такое правительство должно принести освобождение колониальным народам и тем самым принести подлинную свободу и собственному народу. Оно должно было осуществить принцип, согласно которому не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Английский Народный конгресс осудил реакционную антисоветскую шумиху, поднятую в стране. 2300 делегатов, представлявшие людей различных мировоззрений и

---

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 125.

различных политических взглядов, единодушно потребовали крепить дружбу между английским и советским народами. Борьба за ограничение сферы войны, против дальнейшего ее расширения и за окончание ее, которую вел в этот период Советский Союз, полностью соответствовала интересам всех народов.

Деятельность английского Народного конгресса и принятые им решения намечали в общих чертах формы борьбы трудящихся масс всех стран против реакции, фашизма и войны. Разумеется, их не следовало механически применять во всех странах. Каждый народ должен был по-своему развивать их применительно к собственным условиям. Это относилось и к германскому народу. Конгресс обратился с особым призывом к немецким рабочим. В конце января 1941 года КПГ опубликовала ответное послание группы немецких рабочих, в котором подчеркивалась общность интересов обоих народов. В этом послании говорилось: «Заявление о том, что трудящиеся Англии не поддерживают стремление английских капиталистов расчленить Германию, помогает нам бороться против ненависти к английскому народу, которую насаждают немецкие поджигатели войны. Немецкие рабочие также не имеют ничего общего с империалистическими правителями Германии. Борьба английских рабочих за предоставление народу Индии и народам других английских колоний права на национальное самоопределение найдет отклик среди немецкого народа. Эта борьба придаст нам сил в той тяжелой борьбе, которую мы ведем против собственных империалистических правителей нашей страны. Мы понимаем, что подлинный мир невозможен без борьбы германского рабочего класса за дело всех трудящихся Германии и за право на самоопределение для всех народов, угнетаемых Германией».

Далее выдвигалось требование отвода германских войск из Франции и других оккупированных стран. Все послание было проникнуто духом братской солидарности с трудящимися Англии и Франции и стремлением к совместной борьбе за окончание войны и установлению мира между народами, мира, который предоставит всем народам право самим решать свою судьбу.

Фашистский германский империализм непрерывно расширял сферу войны, обрекая новые народы на муки и бедствия. 2 марта 1941 года гитлеровские войска вторг-

лись в Болгарию. 6 апреля того же года Гитлер отдал приказ о вторжении в Югославию и Грецию. Коммунистическая партия выступила против этих актов гитлеровской агрессии и еще раз предупредила немецкий народ о неминуемых роковых последствиях подобной политики. Заявление КПГ от 12 апреля 1941 года по поводу объявления Гитлером войны Югославии и Греции заканчивалось следующими словами:

«Расширение сферы войны приведет Германию в тупик и обречет ее на несчастье. После того как германским империалистам не удалось добиться победы путем «молниеносной войны», в ходе длительной войны успех будет на стороне англо-американского блока, обладающего большим военным потенциалом, тогда как резервы Германии будут таять и ее ресурсы будут исчерпаны. Германские правители ведут Германию к военной катастрофе, обрекают ее на гибель. Они предают национальные интересы нашего народа. Только сами трудящиеся могут спасти страну и народ от катастрофы. Для этого абсолютно необходимо объединение рабочего класса и всех сил, которые стремятся к установлению мира между народами и устранению причин, порождающих войны при капитализме. Спасение Германии — в едином фронте трудового народа».

Таким образом, на первом этапе второй мировой войны создалась довольно противоречивая картина. Для народов, ставших жертвами гитлеровской агрессии, для государств, подвергшихся немецкой оккупации, то есть для Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, а позднее и для Югославии и Греции война с самого первого дня приняла характер антифашистской, освободительной войны. Трудящиеся массы Англии и Франции были солидарны с народами, подвергшимися фашистскому нападению, и стремились к общей борьбе с агрессором. Но правящие круги Англии, Франции и США выдали их Гитлеру связанными по рукам и ногам, принесли в жертву гитлеровской агрессии. Мюнхенское соглашение — наиболее яркий пример подобной политики. Эти реакционеры, бесспорно, были пособниками гитлеровских фашистов в подготовке и развязывании войны. С помощью фашизма они хотели задушить революционное рабочее движение и стремились повернуть гитлеровскую военную

машину на Восток, против первого в мире государства рабочих и крестьян.

Когда Англия и Франция, несмотря на коварные политические интриги своих правительств, оказались все же втянутыми в войну, их правящие круги вначале еще собирались вести ее ради своих империалистических целей. Немецкий же империализм также стремился к безраздельному господству в Европе. Он рассчитывал добиться этого господства молниеносным разгромом Франции — сильнейшей империалистической державы на европейском континенте. При этом он не учел того, что английский империализм не примирится с установлением господства Германии в Европе. Не случайно, что изменение в руководстве английской политикой, то есть падение правительства Чемберлена и приход Черчилля к власти, совпало с началом германского наступления во Франции. После падения или подчинения всех стран Западной Европы и Балкан германскому фашистскому империализму нацистский «фюрер» не оставлял своих попыток достигнуть взаимопонимания с Англией в вопросе о нападении на Советский Союз. Такой попыткой был и полет в Англию «представителя фюрера» Рудольфа Гесса, который 10 мая 1941 года выбросился с парашютом над территорией Шотландии. Но было уже поздно. Германский фашистский империализм зашел слишком далеко. Германия, добившаяся господства на европейском континенте, представляла теперь настолько грозную опасность для английских империалистов, что пойти на союз с ней они уже не могли. Английский империализм вынужден был теперь в своих собственных интересах продолжать войну против господства нацистов.

Противоречия между империалистическими державами на данном этапе оказались, следовательно, острей, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма. Гитлер продолжал ускоренными темпами подготовку войны против Советского Союза. Но, несмотря на это, германский фашистский империализм уже не мог больше рассчитывать на соглашение с западными державами. Так в ходе войны против гитлеровской Германии образовался антифашистский блок, в который вошли Советский Союз, США и Великобритания. Международная обстановка теперь резко изменилась. Правящие

круги английского империализма больше не решались искать соглашения с Гитлером, как они это делали в первой половине 1939 года, саботируя переговоры с Москвой.

Конечно, и в новой обстановке американский и английский монополистический капитал не отказался от своих собственных интересов и своей классовой политики.

Спустя два дня после нападения Гитлера на Советский Союз в газете «Нью-Йорк таймс» появилось высказывание видного американского сенатора, будущего президента Трумэна, который весьма цинично и откровенно выразил взгляды наиболее реакционного крыла американских империалистов. И хотя его высказывание цитировалось уже не раз, именно в данном случае следует о нем вспомнить. Как известно, господин Трумэн говорил тогда:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше» [1].

В переводе с языка гангстеров на язык политики это означало, что люди, подобные Трумэну, рассчитывали спекулировать на ослаблении СССР и Германии в войне, после чего США могли бы продиктовать условия мира по своему усмотрению и добиться таким путем мирового господства. Такой же линии придерживался и тогдашний британский министр авиационной промышленности Мур-Брабазон. Он заявил, что лучшим исходом борьбы на восточном фронте было бы обоюдное истощение Германии и СССР, вследствие чего Англия смогла бы занять господствующее положение. Политика оттягивания открытия второго фронта в Европе, который английское правительство обещало открыть еще в 1942, а открыло лишь в середине 1944 года, привела к тому, что Советский Союз нес все основное бремя войны и восточный фронт стал главным фронтом второй мировой войны. И все-таки исход войны не оправдал надежд английского и американского империализма. Это воистину произошло не по их вине, но благодаря исключительным экономическим и военным усилиям советского народа и мудрой политике Коммунистической партии Советского Союза.

---

[1] «The New York Times», 23 June, 1941.

ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГИТЛЕРА ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Нападение Гитлера на Советский Союз было тягчайшим преступлением не только против советского народа, но прежде всего против немецкого народа. Это преступление, как сказал Молотов, выступая по радио в день вероломного нападения Германии на СССР, «является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством». Идеологическое обоснование Гитлером причин нападения, разумеется, не имело при этом решающего значения. Достаточно вспомнить направление основных ударов немецких войск, и прежде всего продвижение на Кавказ, чтобы прийти к выводу, что германский империализм стремился теперь осуществить свои старые планы. Еще в первой мировой войне германские империалисты стремились овладеть Прибалтикой, Украиной, Крымом и Кавказом, утвердиться на берегах Черного моря и проложить себе дорогу к нефтяным районам Ближнего Востока, к Ирану и Индии, чтобы тем самым подорвать основы британского господства в Азии. Опьяненные своими успехами немецкие фашисты не скрывали больше истинных целей нападения на Советский Союз.

Геббельс в своей речи в Гдингене в октябре 1942 года говорил об этом с циничной откровенностью.

«В этом для нас смысл войны. Мы сражаемся не за какие-либо идеалы. Борьба идет ради украинских пшеничных полей, ради кавказской нефти, природных богатств. Мы хотим урвать кусок пожирней».

При этом имелись в виду, конечно, не продовольственные пакеты, которые выдавались немецким солдатам-отпускникам, чтобы они окончательно не пали духом при виде развалин родных городов, разрушенных воздушными бомбардировками. «Кусок пожирней» предназначался немецким монополистам.

Уже после захвата Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции и Балканских государств в руки германских банков, трестов и концернов попала огромная добыча. Германские монополисты беззастенчиво и алчно присваивали себе шахты, металлургические заводы, промышленные предприятия и банки в покоренных странах или подчиняли их своему контролю. Но, начиная разбойничью войну против Советского Союза, они рассчитывали получить еще большую добычу. Характерно, что уже в 1941 году было создано Континентальное нефтяное акционерное общество, которое ставило своей задачей эксплуатацию нефтяных месторождений Румынии, Польши и Советского Союза. Почти все германские концерны, и прежде всего концерны Круппа, Маннесманна, Сименса и «И. Г. Фарбениндустри», основали свои филиалы или дочерние предприятия в оккупированных областях Советского Союза. Так называемое Центральное торговое общество «Ост» организовало в невиданных масштабах ограбление сельского хозяйства захваченных областей. Доклады этого общества свидетельствуют, что, даже по своим собственным, явно приуменьшенным данным, оно за период до 31 марта 1944 года вывезло из этих областей в Германию товаров на сумму в 5,6 миллиарда марок.

Война против Советского Союза была самой отвратительной и разбойничьей войной из всех, которые вел когда-либо германский империализм. Все ужасы гестаповского террора против антифашистов в Германии и в других оккупированных странах бледнели перед массовым истреблением советских людей; нацистские войска особено преследовали тех советских граждан, которые хранили верность своему социалистическому отечеству.

Как известно, в начале войны против СССР гитлеровские вооруженные силы достигли известных и значительных тактических успехов. В чем заключались причины этих успехов?

Первое, что следует учесть, это, разумеется, момент внезапности, ставший возможным в результате вероломного нарушения гитлеровцами пакта о ненападении. Поэтому сами успехи нацистов в начале войны являются лучшим опровержением их лживых заявлений о том, что Советский Союз якобы угрожал Германии. Поражения гитлеровских войск начались именно тогда, когда Совет-

ский Союз мобилизовал все свои экономические и военные ресурсы.

Вторым моментом, объясняющим успехи гитлеровцев в начале войны, было то обстоятельство, что Германия не только была полностью вооружена и подготовлена к войне, но ее войска уже успели одержать целый ряд побед в других странах Европы. Нацисты сумели окружить вермахт ореолом непобедимости, что, конечно, усиливало наступательный порыв германских войск в начале войны. Кроме того, гитлеровские войска приобрели уже известный опыт в применении моторизованных соединений, танков и самолетов в современной войне, что вначале также давало им известное преимущество. Но в Советском Союзе гитлеровская армия впервые натолкнулась на серьезное сопротивление. Советская армия обескровила лучшие немецкие дивизии в непрерывных оборонительных боях и затем разгромила их. Успехи гитлеровцев в начале войны против Советского Союза не могли скрыть того обстоятельства, что гитлеровский вермахт обречен на поражение, тем более, что изменившаяся международная обстановка привела к образованию антигитлеровской коалиции великих держав. Поэтому успехи гитлеровских войск в начале войны против Советского Союза были непрочны и недолговременны. Усилия же всего советского народа и политический выигрыш Советского Союза создавали предпосылки для решающей победы Советской Армии.

Когда первоначальные успехи гитлеровского вермахта достигли своей высшей точки и Гитлер заверял весь мир в том, что Красная Армия уже разбита и больше уже не поднимется, когда он в своем безграничном хвастовстве дошел до того, что отдал приказ о параде своих войск в Москве, именно в это время, 6 октября 1941 года, Коммунистическая партия Германии обратилась с воззванием к германскому народу и германским войскам, к рабочим и крестьянам, ко всем трудящимся Германии. Во вводной части воззвания КПГ напоминала о своей борьбе против гитлеровского режима.

«Мы, коммунисты, — говорилось в воззвании, — неоднократно предостерегали вас от той страшной опасности, которую Гитлер несет нашей стране и нашему народу. Мы призывали вас к борьбе против этого чудовища — Гитлера и говорили, что Гитлер несет вам безгра-

ничную нужду, неслыханный позор и бесконечные войны. Но никогда еще наши национальные бедствия, случавшиеся прежде, не были так велики, как теперь. Военные успехи Гитлера в Голландии, Бельгии, Франции и на Балканах не принесли мира и привели к новым войнам, к еще большим жертвам и страданиям. 22 июня Гитлер своим коварным и вероломным нападением на Советский Союз совершил тягчайшее преступление против немецкого народа, которое приведет Германию к величайшей катастрофе».

В воззвании КПГ разоблачалась гитлеровская ложь об окончательной победе над Советским Союзом, указывалось на то, что Гитлер совершил тягчайшие преступления против нации, раскрывался весь идиотизм его политики, которая превратила все народы в горящих ненавистью врагов Германии. Указав на то, что гитлеровская война уже проиграна, КПГ в своем воззвании определяла те задачи, которые необходимо было осуществить, чтобы найти выход из военной катастрофы.

«Единственное средство для спасения германского народа — это покончить с войной. Но для того, чтобы прекратить войну, надо свергнуть Гитлера. Пока Гитлер и его клика будут у власти, война не прекратится. И горе нашему народу, если он до конца свяжет свою судьбу с Гитлером, если немцы сами не наведут порядок в своей стране и предоставят другим народам освобождать Европу от фашистской чумы.

Пробил час, когда наш народ должен взять в собственные руки судьбы Германии, положить конец войне и добиться почетного мира. Мы обращаемся ко всем немцам, которые не в силах больше переносить бремя войны, к солдатам-фронтовикам, к их семьям, к рабочим и крестьянам, ко всему немецкому народу в тылу.

Боритесь за прекращение войны, за спасение Германии! Гитлер — это война без конца! Путь Гитлера ведет к уничтожению нашего народа, к опустошению страны, к катастрофе! Этот путь не является путем немецкого народа.

Немецкий народ должен избрать другой, свой собственный путь, который ведет к освобождению немецкого народа от гитлеровского, фашистского режима насилий и угнетения. Именно этот путь ведет к созданию такой Германии, которая поймет наконец, что нужно жить в

мире со всеми народами, именно эта Германия и воплотит чаяния немецкого народа. В ней не будет места для господства гиен-плутократов и фашистских разбойников. Вся власть в этой Германии будет принадлежать нашему честному, трудолюбивому народу. В новой Германии не будет безработицы. Право на труд будет в ней гарантировано, а крестьяне получат право распоряжаться по своему усмотрению продуктами своего труда. В новой Германии будет покончено с фашистским варварством и не богатство и происхождение, а способности и труд человека будут определять его положение в обществе. И в этой Германии навсегда исчезнет вопиющее противоречие между богатством одних и невероятной нуждой других. Такой будет нерасчлененная, независимая Германия, равная среди равных, живущая в мире со всеми народами.

Рабочие, крестьяне, германские трудящиеся! Боритесь за такую Германию! Создание новой Германии будет подлинной великой победой германского народа в этой войне.

Если вы не вступите на этот правильный и достойный путь, то вам придется пережить разгром германской армии и государства, который будет намного тяжелее поражения, понесенного Германией в первой мировой войне. Этот разгром будет означать расчленение Германии и возмещение военного ущерба, который Гитлер нанес европейским странам и Советскому Союзу».

Охарактеризовав оба пути, которые были открыты перед немецким народом, воззвание заканчивалось призывами, наиболее важными из которых были следующие:

«Солдаты, кончайте войну! Отказывайтесь наступать!»

«Рабочие, ваша задача любыми средствами остановить военную машину!»

«Женщины! Требуйте возвращения с фронта ваших мужей, братьев и сыновей!»

«Германский народ! Вперед, на борьбу за народную Германию, за Германию мира и свободы!»

От имени Центрального комитета КПГ воззвание подписали товарищи Вильгельм Пик, Вильгельм Флорин, Вальтер Ульбрихт, Михаэль Нидеркирхнер, Густав Соботтка и другие. Это была конкретизация и развитие линии партии, сформулированной еще в резолюции Бернской конференции и направленной на борьбу против гитлеровского режима и его военных преступлений.

Германские коммунисты, находившиеся в Советском Союзе, развернули активную, все усиливавшуюся борьбу за то, чтобы спасти германский народ от катастрофы. Они отправлялись на фронт и там, рискуя жизнью, вели разъяснительную работу среди немецких солдат, обращаясь к ним по радио и выпуская листовки. Немецкие коммунисты вели также большую разъяснительную и пропагандистскую работу среди пленных немецких солдат. Они вели также радиопередачи для немецкого населения в Германии с целью разъяснить ему политические события и одновременно давали коммунистам-подпольщикам в Германии необходимые политические установки. В самой Германии основная подпольная работа коммунистов развертывалась на военных заводах и в подразделениях гитлеровских войск. Здесь решался вопрос о дальнейшей судьбе Германии, о том, какой из двух путей, о которых говорилось в воззвании ЦК КПГ, будет избран немецким народом.

Только одна партия в Германии имела право говорить о том, что она своевременно предостерегала народ от катастрофы и указывала ему правильный путь. Только Коммунистическая партия Германии шла по этому правильному пути, напрягая в борьбе все свои силы. Ни одна партия не дала стольких истинных героев и не понесла таких тяжелых, невозвратимых потерь, как Коммунистическая партия Германии.

ГЕРОИЗМ КОММУНИСТОВ-ПОДПОЛЬЩИКОВ

Во время войны, и особенно после нападения на Советский Союз, фашизм усилил свой кровавый террор против коммунистического движения. К одному из секретных докладов гестапо за 1941 год была приложена диаграмма, иллюстрирующая рост количества арестов. Согласно этой диаграмме, в течение февраля, марта и апреля 1941 года производилось ежемесячно в среднем 750 арестов; в июне число арестов резко возросло и составило 1169, а в сентябре достигло 1337. В октябре того же года было арестовано 1305 человек, в ноябре — 1088. Преследования усиливались. Арестованные подвергались в застенках гестапо все более жестоким и бесчеловечным пыткам. Это исключительно осложняло подпольную борьбу против преступлений гитлеризма.

В этой связи необходимо учитывать также влияние побед гитлеровцев в Западной Европе и их успехи на первом этапе войны против Советского Союза. В тяжелых условиях подпольной работы в период, когда нацистская пропаганда на весь мир трубила о новых победах, коммунистам необходима была огромная политическая стойкость и непоколебимая вера в марксистско-ленинское учение, чтобы разглядеть всю непрочность фашистского режима и недолговечность его успехов. Подпольщикам и политическим заключенным в концлагерях в эти недели и месяцы было нелегко сохранять твердую уверенность в победе и поддерживать колеблющихся и малодушных.

ЦК КПГ предпринимал все возможное, чтобы укрепить антифашистское подполье в Германии испытанными коммунистами и правильно ориентировать рабочих и всех антифашистов в Германии на борьбу против воен-

ных преступлений гитлеризма. Работа по воссозданию оперативного руководства подпольными партгруппами, начатая еще в 1939 году, развернулась с новой силой. От того, в какой степени удастся партии организовать широкое движение сопротивления и борьбу за свержение гитлеровской диктатуры и прекращение грабительской войны германских империалистов, зависела судьба германского рабочего класса, судьба всей нации. В этом был исторический смысл тех великих жертв и гибели многих бесстрашных бойцов КПГ, которые отдали свои жизни ради организации этой борьбы в Германии. Многие из товарищей, которые различными путями проникали в Германию — одни пробирались из оккупированных соседних стран, других перебрасывали через фронт на самолетах, —уже побывали в руках фашистов и испытали на себе ужасы фашистского террора в гестаповских застенках, в тюрьмах и концлагерях. Эти товарищи еще в Испании проливали свою кровь, борясь за свободу испанского и немецкого народов, за мир в Европе. Преодолевая невероятные трудности, готовые идти на пытки и смерть, германские коммунисты — верные сыны своего народа — вновь самоотверженно исполняли свой долг перед родиной, борясь за спасение Германии от катастрофы гитлеровской войны.

Поздней осенью 1941 года из оккупированной Гитлером Голландии в Германию нелегально прибыл товарищ Альфред Ковальке, инструктор ЦК КПГ. Установив прежде всего связь с подпольными группами в Дюссельдорфе и Вуппертале, он отправился затем в Берлин. Там с помощью выдающегося спортсмена Вернера Зееленбиндера, в прошлом чемпиона Германии по борьбе в полутяжелом весе, ему удалось условиться о явках, наладить связь, получить помещения для работы. Затем также из Голландии в Берлин приехал товарищ Вильгельм Кнохель, который и возглавил вновь созданную организацию. Ковальке стал его ближайшим помощником. В Берлине Кнохель установил связь с подпольной группой Уриха, о которой уже упоминалось ранее, в Лейпциге — с группой Георга Шумана. Ему удалось также наладить связи с подпольными группами в Хемнице, поддерживая контакт с двумя другими инструкторами ЦК КПГ, действовавшими в западных районах Германии. Кроме того, была установлена постоянная связь с действовавшими в Гол-

ландии представителями ЦК КПГ и прежде всего с товарищем Эрихом Генчем. Таким образом, руководство берлинской организации постоянно получало все материалы и решения партии по важнейшим вопросам и со своей стороны передавало Центральному Комитету требуемую информацию.

Кроме пишущих машинок, подпольщики сумели приобрести позднее необходимое оборудование для размножения материалов — ротаторы и другие машины — и стали выпускать ряд периодических нелегальных изданий: «Фриденскемпфер» в Берлине, «Фрейхейт» в Дюссельдорфе и «Рурэхо» в Вуппертале. Выпускался также бюллетень «Штурмовик-патриот» для разъяснительной работы в нацистских массовых организациях. Одна из листовок была озаглавлена «Немецкий народ, долго ли ты еще будешь терпеть?» Одна из статей товарища Ковальке в дюссельдорфской подпольной газете «Фрейхейт» заканчивалась словами:

«Мы, коммунисты, протягиваем руку всем честным немцам, борющимся за мир. Мы протягиваем руку всем тем, кто старается работать медленнее или отказывается от сверхурочной работы, тем, кто совершает хотя бы незначительные, самые мелкие акты саботажа и, дезорганизуя работу в промышленности и на транспорте, помогает тем самым скорее покончить с войной...

Посылайте ваших лучших представителей в народные комитеты, борющиеся за мир. Создавайте эти комитеты там, где они еще не созданы. Они явятся руководящими органами народной революции, направленной против фашизма и войны».

Так посланцы ЦК КПГ осуществляли правильное партийное руководство коммунистическим подпольем. Распространяя и разъясняя партийные решения и издавая свои собственные агитационные материалы, они действовали, учитывая настроения масс в самой стране. Они вели свою героическую работу в исключительно тяжелых условиях[1] до марта 1943 года, когда в результате пре-

---

[1] Так, например, товарищ Кнохель, тяжело больной туберкулезом легких, не покидал своего поста. Рабочие самоотверженно помогали Кнохелю, уступая ему часть своего пайка, и даже предприняли попытку устроить его под чужой фамилией в туберкулезный санаторий.

дательства некоего Буггенталя из Бремена они были выданы гестапо.

Никакие пытки не заставили Альфреда Ковальке выдать явки и связи. И хотя фашистское «правосудие» отняло у героев подпольщиков жизнь, однако задушить подпольное движение гитлеровцам не удалось.

Коммунист Альберт Хеслер, участник гражданской войны в Испании, в 1938 году после тяжелого ранения выбывший из состава Интернациональной бригады, позднее был одним из руководителей Союза свободной немецкой молодежи во Франции. После нападения Гитлера на Советский Союз товарищ Хеслер был сброшен с парашютом на территорию Германии. Он наладил связь с группой Шульце-Бойзена и принял участие в организации разъяснительной работы. Попав в руки гестапо, он, несмотря на чудовищные пытки, которым его подвергли, не назвал своей настоящей фамилии. Гестаповцы казнили его, так и не узнав, кто он такой.

Среди товарищей, посланных ЦК КПГ в Германию для руководства подпольной работой и помощи подпольщикам словом и делом и погибших смертью героев, были Рихард Гофман, Герман Залингер, Бруно Кюн (родственник товарища Вальтера Ульбрихта), Герман Крамер, Генрих Роскампф, Тео Винтер (зять товарища Вильгельма Пика) и Катя Нидеркирхнер [1].

В уже упомянутом секретном докладе гестапо имелась еще одна диаграмма, которая воистину является свидетельством героизма и несгибаемой стойкости коммунистов-подпольщиков. Согласно этой диаграмме, число нелегальных листовок и брошюр, выпускаемых левым крылом оппозиции с января по май 1941 года, колебалось ежемесячно в пределах от 62 до 519. Но в июле, то есть в первый же месяц после нападения Гитлера на Советский Союз, оно резко возросло и достигло 3797, причем в течение августа и сентября оно оставалось примерно на том же уровне, а в октябре вновь возросло до 10 227. Эти цифры свидетельствуют о тех колоссальных усилиях, которые приложили немецкие коммунисты-подпольщики в эти первые месяцы войны против Советского Союза, чтобы разъяснить немецкому населению, и в

[1] О работе некоторых других коммунистов, посланных в Германию по заданию ЦК КПГ и принимавших до конца войны участие в подпольной борьбе, речь будет идти ниже.

первую очередь, рабочим и солдатам, какое чудовищное преступление совершил Гитлер, напав на СССР.

Мы располагаем в настоящее время и другими свидетельствами героизма коммунистов-подпольщиков в чрезвычайно трудных условиях того периода. Так, в обвинительном заключении Имперского военного трибунала по делу двух руководителей подпольной группы Шульце-Бойзена — Арвида Гарнака и Гарро Шульце-Бойзена — говорится, что члены этой группы являлись «фанатическими приверженцами коммунизма». О деятельности этой подпольной группы фашистские палачи писали:

«Вначале члены группы проводили обсуждения произведений Маркса и Ленина в небольших кружках. К этим обсуждениям им удавалось привлекать преимущественно молодых людей, представителей самых различных общественных слоев. Члены группы составляли также статьи и рефераты, которые использовались для образовательных целей в кружках. Кроме того, они составляли, печатали и распространяли пропагандистские листовки и брошюры коммунистического содержания, в которых имелись подлые и клеветнические нападки на правительство и государство. *После начала войны с Россией* (22 июня 1941 года) *деятельность группы стала все более расширяться.* Объектами пропаганды стали прежде всего артисты, ученые, а также полицейские и военнослужащие. *В распространяемых членами группы листовках и брошюрах постоянно проводилась мысль, что только сотрудничество с большевиками может обеспечить государственную независимость империи».*

Таким образом, в листовках группы Шульце-Бойзена другими словами были выражены те же мысли, что и в воззвании ЦК КПГ от 6 октября 1941 года, в котором говорилось о двух путях, один из которых должен быть выбран немецким народом.

В первые месяцы после нападения Гитлера на Советский Союз особую активность проявила и группа «Робби», названная так по имени ее руководителя, берлинского металлиста Роберта Уриха. Эта сравнительно многочисленная и крепкая организация развертывала свою нелегальную деятельность в период с 1938 по 1942 год. Ее ядро составляли коммунисты Роберт Урих, Курт Леман и Франц Метт, прошедшие тяжелые испытания в фашистских концлагерях и каторжных тюрьмах уже в пер-

вые годы гитлеровского господства. В 1938 году, после того как Гитлер открыто перешел к интенсивной подготовке войны, Урих и его соратники восстановили нарушенные связи с рядом членов партии и приступили к созданию подпольной организации.

В 1939 году было образовано центральное руководство новой организации, которое стремилось наладить связи с другими подпольными группами. Группа Уриха регулярно проводила совещания по политическим и экономическим вопросам, а также готовила руководящих подпольщиков к практической работе. Группа стремилась перенести свою работу на важнейшие индустриальные предприятия страны. Такие группы были созданы на 22 берлинских предприятиях, в том числе на трех крупных заводах фирмы «АЭГ», на электрическом предприятии Сименса, на фабрике Осрама и на ряде военных заводов и фабрик. С помощью бывшего социал-демократа инженера Томшика, австрийца по происхождению, группе удалось установить контакт с подпольщиками Тироля и Баварии. Прибывший туда Роберт Урих руководил созданием новых подпольных групп в этих районах. Группа поддерживала тесные связи с антифашистами Эссена, Ганновера, Гильдесгейма, Дортмунда и Гамбурга.

Политическая работа группы «Робби» была направлена на объединение всех антифашистских сил Германии в народный фронт. Так, осенью 1941 года было налажено взаимодействие с группой бывшего руководителя «Фрейкора» [1] Иозефа Ремера («Беппо»), который еще в период Веймарской республики примыкал к союзу «Ауфбрух» [2], руководимому лейтенантом Шерингером. Вскоре была установлена связь и с группой Будеуса. В группу «Робби» входили коммунисты и социал-демократы. Она поддерживала связь с интеллигентами, чиновниками Министерства иностранных дел, а также с офицерами главного командования сухопутных войск. С помощью архи-

---

[1] «Freikorps»— союз бывших добровольцев — солдат и офицеров реакционных воинских формирований, принимавших участие в подавлении рабочего движения в двадцатых годах. Часть их занимала монархические позиции и была враждебно настроена к Гитлеру.— *Прим. ред.*

[2] «Aufbruch» («выступление») — антигитлеровское объединение офицеров рейхсвера в годы Веймарской республики. — *Прим. ред.*

тектора Герберта Рихтера была организована встреча Уриха с профессором Робертом Хавеманном и доктором Георгом Гросскуртом, которая не привела, однако, к тесному сотрудничеству. Однако Хавеманн, Гросскурт и Рихтер создали в 1943 году собственную группу под названием «Европейский союз». Эта группа ставила своей особой целью организацию взаимодействия и борьбы совместно с группами сопротивления среди военнопленных и иностранных рабочих, насильственно привезенных в Германию.

В обвинительном заключении упоминается о «листовках и брошюрах, которые составлялись и распространялись функционерами подпольной группы Уриха, Ремера и Будеуса».

«В этих листовках, — писали гестаповцы, — и особенно в информационных бюллетенях содержалась не только коммунистическая пропаганда, но и открытый призыв к саботажу в тылу и на фронте. Листовки призывали также вести пропаганду среди солдат. В информационном бюллетене, выпущенном в начале декабря 1941 года, было даже помещено практическое руководство для рабочих по подготовке и проведению актов саботажа».

Кроме упомянутого здесь информационного бюллетеня, группа Уриха выпустила целый ряд брошюр. Одна из них была озаглавлена: «Солдаты, за что вы сражаетесь?»

Многие члены подпольной группы «Робби», попавшие в руки гестапо, были подвергнуты чудовищным пыткам. 16 арестованных было убито еще во время следствия. Несмотря на все старания гестаповцам не удалось полностью раскрыть и ликвидировать организацию «Робби», это свидетельствует о героической стойкости рабочих-активистов, а также об их методах конспирации. Многие из местных групп, входивших в организацию Уриха, не были раскрыты и присоединились впоследствии к организации Зефкова.

И в других районах Германии подпольщики вели усиленную разъяснительную работу среди населения и стремились поднять рабочих на борьбу против преступной гитлеровской войны. В Маннгейме действовала группа Лехлейтера, которая особенно широко развернула свою работу после нападения Гитлера на Советский Союз. Группа и до этого уже выпустила ряд листовок, а теперь стала издавать подпольную газету «Форботе». В одной

из статей, помещенных в этой газете, говорилось: «Чтобы положить конец войне, необходимо свергнуть Гитлера». Газета указывала рабочим правильный путь к организации активного сопротивления, разоблачала ложь геббельсовской пропаганды и разъясняла жителям Маннгейма, что гитлеровский режим ведет немецкий народ к катастрофе. Газета «Форботе» призывала население по-человечески относиться к военнопленным. Влияние этой нелегальной коммунистической газеты было так велико, что в дело вынуждены были вмешаться высшие инстанции гестапо. 26 февраля 1942 года на крупнейших предприятиях Маннгейма, на верфях, на предприятиях «Бонн унд Рейтер», у Ланца, Бенца и на других заводах были арестованы сотни рабочих. Стремясь раскрыть и уничтожить подпольную организацию, гестапо прибегало к своим обычным методам. В результате двое арестованных покончили самоубийством, а один скончался от пыток.

До сих пор еще не оценены по достоинству великие исторические заслуги и героизм многих других коммунистов-подпольщиков. Нельзя забывать того, в какой тяжелой обстановке вели борьбу коммунисты. Какую политическую дальнозоркость, какую великую стойкость и героизм проявили эти люди в то время, когда фашизм был в зените могущества, когда широкие массы были одурманены фашистским угаром. Бойцы-подпольщики не только пошли против течения, но, более того, они делали это сознательно, понимая, что на каждом шагу им грозят мучительные пытки и смерть. Мужчины и женщины — члены Коммунистической партии Германии в это время выступали и боролись за подлинные интересы немецкого народа. Разве можно сравнивать этих истинных героев с участниками заговора 20 июля 1944 года, которые, видя, что поражение Гитлера неминуемо, лишь попытались убрать его и тем самым добиться поворота в войне и которых ныне американская и западногерманская пропаганда пытается превознести до небес. Об этом необходимо помнить не только для того, чтобы воздать должное погибшим героям немецкого рабочего движения. Ныне задача заключается в том, чтобы дать отпор реакционным элементам в Западной Германии, которые в наши дни вновь пытаются толкнуть немецкий народ на преступный путь милитаризма и войны.

ПРОВАЛ МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ И ДВИЖЕНИЕ «СВОБОДНАЯ ГЕРМАНИЯ»

После победоносного шествия по Западной Европе гитлеровский вермахт впервые потерпел в Советском Союзе тяжелые поражения, которые привели к первым серьезным потрясениям внутри гитлеровского государства со времени начала второй мировой войны. В результате непрерывных оборонительных боев, которые вели советские войска, гитлеровский вермахт понес неисчислимые потери. Гитлеровская армия потеряла несметное количество танков, орудий, самолетов и другой военной техники. После того как советская страна мобилизовала свои военные и экономические резервы, гитлеровское наступление под Москвой было остановлено. Затем, в ходе начавшегося 6 декабря контрнаступления советских войск, гитлеровская армия была вынуждена начать беспорядочное отступление, переходившее в бегство. Гитлер и его генералы строили все свои расчеты на так называемом «блицкриге» — молниеносной войне. Они полагали, что им удастся повторить в войне против Советского Союза то же, что им удалось сделать с рядом капиталистических стран Западной Европы. Провал молниеносной войны привел к самым тяжелым последствиям для гитлеровских солдат, ибо вермахт был абсолютно не подготовлен к боевым действиям в суровых условиях русской зимы. Огромные людские потери, а также тяжкие бедствия, обрушившиеся на солдат, массы больных и обмороженных в зимней кампании 1941/1942 года не могли не привести к определенным политическим последствиям. В начале 1942 года гитлеровский режим, несомненно, пережил первый глубокий кризис во время войны. Непосредственным выражением этого кризиса явилось то, что Гитлер сместил генерал-фельдмаршала фон Браухича с поста главнокомандующего сухопутными вой-

сками и провозгласил верховным главнокомандующим самого себя.

В тылу нацисты стремились между тем в лихорадочной спешке мобилизовать все наличные резервы и приспособить аппарат поставленного на военные рельсы хозяйства к новым требованиям, выдвинутым обстановкой. После создания Совета военной экономики (Wehrwirtschaftsrat) руководство военной экономикой страны перешло в руки наиболее могущественных и агрессивных кругов германского монополистического капитала. В Совет военной экономики входили такие промышленные и финансовые воротилы, как генеральный директор концерна Маннесманна Вильгельм Цанген, генеральный директор концерна «Ферейнигте штальверке» Альберт Феглер, саарский угольный король Герман Рёхлинг, председатель правления Стального треста Эрнст Пёнсген, председатель наблюдательного совета фирмы «АЭГ» Герман Бюхер, генеральный директор предприятий Геринга «Геринг-верке» Пауль Плейгер, генеральный директор концерна «Бергман АГ» Филипп Кеслер и, кроме того, еще несколько фашистских генералов. В этом Совете военной экономики свила гнездо клика магнатов германского монополистического капитала, которая обладала диктаторскими полномочиями и имела право давать правительственные предписания и давать указания Министерству военной промышленности.

Под руководством этих заправил немецкие концерны начали беспощадное ограбление оккупированных Германией стран. Все источники промышленного сырья, все промышленные предприятия в этих странах были поставлены на службу гитлеровской военной машины. В целях дальнейшего развертывания военного производства гитлеровцы во все возрастающих масштабах прибегали к насильственной отправке в Германию рабочих из оккупированных стран. И в то время как немецкие отцы и сыновья массами гибли на фронте, в то время как военнопленные и насильственно перемещенные лица были вынуждены работать в нечеловеческих условиях и массами гибли от эпидемий и болезней, причем десятки тысяч из них были зверски убиты, прибыли военных промышленников и финансовых воротил достигали невероятных размеров. Потоки немецкой крови и слез немецких матерей и жен, нечеловеческие страдания и мучения покоренных

народов — таковы были источники этих прибылей, истинные масштабы которых стали ясны лишь после войны, точнее, после образования Германской Федеральной Республики, когда крупным держателям акций в этой республике были выплачены все дивиденды, причитавшиеся им за годы гитлеровского господства. Более того, несмотря на ущерб, причиненный воздушными бомбардировками, демонтаж предприятий и валютную реформу, стоимость акций крупнейших концернов выросла там вдвое и втрое. Правильность сталинской оценки сущности «третьей империи», данной в приказе № 130 от 1 мая 1942 года, полностью сохраняет, следовательно, свое актуальное значение и в наши дни.

«На самом деле, — писал товарищ Сталин, — немецкие фашисты являются не националистами, а империалистами, захватывающими чужие страны и высасывающими из них кровь для того, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов. Геринг, глава немецких фашистов, сам является, как известно, одним из первых банкиров и плутократов, эксплуатирующим десятки заводов и фабрик. Гитлер, Геббельс, Риббентроп, Гиммлер и другие правители нынешней Германии являются цепными собаками немецких банкиров, ставящими интересы последних превыше всех других интересов. Немецкая армия является в руках этих господ слепым орудием, призванным проливать свою и чужую кровь и калечить себя и других не ради интересов Германии, а ради обогащения немецких банкиров и плутократов» [1].

После поражения под Москвой гитлеровское командование оказалось уже не в состоянии вести наступление по всему фронту. Сконцентрировав все свои силы на Южном фронте, гитлеровцы прорвали здесь фронт и предприняли попытку захватить Кавказ, чтобы, выйдя к Волге у Сталинграда, захватить в свои руки важные источники сырья и транспортные пути. Вскоре, однако, и здесь обнаружилась полная безосновательность этих спекулятивных расчетов гитлеровского командования, с помощью которых оно одурманивало своих солдат. Сталинград знаменовал собою переломный пункт в истории второй мировой войны. Окружение 6-й армии под Сталинградом и разгром армий, посланных ей

[1] И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1946, стр. 51.

на выручку, неопровержимо показали, что соотношение военных и экономических сил резко изменилось, что Советский Союз оказался сильнее гитлеровской Германии и в политическом, и в экономическом, и в военном отношении. Стало ясно, что Советская Армия под водительством Сталина в состоянии окончательно разгромить гитлеровский вермахт, даже если второй фронт в Европе не будет открыт.

Грандиозные победы советских войск под Сталинградом и на Дону имели не только чисто военное значение. Они придали новые силы покоренным гитлеровцами народам и подняли их на борьбу против фашистского чужеземного владычества. Почти во всех странах, находившихся под пятой германских оккупантов, — в Югославии и в Албании, во Франции и в Норвегии, в Польше и в Чехословакии — разгорелась партизанская война. Героическая борьба советских партизан против гитлеровцев во временно оккупированных областях Советского Союза, начавшаяся с первых же недель войны и разгоравшаяся с возрастающей силой, явилась вдохновляющим примером для патриотов в покоренных странах. И немецкие антифашисты не остались безучастными свидетелями этой борьбы.

Сразу же после нападения Гитлера на Советский Союз большое количество немецких антифашистов, живших в СССР, в том числе закаленных уже в боях в Испании, заявило о своей готовности добровольно отправиться на фронт. Многие из них переходили линию фронта и выполняли здесь особые задания, находясь в составе партизанских отрядов. К числу таких заданий относилась прежде всего разъяснительная работа среди гитлеровских солдат и офицеров. Гитлеровцам не раз приходилось ломать голову над тем, как попали листовки и пропуска для перехода на сторону советских войск в расположение артиллерийских батарей, полевых кухонь и других тыловых армейских служб. Немецкие антифашисты из партизанских отрядов вели работу среди немецких солдат, которых затем направляли в их прежние фронтовые части. И некоторые немецкие фронтовики осознали благодаря этой отважной работе всю преступность и безнадежность гитлеровской войны и, добровольно перейдя к партизанам, приняли участие в борьбе за освобождение народов от кровавого фашистского ига. Однако разъяснительной работой дело, конечно, не

ограничивалось. Германские антифашисты и патриоты принимали активное участие в борьбе против кровавых палачей как германского народа, так и народов оккупированных стран. К таким палачам относились в первую очередь полевая жандармерия и заплечных дел мастера из СД, которые несли ответственность не только за убийство десятков тысяч советских граждан, но и за расстрелы по законам военного времени тысяч немецких фронтовиков, уставших от войны.

В качестве примера можно указать на одного из служащих полевой жандармерии из Кельна. Из документов этого «фельджандарма» следовало, что, работая в комендатурах Амстердама и Афин, он передал в руки палачей многих голландских и греческих патриотов. Только за четыре месяца своей службы в Прибалтике он предал фашистскому военно-полевому суду 22 немецких солдат. Этот палач понес заслуженную кару от руки немецких антифашистов. В его машине было, между прочим, обнаружено награбленное детское белье, упакованное для отправки в Германию. Большой заслугой отважных немецких антифашистов явилась также их помощь советским партизанам в карательных экспедициях и при приведении в исполнение справедливых смертных приговоров палачам из СД, таким, например, как оберфюрер СС Нокман, бригадефюрер СС Штальэккер, а также «генеральный комиссар Белоруссии» Вильгельм Кубе и многие другие высокопоставленные нацисты в оккупированных областях.

Разгром целых германских армий на советско-германском фронте привел к глубоким военным и политическим последствиям. Миф о непобедимости германских войск был окончательно развеян. После Сталинграда гитлеровский вермахт был ослаблен и мог вести лишь отдельные наступательные операции против Советской Армии. Попытка летнего наступления в 1943 году в районе Курска и Орла уже в самом начале была сорвана советскими войсками и превратилась в поспешное отступление. В грандиозных, решающих сражениях по уничтожению противника Советская Армия прокладывала победный путь от Сталинграда к Берлину, в логово фашистского зверя. В задачу данной работы не входит описание хода войны, даже самых основных ее этапов. Однако само собой разумеется, что события на фронтах, и в первую

очередь события на Восточном фронте, который был главным фронтом второй мировой войны, где разыгрывались крупнейшие ее сражения, не могли не оказывать влияния на политическую обстановку в самой Германии и на борьбу различных классовых сил и их политических представителей.

Большое значение в деле развертывания борьбы против Гитлера и его военных преступлений имело создание 12 июля 1943 года Национального комитета «Свободная Германия», в который вошли ведущие германские коммунисты, а также ряд немецких солдат и офицеров из числа захваченных в плен под Сталинградом. В манифесте, с которым Национальный комитет обратился к германским войскам и к германскому народу, был дан анализ обстановки и перспектив дальнейшего развития событий на советско-германском фронте и в самой Германии. В манифесте выдвигалось требование создать подлинное немецкое правительство на основе освободительной борьбы всех слоев населения против гитлеровского режима. Целью этой борьбы должно было стать создание свободной Германии. Вот как была охарактеризована эта цель в манифесте:

«Создание сильной демократической государственной власти, которая не будет иметь ничего общего с бессилием Веймарской республики и сумеет беспощадно ликвидировать в самом зародыше любую попытку возрождения заговоров против прав и свобод народа или против мира в Европе.

Полная ликвидация всех законов, основанных на расовой дискриминации и ненависти к другим народам, а также всех позорящих наш народ учреждений гитлеровского режима; отмена всех законов гитлеровского режима, основанных на принуждении и направленных против свободы и человеческого достоинства; восстановление и дальнейшее расширение политических прав тружеников, свободы слова, печати, союзов, а также свободы совести и вероисповедания. Свобода хозяйственного развития, торговли и ремесел. Обеспечение права на труд и охрана собственности, приобретенной законным путем. Возврат всего награбленного национал-социалистскими правителями имущества его законным владельцам. Конфискация имущества военных преступников, конфискация военных прибылей. Развертывание торговли с другими странами

как здоровая основа прочного национального благосостояния.

Немедленное освобождение всех жертв гитлеровского режима и выплата им соответствующей компенсации.

Справедливый и беспощадный суд над военными преступниками, над главарями, пособниками и тайными вдохновителями той политики, которая толкнула Германию на гибельный путь и покрыла ее позором. Однако для тех сторонников Гитлера, которые своевременно порвут с гитлеризмом, доказав это на деле, и присоединятся к движению за свободную Германию, должна быть объявлена амнистия.

Немцы, вперед, на борьбу за свободную Германию!

Мы сознаем, что жертвы неизбежны. Но этих жертв будет тем меньше, чем решительней будет вестись борьба против Гитлера. Жертв в борьбе за освобождение Германии будет в тысячу раз меньше, чем число тех бессмысленных жертв, к которым неизбежно ведет продолжение войны.

Немецкие солдаты и офицеры на всех фронтах! В ваших руках оружие! Не выпускайте его из рук! Вашу борьбу за судьбы родины и за мир возглавят руководители, исполненные сознания высокой ответственности и уверенные, как и вы, в необходимости бороться против Гитлера!

Труженики родной страны! Мужчины и женщины! Вас большинство! Организуйтесь и вы превратитесь в ударную силу! Создавайте боевые группы на каждом предприятии, в каждой деревне, в трудовых лагерях и высших учебных заведениях — повсюду, где вы сможете объединиться. Не повинуйтесь больше Гитлеру! Не позволяйте более злоупотреблять вашими усилиями в целях продолжения войны. Ведите борьбу всеми средствами, каждый в меру своих сил и возможностей, в зависимости от занимаемого им положения в общественной, государственной или хозяйственной жизни».

Задачи, поставленные в манифесте, соответствовали в основных чертах платформе народного фронта, выработанной Брюссельской конференцией, и программе Бернской конференции по созданию широкого национального фронта против Гитлера. Требования рабочего класса нашли свое полное отражение в манифесте. Но, не снимая ни одного из этих требований, манифест в то же время

более четко сформулировал ряд требований в интересах ремесленников, торговцев и предпринимателей. Задача заключалась в том, чтобы мобилизовать на всенародную борьбу против Гитлера и его военных преступлений все слои населения, в том числе и всех честных офицеров, сознающих ответственность за судьбы нации. Амнистия, обещанная тем сторонникам Гитлера, которые своевременно отрекутся от гитлеризма и подтвердят это делом, также соответствовала новой обстановке и новым задачам.

Вскоре после создания Национального комитета «Свободная Германия», 11 и 12 декабря 1943 года последовало создание «Союза германских офицеров», который в своем заявлении признал программу движения «Свободная Германия» и присоединился к нему.

Видную роль в «Союзе германских офицеров» играл целый ряд видных немецких генералов и старших офицеров. Нельзя преуменьшить значения этого обстоятельства для той разъяснительной работы, которую Национальный комитет «Свободная Германия» вел на фронтах и среди все увеличивающихся масс военнопленных. На основании многих приказов и документов гитлеровского верховного командования и целого ряда нацистских учреждений того периода можно отчетливо судить о том, какой страх внушала гитлеровцам эффективная деятельность «Свободной Германии». Главнокомандующий армейской группой «Норд» объявил в приказе от 12 декабря 1944 года о казни восьми солдат из различных подразделений. Эта казнь должна была стать устрашающим примером. В приказе по 407-му гренадерскому полку от 14 декабря 1944 года, который в назидание был доведен до сведения всех солдат и офицеров полка, указывалось, что «количество перебежчиков в последнее время увеличилось». Приказ угрожал солдатам-перебежчикам, что «они и все их близкие будут безжалостно изъяты из единой семьи германского народа». Это уничтожение семей немецких солдат в соответствии с этим «назидательным приказом» должно было проводиться следующим образом:

«Все родственники изменника немедленно предаются суду особого трибунала, который приговаривает их к следующим наказаниям: 1) конфискация всего имущества в пользу государства; 2) пожизненное лишение всех гражданских прав и 3) смертная казнь или пожизненное за-

ключение в концентрационном лагере». Таким образом немецких солдат, под угрозой расстрела и смертной казни или пожизненного заключения в концлагере их отцов, матерей, братьев и сестер, жен и невест, принуждали продолжать антинародную и безнадежную гитлеровскую войну.

Генералы и офицеры, составлявшие подобные бесчеловечные приказы, направленные против немецких солдат и их семей, оказались впоследствии такими презренными трусами, что после разгрома нацистского режима осмеливались утверждать, что они якобы ничего не знали о зверствах гитлеровцев. И эти самые генералы будут ныне, после заключения парижских соглашений между Аденауэром и западными державами, вновь распоряжаться жизнью и смертью немцев и их семей.

Политическая деятельность движения «Свободная Германия» не ограничивалась Восточным фронтом и лагерями для немецких военнопленных в Советском Союзе. На основе программы, содержавшейся в манифесте, а также на основе «25 пунктов к окончанию войны», опубликованных позднее Национальным комитетом, в различных странах стали создаваться союзы немецких эмигрантов. Небезинтересно отметить, что и в этот момент правые социал-демократические лидеры проявили себя как раскольники и, прикрываясь в ряде случаев радикальными фразами, противились любой попытке объединения всех антифашистских сил для совместной борьбы против Гитлера. Представитель СПГ в Лондоне Вильгельм Зандер направил в «Инициативный комитет по установлению единства в немецкой эмиграции» письмо с отказом от сотрудничества. Этот комитет был создан с целью организовать движение за свободную Германию среди немецких эмигрантов в Великобритании. В письме Зандера говорилось:

«Всем нам понятно, что одной из основных предпосылок для создания единого движения является преодоление разногласий между социал-демократами и коммунистами... Однако, по нашему мнению, в данный момент урегулировать основные вопросы еще не удалось» [1].

---

[1] Цитируется по книге Erich Matthias, Sozialdemokratie und Nation. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der sozialdemokratischen Emigration in der Prager Zeit des Parteivorstandes 1933 bis 1938, S. 268.

Получалось, что в тот момент, когда речь шла, в полном смысле слова, о жизни и смерти немецких рабочих и всего немецкого народа, для правых лидеров социал-демократии было гораздо важнее вести «высокопринципиальные» дебаты о демократии и социализме, чем объединить все силы для борьбы за свержение Гитлера и тем самым за спасение нации, ее демократических прав и свобод. Во всяком случае, Зандер, полемизируя в своем письме, выступал против программы Национального комитета «Свободная Германия».

«Мы считаем...— писал он,— что в задачи немецкой политической эмиграции не входит отражение требований капиталистического строя» [1].

Мнимоpадикальное обращение к социализму понадобилось правым социал-демократическим лидерам только для того, чтобы помешать установлению единства действий среди немецких антифашистов-эмигрантов в Англии. Подобную же раскольническую политику правые лидеры СПГ продолжали вести и после разгрома гитлеровского фашизма, на сей раз, однако, не ради социализма, а для того, чтобы и впрямь бороться за осуществление «требований капиталистического строя». В конце концов западногерманская СПГ на своем съезде в 1954 году вынуждена была признать, что «всесильная власть крупных собственников» вновь восстановлена и что вместо создания нового строя дело кончилось реставрацией старого общественного и политического строя.

Движение «Свободная Германия», возникшее в Советском Союзе, послужило стимулом для развертывания работы борцов-антифашистов среди немецких солдат в различных странах, оккупированных Гитлером. Особенно успешным явилось сотрудничество немецкой коммунистической эмиграции с французскими коммунистами. Среди немецких войск во Франции велась систематическая работа. Выпускались листовки, а также время от времени выходила газета «Солдат на Западе», а в Южной Франции — газета «Солдат Средиземноморья». В Бельгии, Голландии и Люксембурге выходила солдатская газета «Вархейт».

---

[1] Цитируется по книге Erich Matthias, Sozialdemokratie und Nation. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der sozialdemokratischen Emigration in der Prager Zeit des Parteivorstandes 1933 bis 1938, S. 268.

В результате этой работы удалось установить связи с немецкими солдатами и организовать в ряде частей небольшие группы, которые оказывали некоторую поддержку французским борцам Сопротивления. Некоторые немецкие солдаты переходили также на сторону французских патриотов и боролись плечом к плечу с ними. Своей борьбой вместе с французскими коммунистами против гитлеровских оккупантов немецкие коммунисты убедительно доказали, что решение руководства эмиграционной группы КПГ, принятое в 1939 году и предписывавшее немецким коммунистам во Франции отдаться в руки французских властей, было неправильным и вредным.

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА КОММУНИСТОВ-ПОДПОЛЬЩИКОВ ЗА СПАСЕНИЕ НАЦИИ

Радиопередачи Национального комитета «Свободная Германия», а также листовки и газеты, которые солдаты-отпускники привозили с фронта в Германию, помогли антифашистам-подпольщикам в тылу правильно ориентироваться в сложившейся обстановке и взять курс на широкое объединение всех противников Гитлера.

Это сказалось прежде всего в работе наиболее крупной и разветвленной подпольной организации, которая была создана во время войны под руководством Антона Зефкова, Франца Якоба и Бернгарда Бестлейна. Эта организация объединила группы, оставшиеся после провала подпольной группы Уриха в 1942 году, и большое число нелегальных ячеек и групп сопротивления, возникших самостоятельно.

Фашистский трибунал по делу товарищей Зефкова, Якоба и Бестлейна, мотивируя свой приговор, следующим образом характеризует создание, деятельность и методы работы этой подпольной организации:

«В 1941 году Якоб и Бестлейн установили в Гамбурге связь с бывшими руководящими работниками компартии и другими антифашистами. Они решили создать в Гамбурге, в первую очередь на крупнейших предприятиях города, целый ряд антифашистских организаций и групп. Якоб и Бестлейн приняли на себя руководство ими. Созданные ими организации развернули активную деятельность. Вербовались новые члены, назначались функционеры, проводилось систематическое обучение кадров. Организаторы этих групп ставили своей целью ослабление военной промышленности (!), подрывную работу на фронте и в тылу в целях скорейшего заключения мира (!) и в конечном счете стремились поднять

массы на революционное свержение национал-социалистского строя. В результате вмешательства гестапо в октябре 1942 года эта деятельность была прервана. В то время как Францу Якобу удалось бежать из Гамбурга, Бестлейн был снова арестован.

Якоб переехал в Берлин, где установил связь с Антоном Зефковым[1]. Зефков тем временем налаживал в Берлине связи в целях борьбы против национал-социалистского государства. Оба они пришли к выводу, что после Сталинграда Германия уже не может выиграть войну, и приняли решение сделать со своей стороны все возможное, чтобы ускорить поражение (!) Третьего рейха и установление (!) мира. При этом предусматривались следующие мероприятия:

Создание на крупных берлинских предприятиях, и прежде всего на военных заводах, групп сопротивления или выделение своих уполномоченных.

Выделение подходящих функционеров, которые прежде всего должны возглавить подпольные группы.

Организация групп сопротивления среди солдат на фронте и в тылу, пересылка пропагандистского материала на фронт через полевую почту.

Создание специальной организации, которая должна была собирать информацию для находящихся на нелегальном положении антифашистов, а также снабжать их оружием и документами.

Составление и распространение пропагандистских материалов.

Установление связей с подпольщиками вне пределов столицы рейха.

Установление связей с другими коммунистическими группами сопротивления, точно так же как и с социал-демократическими (!), а также с антифашистски настроенными представителями буржуазии (!), артистами и другими лицами.

Целью этой работы было использование всех экономических и других трудностей, возникших в стране в ходе войны, и применение любых форм (!) антифашистского движения сопротивления для скорейшего окончания (!) войны и свержения гитлеровского правительства».

---

[1] Связь между товарищами Зефковым и Якобом существовала и до бегства Якоба из Гамбурга, но гестапо об этом не знало.

Организации Зефкова удалось создать в Берлине подпольные группы более чем на 30 крупнейших предприятиях, в том числе на таких важных предприятиях, как «Эрих и Грец», «Осрам», «Хассе унд Вреде», «Телефункен», «Аскания», «Сименс», машиностроительный завод Виттенауэра, авиазаводы Хейнкеля в Ораниенбурге, «Аргус-Моторен», «Алькетт», машиностроительные заводы Велтенера, «Тегелер Газверке» и заводы «АЭГ» в Вейсензее[1]. Кроме того, были установлены связи со служащими интендантства военно-воздушных сил, Министерства военной промышленности, а также главного командования сухопутных войск. Удалось наладить связь также и с политическими заключенными концлагеря Саксенхаузен, где, как и в других концлагерях, существовали подпольные организации.

Однако деятельность организации Зефкова, от которой исходила инициатива создания внутри страны Национального комитета «Свободная Германия», не ограничивалась пределами Большого Берлина. Из Берлина тянулись прямые нити к подпольным группам Вассерканте, Средней Германии, Рурской области; были возобновлены связи с подпольщиками Тироля, налаженные еще группой Уриха. Наибольшее значение имело сотрудничество организации Зефкова с подпольщиками Тюрингии и Саксонии; при этом каждая из групп, связанных с организацией Зефкова, в свою очередь поддерживала связи с подпольщиками различных районов Германии.

В Тюрингии такие организации были созданы в Иене, Готе, Эрфурте, Целла-Мелисе, Веймаре, Табарце и Зальцунгене. В различных соединениях вермахта организация имела своих связных, в большинстве своем — бывших членов Коммунистического союза молодежи и членов Союза социалистической рабочей молодежи. Организация снабжала этих людей листовками и информационными материалами для разъяснительной работы среди солдат.

Во главе коммунистической организационной группы в Тюрингии стоял доктор Теодор Нейбауэр, бывший депутат рейхстага. Гестапо арестовало его еще в 1933 году. Несмотря на протесты общественности в различных

---

[1] Ораниенбург и Вейсензее — пригороды Берлина. — *Прим. ред.*

странах и особенно в Англии, гестаповцы по особому приказу палача Гейдриха держали Нейбауэра в заключении до 1939 года. И хотя для Тео Нейбауэра возобновление подпольной борьбы было связано с особыми трудностями, он возглавил коммунистические группы в Тюрингии. Нейбауэр являлся автором важнейших листовок и других документов, которые распространялись подпольщиками Тюрингии, и установил связь с руководящими работниками коммунистического подполья в Саксонии и в Берлине.

Товарищ Магнус Позер имел особые заслуги в печатании и распространении листовок. Листовки печатались сначала на пишущей машинке, потом переснимались и в уменьшенном масштабе отпечатывались на папиросной бумаге в сравнительно большом количестве экземпляров. Так, в одном только Лейпциге было распространено 500 экземпляров листовки, озаглавленной: «Гитлеровская война проиграна! О победе могут теперь мечтать только дураки!» Но Лейпциг был лишь одним из мест, куда доставлялись листовки из Иены. В Иене составлялись также на русском и французском языках листовки для военнопленных и иностранных рабочих, насильственно угнанных в Германию. Товарищ Магнус Позер вел эту работу с большим искусством. О его мужестве и присутствии духа можно судить по тому, как он вел себя, когда попал в руки гестапо. После того как он был арестован гестаповцами, его допрашивали в здании манежа в Веймаре. Во время допроса, сопровождавшегося обычными для гестапо пытками, Позер ударом наручников сбил с ног гестаповца Хейне и бежал. Он перелез через высокую стену и побежал к парку, находившемуся неподалеку. Но здесь его настигли пули гестаповцев. Смертельно раненный коммунист был доставлен в больничный барак концлагеря Бухенвальд. Гестаповцы требовали от врачей сделать все возможное, чтобы продлить жизнь Позера, ибо, по их словам, он очень много знал. Но товарищ Позер не сказал гестаповцам ни слова. Перед смертью он, собрав последние силы, сумел передать через санитара из заключенных слова последнего привета товарищам, призвав их к мужеству и стойкости.

В смертном приговоре по делу руководителя подпольщиков Тюрингии Теодора Нейбауэра фашистский крова-

вый суд оставил свидетельство о его мужестве, достойном настоящего коммуниста.

«Нелегальная деятельность обвиняемого, — сказано было в приговоре,— не нуждается в особо тщательном обосновании, она была направлена на осуществление переворота... к которому стремятся коммунисты-подпольщики. Нейбауэр вполне понимал это. Характерно то, что он стал коммунистом по глубочайшему внутреннему убеждению, будучи образованным человеком. В течение многих лет он был членом коммунистической фракции рейхстага и обладал поэтому большим политическим опытом и знаниями».

В Саксонии центром коммунистического подполья стал город Лейпциг. Подпольной работой здесь руководил бывший депутат рейхстага Георг Шуманн. Он, как и Нейбауэр, был выпущен из концлагеря лишь в 1939 году и вынужден был работать с величайшей осторожностью. Поэтому непосредственную организационную работу вели преимущественно товарищи Отто Энгерт и Курт Крессе. В годы войны на более чем 15 крупнейших заводах Лейпцига были созданы одна за другой подпольные группы или установлена связь с надежными людьми. К этим предприятиям относились заводы фирм Рудольфа Зака, «Мейер унд Вейхельт», акционерных обществ Питтлера и Шпамера, заводы «Шельтер унд Гизеке», завод «Метальгус», Беха, заводы Пачке, «Кёлманн-верке», Эперсбехера, Хупфельда, завод литейных моделей Кленбаха и другие. Кроме того, были установлены связи с рабочими заводов «Лейна» и «Буна», а также рабочими других крупнейших заводов за пределами Лейпцига, в частности с рабочими рудников в Мансфельде, где вел работу старый коммунист Отто Кёниг, пользовавшийся большой популярностью среди горняков. С течением времени были установлены связи с подпольными группами и отдельными коммунистами в Дрездене, Галле, Мерзебурге, Цейце, Магдебурге, Гёрлице и в ряде других, более мелких городов и рабочих поселков Средней Германии. Лейпцигские коммунисты имели своих связных и доверенных лиц в некоторых воинских частях, расквартированных в окрестностях города. С 1939 года в Лейпциге проводилась также антифашистская работа среди молодежи; в отдельные периоды лейпцигское подполье объединяло до 120 юношей и девушек. Они были закон-

спирированы под видом организации «Крафт дурх Фрейде», совершали «туристские походы», используя их для встреч и бесед с молодежью и для ее обучения.

Подпольные группы помогали продовольствием, одеждой и медикаментами военнопленным и иностранным рабочим. Подпольщики передавали им информацию о важнейших политических событиях, об истинном положении на фронтах и завоевали их полное доверие. Саксонским подпольщикам удалось распространить среди иностранных рабочих полученные из Тюрингии листовки на их родном языке и организовать совместные выступления. На двух предприятиях удалось провести кратковременные забастовки иностранных рабочих. На немецких рабочих особое воздействие оказывали листовки о воздушных налетах. Призыв, обращенный к рабочим, прекращать работу после сигнала воздушной тревоги и спасать свою жизнь оказался весьма действенным. Этот призыв помогал мобилизовать рабочих на борьбу против тотальной войны и тормозить производство вооружений. Иностранным рабочим запрещалось скрываться в бомбоубежищах для немцев. Антифашисты немцы помогали им проникать во время воздушных налетов в бомбоубежища в частных домах. Общепризнано, что работа на предприятиях была сильной стороной деятельности лейпцигских коммунистов-подпольщиков. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания, написанные участниками подпольной борьбы уже после 1945 года.

Однако было бы неверным и недостойным светлой памяти погибших героев замалчивать то обстоятельство, что в работе лейпцигской подпольной группы были вначале и слабые стороны и, в частности, в вопросах, касавшихся политической ориентации. Так, в конце 1943 года были напечатаны «Основные положения о прекращении империалистической войны и свержении нацистского господства» — программный документ, составленный Отто Энгертом. Этот документ вызвал длительные дискуссии на собраниях подпольных групп. Это объяснялось тем, что оценка международного и внутреннего положения, данная в нем, а также задачи, сформулированные на основании этой оценки, расходились с позицией Политбюро ЦК КПГ в этом вопросе, а также с задачами широкого развертывания движения

«Свободная Германия», которые оно выдвинуло. В программе лейпцигских подпольщиков мировая война была охарактеризована просто как война империалистическая, причем война между Советским Союзом и гитлеровской Германией была выделена и оценена как «война классовая». Такая формулировка приводила к ошибочным лозунгам. Они сводились к тому, что следует стремиться в первую очередь к прекращению военных действий против Советского Союза и заключению союза с ним, чтобы затем с этих позиций вести переговоры о мире с западными державами. Немецкий народ должен был, согласно этой программе, вступить на путь революционного восстания, которое должно было привести к «свержению власти капиталистов» и к созданию «подлинно социалистического строя». Ясно, что данное в этой работе представление о развитии войны не соответствовало ни действительной международной обстановке в конце 1943 и начале 1944 года, ни соотношению сил в Германии вообще. Исходя из неправильных предпосылок, в программе делался вывод, что «осуществить эту политику может только рабочий класс под руководством своего авангарда — коммунистической партии». Хотя программа и призывала далее «все жертвы империалистической и фашистской политики, всех, кто ищет выхода из катастрофы, объединиться с рабочим классом для совместной борьбы против фашизма и войны», политическая линия, сформулированная в ней, не могла привести к развертыванию широкого движения, объединяющего всех противников гитлеризма. Напротив, она привела бы к сужению базы этого движения. Таким образом, лейпцигская «платформа» 1943 года была, бесспорно, ошибочной. Но, признавая это, не следует сегодня забывать, что подпольщикам было чрезвычайно трудно получать в тех условиях точную информацию о политической обстановке.

Однако в своей дальнейшей работе лейпцигские товарищи вышли за узкие рамки, поставленные им «платформой». Они наладили сотрудничество с бывшим редактором социал-демократической газеты Рихардом Леманом и другими социал-демократами. Коммунист Вильям Ципперер, ремесленник по профессии, установил контакт с объединениями ремесленников. Художник Альфред Франк и его жена вели большую работу среди

художников, артистов и других представителей интеллигенции. С помощью Вольфганга Хейнце, главного инженера «Кёльманн-верке», удалось установить контакт с представителями технической интеллигенции Лейпцига и Берлина. Кроме того, группа поддерживала контакт с рядом врачей, ученых и представителей христианских кругов. После того как в апреле 1944 года группа начала издавать нелегальную газету «Видерштанд» («Сопротивление»), руководство лейпцигскими группами окончательно встало на позиции движения «Свободная Германия». По свидетельству лейпцигских товарищей, Георг Шуманн вел через посредников переговоры с доктором Карлом Герделером, которые, однако, не привели к какому-либо сотрудничеству. Изменения в политической линии руководителей подпольной организации лейпцигских коммунистов убедительно свидетельствуют о том, какое значение имела информация, получаемая из центра, и какую роль играли обмен опытом между руководящими работниками и совместные обсуждения и выработка политических документов. Подобный обмен опытом и неоднократные обсуждения имели место при встречах руководителей трех больших групп подпольной организации: саксонской, берлинской и тюрингской.

Во время этих встреч была разработана на основе более правильного анализа международного и внутреннего положения политическая линия, направленная на создание в самой Германии Национального комитета «Свободная Германия» и развертывание широкого народного движения, которое объединило бы всех противников Гитлера.

Для осуществления политики объединения всех антигитлеровских сил на борьбу за окончание войны путем свержения Гитлера была разработана платформа, названная «Коммунисты и Национальный комитет «Свободная Германия», основанная на тщательно подобранных материалах. В этой программе была точно определена политическая линия партии, что должно было помочь борьбе против сектантских установок некоторых коммунистов-подпольщиков. Подпольщикам удалось переслать экземпляр этого документа в концлагерь Саксенхаузен, там он был обсужден сравнительно большой группой функционеров партии, заключенных в этом лагере. В обсуждении приняли

участие Эрнст Шнеллер, Маттиас Теезен, Макс Рейман, Макс Опиц, Густав Зандтнер и другие. Эти товарищи направили подпольщикам ответное письмо, содержавшее ряд предложений по изменению платформы. Авторы документа ответили им в апреле 1944 года письмом, озаглавленным «Ответ партийного руководства заключенным товарищам». Лейпцигская группа установила связь с надзирателем в исправительной тюрьме Бауцен. С его помощью подпольщики хотели связаться с Эрнстом Тельманом и узнать его мнение о платформе. Однако эта попытка не удалась, ибо надзиратель был арестован прежде, чем сумел передать Тельману этот документ.

Попытка передать Тельману этот документ, а также совещание заключенных в Саксенхаузене функционеров партии свидетельствуют о высоком чувстве политической ответственности, проявленной руководителями указанных трех больших групп подпольной организации в Берлине, Саксонии и Тюрингии при выработке генеральной линии КПГ по вопросу о политической борьбе в Германии. И действительно, платформа и опубликованные одновременно с нею материалы имели большое значение для правильной политической ориентации коммунистов-подпольщиков. Платформа устанавливала единую политическую линию борьбы коммунистов-подпольщиков в самой Германии и за ее пределами, выработанную Политбюро ЦК КПГ и осуществляемую Национальным комитетом «Свободная Германия». Поэтому в материалах, опубликованных одновременно с платформой, говорилось:

«Непреложным фактом является то обстоятельство, что не только немецкие коммунисты и Национальный комитет в Москве, но и немецкие эмигранты в Швеции, Англии, а также в Америке проводят политику «Свободной Германии». Подавляющее большинство революционных рабочих у нас на родине, в том числе и «Германская народная радиостанция»[1] со своей программой национального движения за мир, а также и Коммунистическая партия Германии стоят на тех же позициях и проводят широкую политику объединения всех слоев населения...

---

[1] «Volkssender» — подпольная радиостанция КПГ.

Мы, коммунисты, находимся в самой гуще масс. Мы должны быть с ними и не должны отрываться от них. Мы извлекли уроки из прошлого, из истории революции и рабочего движения. Мы поднимем массы на борьбу, выдвигая правильные лозунги и боевую программу, соответствующую обстановке. Нам не смогут помешать в этом деле ультралевые политические младенцы. Такими лозунгами сегодня будут: *«Долой Гитлера!», «Долой войну!», «За свободную, независимую и демократическую Германию!»*

Эти основные лозунги следует дополнить призывами к заводским рабочим, солдатам, крестьянам, женщинам, молодежи, торговцам и предпринимателям, артистам и художникам, ученым и т. д. Таким образом, они совпадут с боевой программой движения «Свободная Германия...»

В платформе «Коммунисты и Национальный комитет «Свободная Германия» агитационные призывы к действиям были сформулированы следующим образом:

1) *«Создавайте единый фронт всех противников Гитлера,* фашизма и империалистической войны!

2) *Саботируйте любую работу, направленную на продолжение войны!* Рабочие и все граждане в военных мундирах! Не стреляйте в ваших братьев на фронте! Братайтесь! Не выпускайте оружия из рук, боритесь с фашизмом! Силой проложите себе дорогу к миру, путь на родину!

3) *Рабочие, крестьяне, буржуа, германские патриоты! Создавайте боевые группы для борьбы против фашизма! Организуйте центры сопротивления и народные комитеты! Обратите свое оружие против палачей и убийц миллионов людей — Гитлера, Гиммлера и их подручных!*

4) Привлекайте к единому фронту борьбы против войны и фашизма женщин, а также иностранных рабочих и работниц с предприятий! Протестуйте против насильственной высылки и насильственной эвакуации ваших жен и детей!

5) Долой всех нацистских главарей, нацистских офицеров и чиновников в армии, в государственном и административном аппарате, на фронте и в тылу! Немецкий народ, офицеры, служащие! Выдвигайте из своих рядов действительно преданных народу руководителей, офицеров и чиновников — противников Гитлера, нацизма и им-

периалистической войны. Антифашистски настроенный немецкий народ *требует слома фашистской государственной машины, разоружения всех фашистов и фашистских наемников и вооружения антифашистски настроенных масс.*

6) Требуйте от выбранных вами руководителей и офицеров отвода немецких войск на границы Германии, заключения немедленного перемирия, а затем и демократического мира на следующей основе:

Независимость и право на самоопределение для всех народов. Отсюда следует:

a) Немедленный отвод войск воюющих держав из всех занятых стран и областей.

b) *Второго Версаля не должно быть! Не допустим расчленения Германии!* Полный суверенитет и независимость Германии, *новой Германии с новым руководством!* Не допустим заключения позорных империалистических экономических и политических договоров!

c) Создание подлинного правительства немецкого народа (свободного и независимого народного правительства).

d) Заключение экономических и политических союзов с рядом государств и прежде всего с СССР.

Германский народ требует от будущего свободного и независимого народного правительства немедленного проведения следующих мероприятий:

1. Восстановить свободу слова, свободу печати и свободу союзов для всего антифашистски настроенного немецкого народа.

2. Освободить всех политических заключенных и полностью их реабилитировать перед общественностью. Пересмотреть приговоры заключенных по уголовным делам и принять закон о широкой амнистии.

3. Предать суду народного трибунала всех военных преступников, повинных в убийстве миллионов людей.

4. Нацистские главари и военные преступники должны понести полную ответственность, как личную, так и материальную, за все военные преступления и ущерб, нанесенный ими как собственной стране, так и оккупированным странам. Не только Гитлер, Геринг, Гиммлер и другие нацистские главари являются создателями и покровителями нацизма, но и Крупп, Рехлинг, Плейгер, а также все военные промышленники, круп-

ные землевладельцы-фашисты, магнаты монополистического и финансового капитала. Необходимо возместить ущерб, нанесенный фашистами населению города и деревни! Поэтому немецкий народ требует:

5. *Полностью лишить крупную буржуазию ее экономического и политического могущества, чтобы сделать таким образом невозможными новые вооружения и новые войны. Все ключевые позиции в государстве и экономике должны перейти в руки народа...»*

В программе имелись еще особые требования, направленные против спекулянтов, требования предоставления жилищ семьям, дома которых были разрушены во время воздушных налетов, отмены варварских расовых законов, законов, касающихся религиозной нетерпимости, отмены принудительного законодательства о молодежи и т. д.

Рассматривая и характеризуя отдельные требования и лозунги этой программы в наши дни, нельзя забывать, что они вырабатывались весной 1944 года. В то время американские и английские империалисты, а вслед за ними и некоторые немецкие эмигранты, как, например, писатель Эмиль Людвиг, требовали полного расчленения Германии. Все усилия коммунистов-подпольщиков, все понесенные ими жертвы были направлены на одну цель: поднять народ на борьбу против Гитлера и его войны и спасти таким путем единство и независимость германской нации. Такое народное восстание, бесспорно, привело бы к иному исходу войны и придало бы другой характер послевоенному развитию. Дело не дошло бы до продолжения безнадежной войны до последней минуты, до тех пор, пока последнее нацистское убежище в Берлине не рухнуло под огнем славной советской артиллерии, до тех пор, пока армии антигитлеровской коалиции не заняли Германию. Если, кроме того, учесть, что в условиях военного положения и глубокого подполья было крайне трудно получить исчерпывающие сведения о международной обстановке, то следует признать, что Антон Зефков и его боевые соратники в основных чертах проводили именно ту политику, которую последовательно проводила КПГ в соответствии с решениями Брюссельской и Бернской конференций и целью которой было создание на широкой основе национального фронта против гитлеровского фашизма и немедленное прекращение преступной войны.

Это положение подтверждается и «Директивами Политбюро ЦК КПГ о работе товарищей в Национальном комитете «Свободная Германия». По этому вопросу товарищ Вальтер Ульбрихт писал в одной из своих заметок в феврале 1944 года:

«Важнейшими задачами в настоящий момент являются:

1. Гитлеровское правительство, правительство национальной катастрофы, должно быть устранено. Но добровольно оно не уйдет со сцены. Армия и народ должны силой принудить его уйти.

2. Германская армия, пока она еще не обескровлена окончательно, должна быть немедленно отведена на прежние границы Германии...

В Политбюро было решено далее, что при разъяснительной работе следует добиваться того, чтобы офицерство, техническая интеллигенция и предприниматели заняли позицию, направленную против продолжения войны. Следует призывать промышленных рабочих к организации совместного сопротивления на предприятиях, к развертыванию народного движения за свержение гитлеровского правительства» [1].

Подпольные коммунистические организации в Германии создавали особые группы для работы среди солдат вермахта. Члены этих групп поддерживали постоянный контакт с солдатами-отпускниками, снабжали их агитационными материалами, устанавливали связи, собирали адреса. Удалось установить связи с одним из отделов Главного командования сухопутных сил и получать таким образом ценнейшую информацию. В пропаганде на Восточном фронте большую роль сыграл призыв, обращенный к немецким войскам, переходить целыми подразделениями на сторону Национального комитета «Свободная Германия». В феврале 1944 года было составлено и размножено «Письмо к солдатам», подписанное «Берлинским комитетом Национального комитета «Свободная Германия». Письмо было обращено к солдатам со следующим призывом:

«Ты, как и все солдаты, должен уяснить себе и решить, *будете ли вы продолжать безнадежно проигран-*

---

[1] Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II, S. 318.

ную войну из страха перед теми последствиями, которыми запугивают вас нацисты и офицеры. Каждый день войны увеличивает вину, которую нам придется искупать. Не думаешь ли ты вместе с нами, что пора покончить со страусовой политикой и действовать?

Пусть для тебя и твоих фронтовых товарищей послужат примером именно те, кто еще в 1933 году поднимал голос против политики Гитлера. Это политические деятели рабочего класса, которых Гитлер изгнал из Германии; это солдаты и офицеры, которые объединились в движении «Свободная Германия», ибо Родина и народ им дороже, чем Гитлер и его клика».

В смертном приговоре по делу руководителей подпольной организации товарищей Антона Зефкова, Франца Якоба и Бернгарда Бестлейна говорится как об «особо тяжком преступлении подсудимых» о том, что они «установили связи с другими коммунистическими группами и представителями социал-демократических, буржуазных, артистических и других антифашистски настроенных кругов».

В результате этих усилий, направленных на установление единого фронта и объединение всех противников Гитлера 22 июня 1944 года состоялась встреча Антона Зефкова и Франца Якоба с социал-демократами — доктором Лебером и профессором Рейхвейном. Последние входили в так называемую Крейзауэровскую группу [1]*. Во время

---

[1] 4 июля 1944 года социал-демократы, принимавшие участие в этой встрече, были арестованы. Глава американской разведывательной службы Аллен Велч Даллес использовал это обстоятельство для того, чтобы оклеветать Антона Зефкова и его боевых товарищей. Бесспорным является факт, что аресты членов Крейзауэровской группы начались уже с января 1944 года. Гестапо удалось заслать в эту группу провокатора доктора Рекцее. Таким путем гестаповцам удалось установить связи этой группы, в том числе и связь с резиденцией Аллена Даллеса в Швейцарии Вполне понятно, что гестапо начало арестовывать социал-демократов, входивших в Крейзауэровскую группу, именно в тот момент, когда их сотрудничество с коммунистами в обстановке развивающегося кризиса на фронте и в тылу могло перерасти в серьезную угрозу для кровавого нацистского господства Коммунист Фердинанд Томас, оклеветанный впоследствии Даллесом, был арестован нацистами, приговорен к смерти и казнен в ноябре 1944 года. Этот факт наносит смертельный удар подлой клевете.

* Крейзауэровская группа (Kreisauer Kreis) — группа буржуазных и аристократических противников Гитлера. Крейзау — имение

этой встречи было решено продолжить сотрудничество в борьбе против Гитлера. К этому же моменту руководители коммунистической подпольной организации установили контакт с другими буржуазными группами Сопротивления, с тем чтобы организовать широкое, подлинно всенародное движение за свержение Гитлера и спасение нации.

Все подпольные коммунистические организации во время войны стремились проявить солидарность по отношению к военнопленным и к иностранных рабочим, старались оказать им помощь всеми возможными способами. Кроме того, было крайне важно установить с ними единый боевой фронт. Немецкие коммунисты, как подлинные немецкие патриоты и пролетарские интернационалисты, видели в насильственно перемещенных в Германию иностранных рабочих и военнопленных своих союзников в борьбе против фашизма и войны, которую они ведут. Поэтому они поддерживали с ними контакт и печатали на их родном языке листовки и информационные материалы. В одном обращении на русском языке к советским военнопленным и так называемым «восточным» рабочим и работницам после характеристики военного и политического положения гитлеровской Германии, данной в обращении, говорилось:

«Мы, германские рабочие, гордимся своим классом и восхищаемся успехами и стойкостью русского народа. Мы шлем вам, пленным красноармейцам и восточным рабочим, наш сердечный привет. За время вашего пребывания в плену и работы на немецких заводах вы узнали, что такое фашистская Германия. Вы увидели, сколь непримиримы противоречия между рабочими и капиталистами...

Революционный рабочий класс Германии чувствует себя связанным узами братской дружбы со всеми иностранными рабочими и прежде всего с вами, русскими. Будем сообща оказывать сопротивление фашизму всюду, где это возможно! Мы должны сохранить свои силы до того момента, когда фашизм будет сломлен не только на

возглавлявшего группу графа Мольтке. В группу входил и ряд социал-демократических лидеров. Участники группы были замешаны в заговоре 20 июля 1944 года. Большинство их во главе с графом Мольтке было казнено после провала заговора.— *Прим. ред.*

фронтах, но и во всех странах мира... Настала пора трубить боевой сбор! С новой силой звучит теперь наш лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Под обращением стояла подпись:

«Революционные рабочие Германии».

В этой связи весьма важно упомянуть, что и во время войны имели место случаи «прекращения работы», то есть забастовки. В нацистском журнале «Ди Лаге», предназначенном лишь для узкого круга высших нацистских чиновников, тогдашний министр юстиции Тирак в статье, написанной летом 1944 года, приводил данные об арестах, произведенных в течение первой половины 1944 года. В таблице, которая была приведена в статье, имелась рубрика, озаглавленная: «Случаи прекращения работы». Под этой рубрикой было сообщено о 12 945 немецких и 193 024 иностранных рабочих, участвовавших в этих забастовках. «Случаи прекращения работы» в период «тотальной войны», бесспорно, являлись весьма действенной формой борьбы против тотальной катастрофы.

Во время неоднократных встреч и бесед между товарищами Антоном Зефковым, Францем Якобом, Тео Нейбауэром, Магнусом Позером, Георгом Шуманном и Отто Энгертом, которые происходили в разное время в Берлине, Лейпциге и Готе, обсуждались не только программные и политические вопросы, но и вопросы организации и методов практической борьбы против гитлеровского режима. Во время встреч имел место обмен политической информацией и материалами, а также обмен листовками, которые издавались различными центрами подпольных организаций. Выше уже упоминалось о доставке листовок из Иены в Лейпциг. Из Берлина также доставлялись листовки в Саксонию, Тюрингию, а также в другие районы Германии. Для выпуска листовок берлинская подпольная организация располагала не только пишущими машинками и гектографами — с весны 1944 года подпольщикам удалось раздобыть печатную машину «американку», что дало возможность значительно увеличить количество выпускаемых листовок.

Таким образом, фактическим результатом совещаний и сотрудничества в организационных вопросах руководителей трех подпольных коммунистических организаций явилось создание центрального оперативного партийного руководства внутри страны. И действительно, в смертном

приговоре по делу Отто Нейбауэра фашистские палачи обвиняли его в том, что он участвовал «в работе по превращению руководящей верхушки подпольных организаций в Берлине, в Тюрингии и Саксонии в организационный центр подпольной работы в масштабах всего рейха...»

Руководящим товарищам из берлинского подполья удавалось временами поддерживать связь и с группой немецких коммунистов, эмигрировавших в Швецию и проводивших там активную антифашистскую работу. Эта связь была установлена с помощью двух шведских антифашистов — шведского моряка и шофера при шведском посольстве в Берлине. Впрочем, эта связь носила весьма нерегулярный характер, ибо зависела целиком от поездок по делам службы этих связных.

Многосторонняя политическая деятельность подпольщиков-коммунистов требовала от них основательной технической и организационной подготовки. Поэтому проводить ее подпольщики могли, лишь опираясь на активное содействие многочисленных противников Гитлера в стране. Для финансирования своей работы подпольщики проводили кампании по сбору средств среди рабочих на различных предприятиях, приносившие им значительные суммы денег. Бернгарду Бестлейну удалось во время воздушного налета бежать из тюрьмы предварительного заключения в Берлине и присоединиться к организации Зефкова, в руководстве которой он принял участие. Ему, как и другим подпольщикам, необходимы были явочные квартиры, одежда и продовольствие. Для того чтобы обеспечить этих товарищей всем необходимым, среди рабочих на различных предприятиях был проведен сбор продовольствия, продовольственных карточек и одежды. Так же обстояло дело в Саксонии и Тюрингии. Мы видим, следовательно, что коммунистам-подпольщикам, которым при малейшей неосторожности грозила смертельная опасность, приходилось, кроме этого, преодолевать тяжелые материальные трудности. Все это особенно ярко свидетельствует о героизме коммунистов, боровшихся за то, чтобы свергнуть Гитлера и таким путем окончить войну.

Враги немецкого рабочего движения и всего немецкого народа своими суровыми приговорами отважным подпольщикам из организации Антона Зефкова по

существу показали, как велико было значение их героической, тщательно продуманной борьбы, дали своего рода оценку своим политическим противникам. Так, в приговоре фашистского трибунала говорилось:

«Зефков, Якоб и Бестлейн — старые коммунистические функционеры. Они полны ненависти к нашему фюреру и государству и даже не пытались скрыть это в ходе судебного процесса. Их не переубедить, они неисправимы. Ни наказание, которое они уже отбывали ранее по обвинению в подготовке государственной измены, ни последующее заключение в концлагере не оказали на них ни малейшего действия. *На пятом году войны эти люди стремились возродить компартию и разложить ряды вермахта и развернули в этом направлении столь активную деятельность, что она превратилась в серьезнейшую опасность для государства»*.

Этот приговор гестаповских палачей является «высшим» признанием заслуг немецких коммунистов — героических, самоотверженных борцов за спасение немецкого народа от катастрофы, к которой привел его Гитлер. Существует также и другая оценка деятельности коммунистов, данная не кем иным, как шефом американской разведки в Швейцарии господином Алленом Даллесом, братом государственного секретаря США Фостера Даллеса. В своей книге «Заговор в Германии» Аллен Даллес характеризует расстановку сил в Германии в момент заговора 20 июля 1944 года. В этой связи он приводит одно сообщение, автором которого якобы является Адам фон Тротт цу Зольц [1]. В этом сообщении говорилось:

«В Германии имеется коммунистический Центральный комитет, который осуществляет общее руководство работой коммунистов в Германии. Этот комитет связан с Национальным комитетом «Свободная Германия» в Москве и пользуется поддержкой русского правительства. Его влияние значительно усилилось ввиду наличия в Германии миллионов русских военнопленных и рабочих. Многие из них прибыли организованно по тайному приказу Москвы. Их деятельности способствуют недостатки в работе персонала немецкой охранной службы.

---

[1] Тротт цу Зольц — гитлеровский дипломат, впоследствии участник Крейзауэровской группы и заговора 20 июля 1944 года. Казнен в 1944 году. — *Прим. ред.*

Из России постоянно поступают конструктивные идеи и планы создания послевоенной Германии. Коммунисты распространяют эти планы и идеи среди немецкого народа, прежде всего путем хорошо организованных подпольных кампаний.

Демократические страны, напротив, не могут предложить никаких планов относительно будущего Центральной Европы. Руководители немецких социалистов подчеркивают, что крайне важно как можно быстрей восполнить этот пробел и таким образом оказать противодействие растущему коммунистическому влиянию.

Усиление позиций левых экстремистов приняло ошеломляющие размеры и не прекращается ни на минуту [1]».

Аннедоре Лебер, жена одного из социал-демократических лидеров Юлиуса Лебера, уверяла в одной из своих статей, написанной в 1947 году, что она была свидетельницей «одной беседы, целью которой было подготовить Тротт цу Зольца к переговорам, которые ему, возможно, придется вести в Швеции с иностранными представителями». Таким образом, совершенно ясно, что Юлиус Лебер относился к тем социалистическим лидерам, с которыми Аллен Даллес поддерживал контакт с помощью Тротт цу Зольца. Если Тротт цу Зольц правильно передавал взгляды социал-демократических лидеров — а в этом, согласно еще целому ряду источников, вряд ли можно сомневаться, — эти последние опасались роста коммунистического влияния и влияния освободительной политики Советского Союза. Именно поэтому они искали помощи у американских империалистов, которые стремились только к одной цели — национальному порабощению немецкого народа при сохранении господства монополистического капитала в Германии.

Американским империалистам, преследовавшим подобные цели, понятно, не нужно было антифашистское народное восстание, к которому стремились коммунисты-подпольщики в своей героической борьбе. Американским империалистам нужен был, самое большее, военный заговор, который устранил бы Гитлера от власти, но не затронул бы господства монополистического капитала.

---

[1] Allen Welsh Dulles, Verschwörung in Deutschland, Kassel, 1948, S. 171 – 172.

На такой точке зрения полностью сходились и реакционные руководители заговора 20 июля 1944 года и их американские вдохновители. Недаром братья Даллес, как нынешний государственный секретарь, так и шеф разведывательной службы, принадлежали именно к той группе американских финансовых и промышленных магнатов, которая и в период гитлеровской диктатуры и даже во время второй мировой войны теснейшим образом сотрудничала с германскими монополистами. Они относились именно к тем американским миллионерам, которые наживались не только на американских военных поставках, но благодаря картельным соглашениям с немецкими монополистами и на немецких военных поставках. Эти люди уже в то время стремились избавить немецких империалистов и милитаристов от заслуженной кары и сохранить их экономическую мощь. Они стремились господствовать в Германии, но в этой побежденной, покоренной, а если возможно, то и раздробленной Германии господство класса капиталистов должно было сохраниться в неприкосновенности. Поэтому Даллес боялся и ненавидел героически боровшихся коммунистов-подпольщиков и стремился их оклеветать. Но для тех, кто жертвовал собой во имя правого дела на благо немецкого народа, подобная клевета является лишь признанием их истинных заслуг.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЗАГОВОРА
20 июля 1944 года

Описывая героическую борьбу коммунистов-подпольщиков за спасение нации необходимо кратко остановиться на политической сущности событий 20 июля 1944 года. В Западной Германии и, что весьма характерно, в США появилось за последние годы огромное количество публикаций, посвященных этим событиям. Если допустить, что все, что господин Даллес и другие сообщают нам о планах заговора и покушении на Гитлера, разработанных немецкими генералами, является правдой, то трудно сказать, чего здесь было больше — то ли глупости, нерешительности и трусости самих генералов, то ли слепоты, неспособности и расхлябанности гестапо. По этим сведениям получается, что начиная с 1938 года не было года, когда бы генералы вермахта не планировали бы арест, свержение Гитлера и, наконец, покушение на него. Но в последний момент всегда появлялось какое-то препятствие, у господ генералов душа уходила в пятки и ничего не получалось. Многое было впоследствии придумано, многое крайне раздуто. Разумеется, у представителей генералитета были сомнения по поводу гитлеровской внешней политики, гитлеровских методов ведения войны и непрерывного расширения войны. Наиболее дальновидные среди генералов больше всего боялись войны на нескольких фронтах. Однако в то же время остается фактом, что все гитлеровские походы подготавливались в военном отношении и затем осуществлялись теми же военными. Легкие победы, одержанные Гитлером, и понесенные им впоследствии катастрофические поражения являются одновременно легкими победами и катастрофическими поражениями германского генералитета. В действительности серьезные разногласия между

Гитлером и отдельными его генералами начались лишь после ударов, нанесенных вермахту Советской Армией, после поражения немцев под Москвой, после военной катастрофы Гитлера под Сталинградом и последовавших за ней непрерывных поражений на Восточном фронте.

Историческая правда настолько ясна и неоспорима, что даже такой завзятый милитарист, как генерал фон Типпельскирх в своей «Истории второй мировой войны» главу о «заговоре» 20 июля 1944 года начал следующей фразой:

«*Со времени катастрофы под Сталинградом* среди тех кругов офицерского состава армии, которые имели возможность глубже и полнее осмыслить происходящее, постоянно нарастало чувство протеста против принципов, которыми руководствовался Гитлер при планировании и проведении операций на фронтах» [1].

Политические цели, которые преследовал заговор 20 июля 1944 года, заключались отнюдь не в прекращении войны путем свержения власти Гитлера и не в установлении действительной власти народа в Германии, *а в прекращении войны на нескольких фронтах и продолжении войны только на одном фронте, а именно против Советского Союза.* В этом вопросе мистер Аллен Даллес, истинный вдохновитель реакционных участников заговора 20 июля, — вполне надежный свидетель. В своей книге он сообщает о донесении, посланном им в начале апреля 1944 года в Вашингтон. В этом донесении Даллес характеризовал позицию Герделера и генерала Бека на основании информации, полученной им от своих доверенных лиц — Гизевиуса и Ветьена. В донесении говорилось, что «люди, планирующие описываемый переворот, настроены консервативно, хотя и готовы сотрудничать с любыми левыми элементами, кроме коммунистов. Главным мотивом их деятельности является их горячее желание не допустить установления фактического и идеологического господства русских в Центральной Европе» [2].

Несколькими страницами ниже Даллес пишет:

«В начале мая 1944 года Гизевиус получил из Берлина план, составленный группой военных заговорщиков.

---

[1] Kurt von Tippelskirch, Geschichte des zweiten Weltkrieges, Bonn, 1951, S. 497.

[2] Allen Welsh Dulles, Verschwörung in Deutschland, S. 170.

План попрежнему основывался на предположении, что немцам удастся капитулировать только перед Западом. Основная идея плана заключалась в том, что антинацистски настроенные генералы *откроют американским и английским войскам свободную дорогу для занятия Германии, но одновременно будут продолжать сопротивление русским на Восточном фронте*»[1].

В донесении от 13 июля Аллен Даллес сообщал в Вашингтон:

«В случае успеха заговора *немецкие войска начнут планомерное отступление на Западном фронте. Одновременно с этим лучшие немецкие дивизии будут сконцентрированы на Восточном фронте,* чтобы там защищать границы Германии»[2].

Таким образом, политический смысл заговора заключался в том, чтобы ликвидировать Гитлера и предотвратить развитие серьезного всенародного движения в Германии. Реакционные монополисты в Германии вкупе с реакционным генералитетом должны были получить возможность заключить союз с наиболее реакционными силами американского и английского империализма и вместе с ними продолжать войну против СССР, первого в мире государства рабочих и крестьян.

В воззвании, заготовленном Герделером на случай, если покушение на Гитлера удастся, об этом было сказано без всяких прикрас. В этом воззвании, которое должен был подписать генерал Бек, говорилось, между прочим, следующее:

«...Убедившись, что совесть наша чиста перед богом, мы решили с этой целью взять в свои руки государственную власть. Наш доблестный вермахт — порука безопасности и порядка. Полиция выполнит свой долг»[3].

Комментарии излишни. Герделер и Бек намеревались опереться на полицию Гиммлера и Геринга, полицию фашистской диктатуры, чтобы получить возможность продолжать войну «в обстановке порядка и спокойствия». Поэтому не удивительно, что в проекте правительственного заявления, составленного заговорщиками, не преду-

---

[1] Allen Welsh Dulles, Verschwörung in Deutschland, S. 174.

[2] Там же, стр. 176.

[3] Rudolf Pechel, Deutscher Widerstand, Erlenbach — Zürich, 1947, S. 306.

сматривалось освобождение всех политических заключенных. Заговорщики обещали лишь «по возможности скорее» ликвидировать концентрационные лагери, при этом говорилось, что «невиновные будут отпущены на свободу, а виновные предстанут перед законным судом» [1]. Вероятно, по мысли авторов проекта, решать вопрос о «виновности» или «невиновности» антифашистов должны были те самые «законные судьи», которые до и после 1933 года узаконили фашистский террор. Что касается коммунистов, то до тех пор, пока их «невиновность» не будет доказана, они должны были бы оставаться в концлагерях, лишенные возможности возглавить трудящиеся массы и стать во главе подлинно народного восстания, которого Бек и Герделер боялись как черт ладана.

В проекте воззвания, которое будущий «рейхсканцлер» Герделер должен был опубликовать в прессе, этот страх ясно отразился в следующих словах:

«Наступил момент претворить этот замысел в жизнь, так как истекают последние мгновения. Иначе нам придется второй раз пережить ноябрьскую революцию 1918 года» [2].

Нет, Бек и Герделер не стремились к демократическому перевороту и вовсе не желали покончить с войной. Напротив, они писали в своем «Воззвании к немецкому народу»:

«Наша первая задача заключается в том, чтобы устранить варварские методы ведения войны (следовательно, вовсе не окончить войну. — *О. В.)*, прекратить убийство мирных людей и уничтожение культурных и экономических ценностей за линией фронта. Мы все знаем, что мы не властны над войной и миром. Мы твердо полагаемся на наш *несравненный вермахт* и, горячо веруя в непреложность задач, которые ставит перед человечеством божественное провидение, мы сделаем все, не страшась жертв, чтобы защитить отечество и восстановить справедливый и прочный порядок; чтобы вновь жить честно и свободно, как это было прежде, соблюдая заповеди божьи» [3].

---

[1] Rudolf Pechel, Deutscher Widerstand, Erlenbach — Zürich, 1947, S. 315.
[2] Там же, стр. 310.
[3] Там же, стр. 306.

За этими ханжески-благочестивыми фразами скрывалось только одно: заговорщики обещали немецкому народу лишь прекращение бомбежек за линией фронта, о чем надеялись договориться с союзниками. Война же должна была продолжаться. Ведь речь шла лишь об устранении варварских методов ведения войны. Заговорщики даже не обещали освободить оккупированные страны и отвести свой вермахт на границы Германии. В проекте правительственной декларации было лишь дано обещание, что «до тех пор, пока чужие территории будут оккупированными, народам этих областей будет обеспечено право на самоуправление, а тяготы, связанные с пребыванием немецких войск в этих местностях, будут, насколько возможно, облегчены для населения» [1].

Доктор Герделер, которому предназначался пост рейхсканцлера, недаром прошел политическую школу немецко-национальной партии и не случайно уже при Гитлере был в течение трех лет обер-бургомистром Лейпцига и комиссаром гитлеровского правительства по вопросам цен. От Герделера и от подобных ему политиков, например, типа генерального директора Фридриха Лёзера с пушечных заводов Круппа, не приходилось ожидать истинно демократического переворота и обновления Германии. Не приходилось ждать этого и от генералов, которые обильно были представлены в списке будущего правительства, составленном заговорщиками.

В этой связи возникает вопрос, правильным ли было со стороны Зефкова и руководимых им коммунистов-подпольщиков искать связи не только с социал-демократами, которые должны были войти в правительство Герделера, но и с представителями его непосредственного окружения? Политика руководства подпольной организации Зефкова была, бесспорно, правильной! В создавшейся обстановке коммунисты-подпольщики должны были стремиться к сотрудничеству со всеми силами, готовыми бороться за свержение Гитлера. Конечно, коммунисты не должны были обольщаться иллюзиями в отношении своих временных союзников, но их у Зефкова и его товарищей никогда и не было. Рудольф Пехель, из книги которого цитировалось приведенное выше программное заяв-

---

[1] Rudolf Pechel, Deutscher Widerstand, Erlenbach—Zürich, 1947, стр. 313.

ление Герделера, пишет в той же книге о беседе, состоявшейся 29 июня 1944 года между его женой и товарищем Францем Якобом. Согласно этому сообщению, Франц Якоб правильно оценивал обстановку. Он сказал тогда:

«В настоящем положении мы согласны на союз даже с дьяволом, читай с генералами, чтобы осуществить совместно с ними государственный переворот» [1].

При этом находящаяся в подполье КПГ должна была сохранить свою самостоятельность и проводить свою собственную политику, направленную на мобилизацию масс. Если бы удалось свергнуть гитлеровское правительство, перед коммунистами, как и перед всеми честными антифашистами, встала бы задача мобилизовать массы и осуществить подлинно демократический переворот в Германии. К этой цели и стремились руководящие товарищи организации Зефкова.

Однако свергнуть гитлеровское правительство не удалось. План военных и буржуазных заговорщиков предусматривал покушение на Гитлера, а если будет возможно, то и на Геринга и Гиммлера и ликвидацию их. После этого заговорщики намеревались занять высшие посты в государственном аппарате. Они надеялись на то, что после ликвидации Гитлера весь генералитет будет выполнять их указания. Для проведения этой операции был выработан точный план, основным и исходным пунктом которого должно было стать удачное покушение на Гитлера.

В настоящее время в Западной Германии вряд ли найдется хотя бы один генерал, который не заявлял бы, что он был убежденным противником Гитлера и, уж по меньшей мере, противником его методов ведения войны. Конечно, заявление этих запоздалых «антигитлеровцев» нельзя принимать всерьез. Но следует сказать, что у заговорщиков было много сторонников и своих людей, занимавших ответственные посты в армии, в разведке и контрразведке и даже в гестапо и СС. Но, несмотря на имевшиеся у них возможности, несмотря на оружие всех родов, находившееся у них в распоряжении, несмотря на то, что им подчинялись целые войсковые части, заговорщики все-таки стремились избежать открытой вооруженной борьбы и просто боялись ее.

---

[1] Rudolf Pechel, Deutscher Widerstand, Erlenbach — Zürich, 1947, S. 70.

Характерна в этом свете та задача, которую заговорщики возложили на полковника Штауффенберга, человека решительного и обладавшего, бесспорно, большим личным мужеством. На фронте Штауффенберг потерял глаз, левую руку и три пальца на правой руке. И вот, по задуманному плану, все нити заговора сходились в единственной почти беспалой руке Штауффенберга, который должен был произвести покушение на Гитлера в его ставке в Вольфшанце и после этого немедленно лететь обратно в Берлин, чтобы возглавить там заговор. Отвага и готовность к самопожертвованию, конечно, делают честь полковнику Штауффенбергу, но тем более позорным и жалким выглядит поведение генералов-заговорщиков, поручивших двойную сложнейшую задачу искалеченному человеку, который в момент опасности не смог бы даже прибегнуть к оружию. Сама смерть не смыла с них этот позор.

20 июля 1944 года прилетевшему в Вольфшанц полковнику Штауффенбергу удалось незаметно подложить бомбу замедленного действия в зале для совещаний Гитлера. Однако при взрыве бомбы Гитлер отделался лишь испугом. Полагая, что покушение удалось, Штауффенберг немедленно вернулся в Берлин, чтобы приступить к проведению дальнейших операций. Но находившийся в ставке Гитлера генерал Фельгибель, командовавший войсками связи и являвшийся участником заговора, не выполнил мер по полной изоляции ставки в Вольфшанце от внешнего мира, как это было намечено. Поэтому приближенные Гитлера, оправившись от первого испуга, получили полную возможность принять контрмеры. А в это время в кабинете генерала Ольбрихта в Главном штабе вооруженных сил в Берлине развертывалась нелепая трагикомедия. Ее участники, вместо того, чтобы немедленно приступить к решительным действиям и сломить сопротивление войск, оставшихся верными нацизму, теряли время в бесцельных спорах и искали мотивы для оправдания своих будущих действий до тех пор, пока нацисты не оправились от потрясения, которое они все же испытали, несмотря на всю беспорядочность в действиях заговорщиков. Вслед за тем нацисты нанесли жестокий и решительный ответный удар.

Губительная нерешительность и потрясающее дилетантство в подготовке и проведении путча весьма харак-

терны для заговорщиков-военных, тех самых генералов, которые нисколько не колебались, посылая на смерть сотни тысяч солдат. Капитан Герман Кайзер, состоявший при штабе командующего войсками тыла генерал-полковника Фромма и являвшийся связным между Герделером и военными кругами, записывал в своем дневнике еще 20 февраля 1943 года: «...одни согласны действовать только по получении приказа, а другие хотят приказывать лишь после того, как действия начнутся сами собой». Не менее метко охарактеризовал положение в своем дневнике и посол Ульрих фон Хассель. «Похоже, — писал он, — что господа генералы дожидаются, пока гитлеровское правительство само отдаст им приказ свергнуть его».

Подобная позиция генералитета и его союзников — представителей крупного капитала, объясняется глубокими социальными и классовыми причинами. Заговорщики стремились спасти для германских империалистов то, что еще можно было спасти. Для этого они хотели свергнуть Гитлера. Но одновременно они боялись рабочего класса и хотели предотвратить взрыв народной революции, которая вместе с гитлеровским режимом смела бы и его оплот — юнкеров и магнатов финансового капитала. В этом и заключается коренная причина неудачи заговора 20 июля 1944 года.

УБИЙСТВО ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА

После неудавшегося покушения 20 июля 1944 года заговорщики, по сути дела, отказались от всякой борьбы. Заговор был подавлен. Он послужил для Гитлера и гестапо предлогом для невиданного еще доселе кровавого террора против антигитлеровцев и антифашистов. Чудовищная жестокость, с которой был нанесен удар по всем противникам Гитлера, в значительной степени проливает свет на то обстоятельство, что в последние недели и месяцы гитлеровского господства, когда нацистский режим находился при последнем издыхании, народные массы не поднялись против него.

Во время этих массовых убийств, посредством которых гитлеровцы рассчитывали уничтожить все силы, способные ускорить их собственную гибель, всех тех, кто мог бы встать во главе освобожденной Германии, 18 августа 1944 года в концентрационном лагере Бухенвальд был убит и товарищ Эрнст Тельман, незабвенный вождь Коммунистической партии Германии. Свыше 11 лет провел Эрнст Тельман в фашистских застенках, где он подвергался невообразимым истязаниям и пыткам. Эрнст Тельман явил собой великий пример непримиримости и бесстрашия в борьбе против кровавого гитлеровского господства. Несмотря на то, что нацисты старались совершенно изолировать Тельмана от всего мира, он, благодаря своему несгибаемому мужеству и политической дальнозоркости, и в фашистских застенках служил образцом для всех коммунистов и честных антифашистов, обладая огромной притягательной силой. Эрнст Тельман постоянно находил возможность передавать Коммунистической партии Германии через свою жену и дочь советы и мнения по разным политическим вопросам. Несмотря

на все преграды, коммунисты всегда знали о бесстрашии и стойкости Эрнста Тельмана, о его непоколебимой вере в победу правого дела рабочего класса, в победу великой страны социализма — СССР. Известны пророческие слова, сказанные Тельманом в период наступления гитлеровских войск и их первоначальных успехов в войне против Советского Союза: «Сталин свернет Гитлеру шею!»

Судьба Эрнста Тельмана всегда была предметом постоянных дум и забот КПГ, ее руководящих органов и каждого коммуниста в отдельности. Все кампании солидарности, направленные на освобождение пленников гитлеровского фашизма, начинались с призыва: «Спасите Эрнста Тельмана!» Из всех стран мира поток требований, протестов и апелляций направлялся нацистским властям, те же требования выставляли и иностранные делегации. Не меньшее количество посланий с выражением чувства солидарности посылалось и самому Эрнсту Тельману как из Германии, так и из-за границы. Однако эти послания доходили до него очень редко. Еще в 1935 году КПГ предприняла смелую попытку вырвать Тельмана из кровавых лап палачей. Однако из-за неосторожности одного из участников эта попытка потерпела неудачу. В 1944 году Антон Зефков и его ближайшие соратники также разрабатывали план освобождения Тельмана из Баутценской тюрьмы. Все это было выражением того чувства высокой ответственности за судьбу Эрнста Тельмана, которое испытывал каждый коммунист.

Сам Эрнст Тельман прекрасно понимал, что с победоносным наступлением советских армий и ухудшением общего положения нацистского режима для него и для других пленников гитлеровских бандитов возрастает угроза гибели от рук нацистских палачей. Уже в январе 1944 года он в ответ на письмо одного из товарищей по заключению в Баутцене писал:

«В такой обстановке гитлеровский режим не отступит ни перед чем, чтобы заблаговременно устранить Тельмана, то есть удалить его или прикончить его раз и навсегда» [1].

[1] «Ernst Thälmann, der Organisator und Führer der revolutionären Massenpartei der deutschen Arbeiterklasse», Dietz Verlag, Berlin, 1952, S. 88. (См. приложение к русскому переводу книги: Вилли Бредель, Эрнст Тельман, Издательство иностранной литературы, 1955, стр. 204. Печатается по тексту журнала «Большевик», № 21, 1950.— *Прим. ред.*)

Этим документом, вышедшим из-под пера Эрнста Тельмана, имеющим равно и политическое и общечеловеческое значение, он воздвиг памятник не только себе, но и своим соратникам, которые, подобно ему, жертвовали собой во имя будущего германского рабочего класса и счастья германского народа. Пусть он послужит вечным, вдохновляющим примером для нас и для немецкой молодежи. В этом письме было сказано:

«Что же наиболее характерно для личности? То, что человек в любой момент подчиняет все свое бытие идее, стремясь достигнуть чего-то высшего. История жизни нашей сурова, поэтому она требует человека всего целиком. Ты, я и все соратники в борьбе за наше великое дело, все мы должны быть сильными, стойкими, боевыми, уверенными в будущем, ибо быть солдатом революции — это значит хранить нерушимую верность делу, такую верность, которая проверяется жизнью и смертью; это значит проявлять безусловную преданность, уверенность, волю к борьбе и энергию в любых ситуациях. Пламя, которое озаряет наши сердца и наполняет наш дух, как яркий светоч, ведет нас по полям битвы нашей жизни. Твердые и верные характером, уверенные в победе, только такими мы сможем повернуть нашу судьбу и выполнить наш революционный долг в той великой исторической миссии, которая на нас возложена, и добиться окончательной победы подлинного социализма.

Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли недаром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!»

(Гете, «Фауст». — *Ред.*)[1]

Светлый образ Эрнста Тельмана вдохновлял и укреплял стойкость и мужество заключенных в тюрьмах и концлагерях и подвергавшихся мучениям и пыткам коммунистов и антифашистов. Коммунисты не прекращали своей борьбы даже в концлагерях и тюрьмах. Это была ожесточенная, упорная, в высшей степени неравная

---

[1] «Ernst Thälmann, der Organisator und Führer der revolutionären Massenpartei der deutschen Arbeiterklasse», Dietz Verlag, Berlin, 1952, S. 89. (См. приложение к книге Вилли Бределя «Эрнст Тельман», стр. 205—206.)

борьба, в которой солидарность, чувство товарищества заключенных, их самоотверженная помощь друг другу противостояли бесчеловечности, беспредельной жестокости и садизму нацистских наемников и палачей. Солидарность сохраняла жизнь тысячам истерзанных и измученных товарищей, наполняла новым мужеством сердца отчаявшихся и укрепляла их волю к жизни. Коммунисты-заключенные и в концентрационных лагерях, весь режим которых был направлен на то, чтобы разобщить заключенных и согнуть их каждого поодиночке, сохраняли свою организованность и дисциплину. Партия и здесь укрепляла способность к сопротивлению и волю к борьбе у коммунистов. Даже буржуазные противники Гитлера, не скрывавшие своей вражды к коммунистам, в своих воспоминаниях, опубликованных после 1945 года, вынуждены были признать, что десятки тысяч заключенных обязаны жизнью коммунистам, чья организованность, солидарность и самоотверженность помогли им вынести мучения в нацистских застенках.

Коммунисты умели пробить стену изоляции, окружавшую тюрьмы и концлагери, ухитрялись получать политическую информацию, а также поддерживать у заключенных способность к политическому мышлению и подготавливать их к выполнению грядущих задач.

Во время войны, когда эсэсовцы до предела усилили кровавый террор в концлагерях, коммунисты в концентрационном лагере Саксенхаузен изучали философский труд Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и черпали в нем уверенность в конечной победе.

Однако и это было не все. Повсюду, где заключенные привлекались к работе, они делали все возможное, чтобы затормозить ход военной машины и воспрепятствовать производству военной продукции. Одним из наиболее ярких примеров героизма подпольщиков является работа коммуниста Альберта Кунтца, заключенного в лагере «Дора», пользовавшемся мрачной известностью. Заключенные здесь работали в подземных цехах, где изготовлялись ракетные снаряды «Фау-1». Под руководством Альберта Кунтца здесь была создана группа немецких антифашистов, которые боролись против истребления иностранных военнопленных, погибавших сотнями от голода и эпидемий. Кроме того, осуществлением актов

саботажа группа в то же время стремилась помешать продолжению безумной гитлеровской войны с помощью так называемого «секретного оружия» — ракетных снарядов. Альберт Кунтц был схвачен эсэсовцами. Его подвергли невероятным пыткам. Но Кунтц не выдал ни одного человека. Он был убит 23 января 1945 года.

Мы привели здесь лишь один пример героической борьбы коммунистов, которые не щадили себя, продолжая даже в обстановке жесточайшего террора в тюрьмах и концлагерях борьбу за окончание войны и спасение своего народа. Подобных примеров стойкости и самопожертвования можно насчитать сотни и тысячи.

В совместной борьбе против жестокости и зверств эсэсовцев в концлагерях и тюрьмах выковывались иные отношения между коммунистами, социал-демократами и профсоюзными деятелями. Солидарность в борьбе против общего врага в немалой степени способствовала созданию предпосылок для объединения впоследствии обеих рабочих партий Германии в Социалистическую единую партию Германии, так же как и для образования единых свободных немецких профсоюзов. В особенности в последние годы войны нацисты заключали в концлагери и тюрьмы все большее число христианских и других противников Гитлера. Солидарность и помощь, которую оказывали им находившиеся уже в течение многих лет в заключении коммунисты, привели к новым отношениям между ними, и этим отношениям не могли помешать политические разногласия и различия в мировоззрении. Лучшие и наиболее последовательные представители антифашистски настроенных христианских и буржуазных кругов после разгрома нацизма стали проводить политику блока антифашистских демократических партий. Они приняли участие в строительстве нового, демократического строя и превратились в союзников рабочего класса в борьбе за длительный прочный мир и демократическое единство Германии.

Чувство особой ответственности испытывали немецкие коммунисты по отношению к своим товарищам из братских партий и патриотам-антифашистам, которых эсэсовцы и гестаповцы согнали из разных стран в немецкие концлагери и массами истребляли. В первую очередь это относилось к военнопленным советским солдатам и офицерам. Десятки тысяч советских военнопленных были зверски

умерщвлены в концлагерях. В борьбе против этих зверств исключительную роль сыграли интернациональные комитеты сопротивления, которые создавались в концлагерях из представителей всех угнетенных гитлеровцами народов и из немецких антифашистов. Благодаря активной работе по подготовке к освобождению этим комитетам удалось в дни и недели окончательного разгрома фашизма советскими победоносными войсками предотвратить много злодеяний гестаповских и эсэсовских палачей, которые и в последние часы пытались уничтожить живых свидетелей своих преступлений. Общая борьба немецких антифашистов и патриотов из порабощенных гитлеровцами государств и совместно перенесенные ими страдания в немалой степени способствовали тому, что, несмотря на тягчайшие преступления гитлеровского фашизма, Германская Демократическая Республика быстро установила отношения дружбы и взаимного доверия со всеми демократическими и миролюбивыми народами.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Три дня спустя после заговора 20 июля 1944 года Вальтер Ульбрихт писал в газете «Фрейес Дейчланд», органе Национального комитета «Свободная Германия», что в данный момент требуется «всеми средствами воспрепятствовать Гитлеру продолжать войну на немецкой земле и не дать ему превратить Германию в руины».

«Необходимо любой ценой помешать маньяку Гитлеру в его стремлении разрушить те последние основы, на которых еще может быть возрождена Германия».

Статья кончалась призывом: *«Гитлер — враг нации! Повернем оружие против Гитлера!»* [1]

Хотя немецкие коммунисты в самой Германии, а также в Советском Союзе и в других странах, где они находились в эмиграции, делали все возможное, чтобы предотвратить превращение Германии в театр военных действий, добиться этого все же не удалось. В рядах вермахта и среди офицерства не оказалось достаточного количества людей, готовых поднять восстание против Гитлера и покончить с войной. К пониманию этой необходимости они обычно приходили только тогда, когда попадали в плен.

Победоносное наступление Советской Армии развивалось с неудержимой силой. В октябре 1944 года Советская страна была освобождена и советские войска вышли к границам Восточной Пруссии. 12 января 1945 года Советская Армия перешла в решающее наступление на всем огромном фронте от Балтийского моря до Карпат, под ударами которого фронт гитлеровских армий буквально развалился. В этот период гитлеровская партия

[1] Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II, S. 334 — 335.

и послушные Гитлеру генералы вермахта совершили тягчайшие преступления против немецкого народа. Они стремились удержать Восточный фронт любой ценой — ценой гибели и разорения миллионов мужчин, женщин и детей, уничтожения всех основ промышленности и сельского хозяйства, разрушения путей сообщения и уничтожения продовольственных запасов. Спекулируя на противоречиях в лагере антигитлеровской коалиции, они рассчитывали даже отбросить Советскую Армию и добиться заключения сепаратного перемирия с западными державами. В этом стремлении Гитлер, Геббельс, Геринг и Гиммлер проявляли полное единодушие с генералитетом вермахта. В этот период эсэсовский генерал Карл Вольф, в течение многих лет являвшийся начальником личного штаба и ближайшим сотрудником Гиммлера, возглавлявший в Италии эсэсовские войска и полицию, в полном согласии с фельдмаршалом Кессельрингом, а затем со сменившим его на посту командующего немецкими войсками в Италии генерал-полковником Фитингофф-Шеелем установил связь с шефом американской разведывательной службы Алленом Даллесом, находившимся в Швейцарии. В ходе этих переговоров 19 марта 1945 года в Асконе на вилле промышленного магната Стиннеса состоялась встреча доверенного лица Гиммлера Вольфа с Алленом Даллесом, в которой приняли участие эксперт Даллеса по германским вопросам Геро фон Шульце-Геверниц, а также два генерала союзников — американский генерал Л. Лаймен-Лемницер и английский генерал Фиренс С. Эйри. Эти господа договорились в общих чертах об условиях сепаратной капитуляции. Их план сводился к тому, чтобы отвести немецкие войска из Италии, а по возможности и со всего Западного фронта, которым к тому времени командовал Кессельринг, и направить их для продолжения войны на Восточный фронт. К счастью для немецкого народа, этот сговор главы американской разведывательной службы с эсэсовскими палачами, направленный на продолжение войны, был сорван благодаря бдительности советского правительства.

В Западной Германии одним из «известных современных» историков немецкого милитаризма считается некий Вальтер Гёрлиц, в «трудах» которого курьезно переплетаются геббельсовские небылицы и попытки любой ценой

реабилитировать германский генералитет, использующий при этом заведомо фальсификаторские утверждения американских поджигателей войны. Гёрлиц, описывая в своем двухтомном «произведении» вторую мировую войну, вынужден был сделать ряд признаний о последнем этапе гитлеровской войны:

«Было решено все области, занимаемые немецкими войсками, превратить теперь в зону пустыни; должны быть разрушены все промышленные предприятия, продовольственные склады, мосты, железные и автомобильные дороги, плотины, здания телеграфа, радиостанции и рудники... Начальник Главного штаба вооруженных сил фельдмаршал Кейтель и начальник партийной канцелярии рейхслейтер Борман совместно издали строжайший приказ, согласно которому каждый город следовало защищать до последнего солдата. Командиры, не выполнявшие этого приказа, предавались военно-полевому суду. Специальные команды, ликвидировавшие мирных жителей, которые пытались заблаговременно вывесить белый флаг при приближении противника, сеяли смерть и разрушения... солдат, дезертировавших из своих частей, вешали на придорожных столбах. Смерть косила людей повсюду...» [1]

Главный штаб гитлеровского вермахта, похвалявшийся некогда тем, что в Советском Союзе немцы оставляли за собой лишь мертвую зону, ныне превращал всю Германию в такую же зону смерти. Нацистские учреждения и специальные эсэсовские отряды приступили к насильственной эвакуации миллионов людей. В жестокие морозы, под вой снежных буранов сотни тысяч больных и стариков, женщин и детей совершали свой последний, страшный путь к смерти. По приказу нацистов сжигались села, угоняли скот. Дороги немецкого отступления были усеяны трупами тысяч голов крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец и коз, бессмысленно уничтоженных гитлеровцами на своем пути.

В то время как бесноватый Гитлер свирепствовал на востоке Германии, на промышленные города на западе страны сыпался град бомб. Массированные воздушные налеты американской и английской авиации превращали

---

[1] Walter Görlitz, Der zweite Weltkrieg (1939—1945), Stuttgart, 1952; Bd. II, S. 543—544.

целые кварталы в дымящиеся развалины. В пламени под бомбами гибли сотни тысяч мужчин, женщин и детей. Только один Берлин в течение 80 дней 84 раза подвергался массированным воздушным налетам американской и английской авиации. Старинный центр немецкой культуры Дрезден, а также множество других городов стали жертвами английских и американских бомб и зажигательных снарядов.

Таким образом к началу 1945 года речь шла, в полном смысле слова, о спасении немецкого народа и основ его дальнейшего существования. 25 января 1945 года в речи по радио, которая транслировалась по радиостанции Национального комитета «Свободная Германия», товарищ Вальтер Ульбрихт так охарактеризовал сложившуюся обстановку:

«В данный момент боевые задачи, стоящие перед противниками Гитлера на фронте и в тылу, слились воедино. Антифашисты и противники Гитлера на фронте могут помешать нацистским главарям превратить наши родные города в поля сражений, если они группами или целыми войсковыми соединениями станут отходить с фронта в родные города и будут помогать народу силой оружия освобождать свои города и деревни от господства нацистов. Немецкие солдаты и офицеры должны встать на сторону народа, который хочет немедленного прекращения войны. Народ стремится сбросить иго нацизма...

Каждый противник Гитлера должен любыми средствами добыть оружие. Антифашисты, создавайте вооруженные отряды! Объединяйтесь с насильственно угнанными иностранными рабочими и военнопленными! Создавайте подлинный фольксштурм, подлинно народное ополчение, которое с оружием в руках проложит себе путь к освобождению наших городов и сел от нацистских бонз. Создавайте и возглавляйте народные комитеты, которые возьмут в свои руки судьбы наших городов. Для каждого немца, любящего свою родину, существует сегодня только один лозунг: «Весь огонь своего оружия — против Гитлера! Смерть нацистским бонзам! Всенародная борьба за новую, демократическую Германию!» [1]

---

[1] Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II, S. 377—378.

Если и раньше немецкие антифашисты и военнопленные немецкие солдаты и офицеры переходили через линию фронта с целью организации в самой Германии борьбы против террора эсэсовцев и полевой жандармерии, то теперь борьба немецких борцов сопротивления против нацистского террора и продолжения войны более чем когда-либо соответствовала требованиям национального долга. Наряду с испытанными антифашистами этот долг осознали многие немецкие солдаты и офицеры. Часть отрядов немецких борцов сопротивления действовала за линией фронта, вела агитацию среди солдат вермахта, разъясняя им, что каждый день продолжающейся войны подрывает основы существования немецкого народа. Кроме того, бойцы этих отрядов передавали командирам отдельных воинских частей послания, подписанные генералами и офицерами, членами Национального комитета «Свободная Германия», которые призывали своих бывших сослуживцев проникнуться чувством ответственности и не жертвовать более жизнью своих солдат ради того, чтобы продлить жизнь гитлеровцев, ведущих нацию к гибели. Главная задача антифашистских отрядов сопротивления за линией фронта заключалась в том, чтобы уничтожать нацистские штабы и руководящие учреждения, занимать путем внезапных налетов города и села, препятствуя тем самым продолжению бессмысленной борьбы, в ходе которой они подверглись бы неминуемому разрушению. Эти группы, состоявшие из немецких антифашистов и солдат, часто действовали в тылу, далеко от линий фронта, если вообще в эти недели и месяцы развала гитлеровской военной машины можно было еще говорить об определенной линии фронта. Палач Гиммлер вынужден был признать эффективность этих отрядов. 17 февраля 1945 года он издал специальное постановление, которое, «согласно приказу фельдмаршала Кейтеля», «надлежало немедленно довести до сведения личного состава всех частей Восточного фронта». В этом постановлении Гиммлера приводился следующий случай:

«Незадолго до приближения большевиков к Вартегау во двор одного крестьянина, жившего в этой местности, неожиданно въехал автомобиль. Вышедший на зов хозяин, увидел в автомобиле человека в немецкой офицерской шинели... Приезжий оказался его братом, который в середине прошлого года попал под Витебском в

плен к русским. Он рассказал ему, что из части немецких военнопленных созданы особые роты».

Разумеется, Гиммлер понимал, чем грозят ему и его эсэсовским палачам такие антифашистские отряды. В тот момент Гиммлер занимал пост командующего армейской группой «Вейхсель» («Висла»). В качестве такового он отдал приказ своим войскам:

«Каждая воинская часть должна быть готова к столкновению с подобными ротами, которые в случае их появления подлежат немедленному уничтожению...»

Приведенный приказ был полон обычной нацистской лжи, с помощью которой Гиммлер стремился запугать немецких солдат и вынудить их продолжать сопротивление. Однако в то же время этот приказ является бесспорным доказательством того, что действия немецких партизан, связанные, конечно, с известными жертвами, были весьма небезуспешны. Эти люди, вместе с советскими войсками сражавшиеся против Гитлера с оружием в руках, помогали скорее закончить войну и тем самым спасли жизнь огромному числу немцев — мужчин, женщин и детей — и предотвратили уничтожение больших материальных ценностей.

В эти дни сторицей оправдало себя то, что руководство КПГ нелегально посылало в страну испытанных товарищей в качестве своих уполномоченных, не считаясь с опасностью, с которой была связана работа этих людей, и понесенными ими жертвами. Одним из таких уполномоченных, которым удалось успешно выполнить задание, был товарищ Винцент Поромбка. Весной 1943 года он был сброшен с парашютом над Восточной Пруссией. Преодолев многочисленные препятствия, Поромбка прибыл в Верхнюю Силезию, где он когда-то работал. Несмотря на преследования и террор, в крупнейших городах, промышленных поселках, на предприятиях и шахтах Верхней Силезии оставались еще сравнительно сильные подпольные группы КПГ. Под руководством товарища Романа Лигендца этим группам удавалось поддерживать некоторую связь друг с другом. Они всячески препятствовали жесточайшему угнетению польского населения Силезии нацистами и стремились объединить здесь всех противников Гитлера. Велась также систематическая разъяснительная работа среди солдат расположенных в Силезии немецких частей, а также среди солдат-отпуск-

ников. Коммунистическим группам удалось здесь наладить в сравнительно широких масштабах поддержку и помощь советским военнопленным и насильственно перемещенным советским гражданам, которые в невероятно тяжелых условиях работали на рудниках и металлургических заводах Силезии. Многим из них они спасли жизнь, организовав их побег. Некоторым из освобожденных таким путем советских патриотов удалось пробиться на территорию Польши, где к тому времени уже действовали советские партизанские соединения, и принять в рядах партизан участие в скончательном разгроме гитлеровского фашизма.

Товарищ Поромбка своими советами и информацией оказал большую помощь руководителям коммунистических подпольных групп в Силезии. Вступая в фольксштурм, силезские коммунисты и другие антифашисты своей разъяснительной работой среди ополченцев добивались того, что целые соединения фольксштурма отказывались сражаться против наступающих советских войск. Это оказало известное влияние и на регулярные войсковые части, которые стали стараться отступать без боя. Благодаря своевременно полученной информации подпольщикам удалось с помощью рабочих мостостроительной фирмы «Августин» в Цабрце (Гинденбург) сорвать выполнение нацистского приказа о взрыве мостов, заводов и шахт. Город Цабрце и населенные пункты в его окрестностях почти совсем не пострадали от разрушений. На следующий же день после занятия Цабрце советскими войсками, командование которых было проинформировано о работе подпольщиков, в городе начали бесперебойно работать предприятия пищевой промышленности, магазины и транспорт. Коммунисты города немедленно приняли меры для возобновления работы остальных промышленных предприятий и принялись за восстановление нормальной хозяйственной жизни города. Товарищ Поромбка после освобождения города вновь перешел линию гитлеровского фронта и направился в Саксонию, чтобы организовать там сопротивление бессмысленным приказам гитлеровского командования.

Вскоре после падения Кенигсберга товарищ Ульбрихт в своей речи по радио сформулировал лозунги Политбюро КПГ, выдвинутые еще в начале 1945 года.

«Трудящееся население городов! — говорил в своей речи Вальтер Ульбрихт. — Не давайте нацистским бонзам возможности эвакуировать склады. Не давайте им взрывать электростанции, газопровод и водопровод! Не забывайте о завтрашнем дне! Вы будете жить, когда нацистских главарей больше не будет и в помине! Но условия вашей будущей жизни зависят от того, насколько своевременной будет капитуляция, которая спасет от разрушения ваши родные города.

Освобождайте ваши родные города от господства нацистских бонз — и вы будете спасены!» [1]

Несмотря на огромные жертвы, понесенные именно коммунистами после неудавшегося заговора 20 июля 1944 года, несмотря на массовые аресты членов партии, уцелевшие подпольные коммунистические группы не отказались от дальнейшей борьбы против гитлеровского режима. Кровавые оргии гитлеровских палачей, бессмысленное массовое уничтожение людей, разрушительные последствия налетов англо-американской авиации и, наконец, тяжелая разруха, которая захватила в этот период и почти полностью парализовала транспорт, почту и снабжение, конечно, в очень большой степени осложнили организованную работу подпольщиков и связь между подпольными группами. Но, несмотря на это, во всех частях Германии, в особенности в крупных промышленных городах, активно действовали коммунисты, которые руководствовались в своей работе указаниями своей партии и Национального комитета «Свободная Германия». Повсюду, где требовалось путем своевременной капитуляции или прекращения военных действий предотвратить разрушение городов и сел, действовали отважные сыны и дочери коммунистической партии. Особо следует упомянуть о коммунистах-подпольщиках Лейпцига, которые продолжали свою работу и после ареста и казни руководителей подполья во главе с Георгом Шуманном и которые сумели проявить максимальную активность в последние недели войны. Согласно сообщениям лейпцигских товарищей, за несколько дней до приближения к городу американских войск они распространили листовки с призывом к фольксштурмовцам и населе-

---

[1] Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II, S. 397—398.

нию покончить с войной и предохранить от разрушения то немногое, что еще оставалось у немецкого народа. В открытом письме к тогдашнему обер-бургомистру города Фрейбергу было выдвинуто требование сдать город без боя. В момент вступления американских войск в город отдельные группы сторонников Национального комитета «Свободная Германия» активно участвовали в ликвидации последних очагов сопротивления гитлеровцев. В некоторых местах подпольщикам с оружием в руках приходилось преодолевать жестокое сопротивление. Женщины были в первых рядах, они не давали солдатам рыть окопы и оборудовать новые пулеметные гнезда на улицах города. Некоторые солдаты просили дать им гражданскую одежду и, получив ее, скрывались, бросая оружие. Особенно отмечался в сообщениях лейпцигских подпольщиков случай, происшедший в эти дни на углу Торгауерштрассе и Бюлов-плац. Одна из армейских частей решила организовать здесь долговременную оборону, но, натолкнувшись на сопротивление населения, должна была отказаться от осуществления этого плана. Особенно решительную борьбу с начавшимися грабежами вели группы Национального комитета «Свободная Германия».

Подпольная группа рабочих-антифашистов в Средней Германии также продолжала борьбу, которая привела к тому, что в апреле 1945 года подпольщики фактически взяли в свои руки политическую власть в городе Эйслебене. Созданная здесь сильная и разветвленная подпольная группа непрерывно росла и укреплялась уже с конца лета 1940 года. В ней, как и в других подпольных группах, сотрудничали коммунисты, социал-демократы, профсоюзные активисты, а также демократически настроенные представители буржуазии. Главные опорные пункты подпольной рабочей группы в Средней Германии были в Эйслебене, на заводах «Бунаверке» и на заводе по переработке горючего в Люцкендорфе. Группа имела свои отделения или своих доверенных лиц в Вейсенфельсе, на шахте «Элиза» в Мюхельне, на сахарном заводе Штобница, шахте «Леонгард», на заводах «Лейна» и в городе Цейтце. В период с 1943 до начала 1945 года подпольщики распространили свою деятельность и на целый ряд заводов индустриального района Галле — Мерзебург, а также на многие шахты, металлургические заводы и деревни Мансфельдского района.

В начале 1943 года была выработана и напечатана «Боевая программа антифашистской Рабочей группы Средней Германии». В ней говорилось, что военное, политическое и экономическое положение гитлеровской Германии безнадежно. Единственным выходом из этого положения является совместная борьба рабочих-коммунистов и социал-демократов в общих группах сопротивления. В программе указывалось, что необходимо создавать боевые комитеты на предприятиях, в городах и селах, призывать всех антифашистов, стремящихся к миру, и всех антигитлеровцев к сотрудничеству и совместной борьбе за окончание войны и свержение Гитлера. Содержание программы распространялось среди рабочих в виде листовок. Боевому комитету Рабочей группы Средней Германии удалось организовать ряд более или менее значительных актов саботажа, направленных на подрыв военного производства. При этом подпольщики сотрудничали с доверенными лицами из иностранных рабочих, которых было особенно много на крупных предприятиях. Так, например, спустя день после свержения Муссолини 3 тысячи итальянских рабочих, работавших на заводе по переработке горючего в Люцкендорфе, объявили в 10 часов утра забастовку, собрались у своих бараков и потребовали немедленной отправки на родину. Только путем массовых арестов и жестокой кровавой расправы эсэсовцам, гестаповцам и полицейским удалось заставить итальянских рабочих вновь выполнять нацистскую барщину. Однако благодаря стойкости арестованных итальянцев гестапо не удалось раскрыть их связи с немецкими подпольщиками.

С помощью комсомолки Валентины Хезаковой подпольная Рабочая группа Средней Германии наладила связь с лагерями так называемых «восточных рабочих» и с небольшими группами советских военнопленных, работавших на различных предприятиях в районе Мансфельда. От них подпольное руководство узнало, что в цех по переработке металлического лома на металлургическом заводе Кругхютте была доставлена статуя Ленина. По указанию подпольной организации она была спрятана в надежном месте и предохранена от разрушения.

Видя, что час окончательного разгрома нацистского режима приближается, руководство Рабочей группы

Средней Германии в июле 1944 года решило созвать конференцию руководителей подпольных групп и доверенных лиц. Конференция происходила на территории завода по переработке горючего в Люцкендорфе в помещении склада, принадлежавшем берлинской фирме «Вендт». Один из служащих этой фирмы, работавший старшим монтером на заводе, был членом подпольной организации. В конференции приняло участие около 30 человек. Те из них, которые не работали на заводе, были снабжены пропусками на территорию завода. Один из подпольщиков, служивший в заводской охране, и группа иностранных рабочих охраняли склад во время совещания. Кроме немецких антифашистов, в конференции приняли участие два итальянца, один поляк и один голландец.

После краткой характеристики обстановки, которую дал один из двух руководителей подпольной организации, руководителям групп и доверенным лицам было указано на необходимость готовиться к массовым выступлениям в связи с приближающимся крушением нацистского режима, а также к активной борьбе за свержение Гитлера и принятию мер по обеспечению снабжения населения после разгрома нацистов. Подпольщики наметили также мероприятия по взятию в свои руки административной власти и управлению экономикой района. После конференции была выпущена листовка, содержавшая лозунги, выдвинутые подпольщиками в качестве руководства к действию. В них говорилось о создании антифашистских гражданских комитетов в городах и деревнях, об организации на предприятиях вооруженных групп самозащиты, об осуществлении контроля над складами продовольствия, предприятиями пищевой промышленности и магазинами и о необходимости помешать их эвакуации или уничтожению. Мобилизации в вермахт и в фольксштурм, а также полная дезорганизация транспорта в последней фазе войны, наступившая в результате военных действий и воздушных налетов, ослабили подпольную организацию и нарушили связь между ее отдельными группами. Но, несмотря на это, подпольщикам в начале апреля удалось создать в Эйслебене антифашистский комитет и распространить в большом количестве экземпляров воззвание «К мансфельдцам!». Им удалось также спасти от разрушения и разграбления про-

довольственные склады и магазины. Созданный антифашистский комитет отдал приказ частям фольксштурма сдать без боя позиции в предместьях Эйслебена. Тем самым город был спасен от разрушительного обстрела американской и английской артиллерии и от воздушных налетов. Комитет разместился в ратуше, и американские войска, вступившие в город, должны были признать его в качестве новой власти в городе. Впрочем, американское командование всеми средствами препятствовало работе комитета и даже предприняло попытку сместить с поста бургомистра коммуниста. Однако эта попытка натолкнулась на сопротивление трудящихся и была сорвана.

Оба руководителя антифашистской Рабочей группы Средней Германии, товарищи Роберт Бюхнер и Отто Готше, заканчивают свой отчет о создании, деятельности и борьбе этой организации описанием торжественного для города дня — 3 июля 1945 года. В этот день в Эйслебен вступили советские войска, которые принесли наконец полное освобождение борцам-антифашистам. Вот что писали товарищи Бюхнер и Готше:

«На рыночной площади красное море знамен. В старой, много повидавшей на своем веку ратуше разместилась новая, демократическая власть — представительный орган рабочего класса. Его осеняет славное знамя горняков Кривого Рога, которое старый коммунист Отто Брозовский сохранил и не выдал фашистам даже под пытками в тюрьме. А на площади высится статуя Ленина, которая была надежно спрятана во времена фашизма и во время американской оккупации. Памятник Ленину стоит как наглядное доказательство того, что даже во мраке фашистской ночи здесь, в этой части Германии, не погас факел пролетарского интернационализма, как доказательство того, что мы не опозорили знамя партии Эрнста Тельмана и держим его всегда высоко поднятым».

БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ

Гитлеровский режим неудержимо катился к гибели. Но вставал вопрос: какова будет судьба Германии после свержения господства Гитлера? На этот вопрос видные государственные деятели антигитлеровской коалиции, разумеется, отвечали совершенно по-разному. В соответствии с планами и желаниями американских и английских империалистов безоговорочная капитуляция гитлеровского командования и слом нацистского государственного аппарата должны были означать ликвидацию всякой национальной независимости германского народа и уничтожение германского государства вообще. На основании официальных высказываний таких американских политических деятелей, как Эллиот Рузвельт, Гопкинс, Маршалл, Гарриман и Корделл Хелл, газета «Курир», выходившая по французской лицензии в Берлине, опубликовала в декабре 1948 года статью, в которой были изложены планы расчленения Германии, предложенные США и Великобританией на Тегеранской конференции в ноябре — декабре 1943 года. Газета писала:

«Рузвельт выступил за разделение рейха на ряд суверенных независимых государств, как-то: урезанная Пруссия, Нижняя Саксония, Гессен вместе с Пфальцем, затем государство на юге Германии, которое включило бы Баварию, Вюртемберг и Баден, и, наконец, на севере государство, включающее Гамбург и области, расположенные к северу и югу от Кильского канала. Обе промышленные области, Рур и Саар, согласно этому плану, отбирались у немецкого народа и отдавались под международный политический и экономический контроль.

Черчилль предлагал отделить от Германии Пруссию, а южногерманские земли включить в состав Дунайской федерации, которую следовало, по его мнению, создать».

Однако благодаря противодействию советской делегации в Тегеране, возглавляемой И. В. Сталиным, англо-американские планы расчленения Германии и уничтожения единого германского государства были сорваны. Это ясно даже на основании упомянутых выше американских данных.

Но американские и английские империалисты не собирались без борьбы отказаться от своих планов расчленения Германии и уничтожения единой германской нации. На англо-американской конференции в Квебеке в сентябре 1944 года было решено ликвидировать промышленный потенциал Рурской и Саарской областей и передать их под контроль Объединенных Наций. В заключительной части соглашения, подписанного Рузвельтом и Черчиллем, говорилось: «Эта программа преследует цель ликвидировать военную промышленность Рурской и Саарской областей и превратить Германию главным образом в страну земледелия и пастбищного скотоводства».

Таким образом, так называемый план Моргентау, предусматривавший не только расчленение Германии, но и ликвидацию ее высокоразвитого промышленного производства, стал официальной политической программой английского и американского правительств.

Попытки добиться от Советского правительства согласия на осуществление этих планов предпринимались неоднократно. Западным державам нечего было возразить на заявление товарища Молотова 11 апреля 1947 года на Московском совещании министров иностранных дел.

«Примерно через год после Тегерана, — говорил тогда товарищ Молотов, — а именно — в октябре 1944 г. в Москву приезжали г-н Черчилль, тогдашний премьер-министр Великобритании, и г-н Иден, тогдашний министр иностранных дел Великобритании. В переговорах с Советским правительством г.г. Черчилль и Иден представили от имени британского правительства свой план раздела Германии... на три части» [1].

---

[1] В. Молотов, Вопросы внешней политики, М., 1947, стр. 435.

В противоположность этим замыслам И. В. Сталин еще 23 февраля 1942 года перед всем миром произнес свои известные слова о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаётся».

Спустя всего полгода в своей речи по случаю XXV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1942 года И. В. Сталин сформулировал три задачи в войне против гитлеровской Германии: «Наша первая задача, — говорил товарищ Сталин, — ...в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей». Вторую задачу товарищ Сталин видел в том, «чтобы уничтожить гитлеровскую армию и её руководителей» и, наконец, третья задача заключалась в том, «чтобы разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей»[1]. Определяя задачи Советского Союза в войне, товарищ Сталин заявил ясно и недвусмысленно:

«У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию»[2].

Определение этих задач соответствовало не только интересам народов, подвергшихся нападению Гитлера, но и интересам самого немецкого народа. Обеспечить независимое национальное существование немецкого народа и создать единое, демократическое, миролюбивое германское государство в центре Европы можно было, только уничтожив фашистский аппарат насилия, лишив власти монополистов — вдохновителей фашизма, уничтожив фашистскую армию и прусско-германский милитаризм со всеми его социальными корнями и подвергнув наказанию всех до одного военных преступников. В Ялтинской декларации в феврале 1945 года нашли свое выражение принципы советской внешней политики, направленной в противоположность англо-американским планам расчленения Германии на обеспечение прочного мира в Европе. В декларации говорилось:

«*В наши цели не входит уничтожение германского народа.* Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут

[1] И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 75—76.

[2] Там же, стр. 75.

искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций» [1].

Немецкие коммунисты знали о планах расчленения и уничтожения Германии, которые вынашивались в кругах англо-американских империалистов. Именно поэтому они с особенной радостью приветствовали заявление И. В. Сталина в день безоговорочной капитуляции 9 мая 1945 года о том, что «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию» [2].

Совершенно иную позицию заняли после победы западные союзники и прежде всего правительство Черчилля. Перед тем как покончить жизнь самоубийством и таким путем трусливо уклониться от ответственности за свои безмерные кровавые преступления, Гитлер 29 апреля 1945 года назначил адмирала Деница «рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вооруженными силами». Этот нацистский командующий военно-морским флотом не только принял наследство из рук Гитлера, но и не постеснялся в своем «обращении к немецкому народу» от 1 мая 1945 года прославлять трусливое чудовище — Гитлера и заявить, что вооруженная борьба продолжается. Весьма характерно, каким образом он намеревался продолжать войну на территории Германии. 2 мая 1945 года в приказе генерал-фельдмаршала Кейтеля было объявлено о капитуляции германских войск в северных районах страны перед англичанами. 4 мая английским главнокомандующим Монтгомери и пятью гитлеровскими генералами было подписано соглашение о капитуляции «всех германских войск в Голландии, северо-западной Германии, включая острова, и в Дании». А 5 мая 1945 года главный штаб вермахта издал секретную директиву, в которой говорилось:

«Борьба на Востоке продолжается, несмотря ни на что...» [3] По сути дела это были те же самые коварные планы, о которых Аллен Даллес докладывал Вашингтону еще в мае — июне 1944 года. Показательно также и то,

[1] «Внешняя политика Советского Союза», т. III, стр. 103.

[2] И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 193.

[3] Walter Lüdde-Neurath, Regierung Dönitz, die letzten Tage des Dritten Reiches, Göttingen, 1950, S. 146.

что 6 мая 1945 года Иодль был командирован к Эйзенхауэру в штаб-квартиру союзников с полномочиями подписать капитуляцию на Западе, но не на Востоке. В своем устном докладе Деницу Иодль говорил, что «длительная беседа с начальником штаба Эйзенхауэра генералом Беделлом Смитом породила у него надежду на то, что капитуляции на Востоке можно будет избежать» [1]. Вскоре, впрочем, эта надежда рассеялась, как сообщал об этом личный адъютант Деница, ввиду позиции Эйзенхауэра, которая определялась «политическими обязательствами».

Монтгомери предоставил фашистскому правительству Деница «экстерриториальную зону», с тем чтобы обеспечить ему и главному штабу вермахта «возможность действовать». Личный адъютант Деница писал по этому поводу:

«Поскольку мне известно, такое решение не было доведено до нашего сведения, но, несмотря на это, небольшой участок территории в районе Фленсбург — Мюрвик не был занят английскими войсками и было установлено разграничение зон между Иодлем и командующим английскими войсками в этом районе.

Правительство и главный штаб вермахта сохранились здесь в неприкосновенности и не испытывали никаких затруднений. Всем офицерам, а также батальону охраны было оставлено оружие. И после вступления в силу акта о безоговорочной капитуляции, подписанного 9 мая, в первое время положение не изменилось» [2].

Грязной возне этого «правительства» гитлеровских последышей, члены которого, чувствуя себя в безопасности в своем «энклаве», продолжали щеголять фашистскими орденами, полученными за разбой и убийства, был положен конец только благодаря решительному вмешательству Советского Главнокомандования 23 мая 1945 года. Теперь мы знаем, что за этим сговором англичан с правительством Деница таились коварные планы, осуществление которых обрекло бы наш народ на полное уничтожение. 23 ноября 1954 гола Уинстон Черчилль, выступая по случаю собственного 80-летия в Вудфорде, похвалялся тем, что еще до того, как кончилась вторая мировая

[1] Walter Lüdde-Neurath, Regierung Dönitz, die letzten Tage des Dritten Reiches, S. 75.

[2] Там же, стр. 118.

война, в дни, когда немцы сдавались в плен сотнями тысяч, он послал телеграмму Монтгомери, в которой приказывал ему тщательно складывать и сохранять немецкое оружие, с тем чтобы его можно было в любой момент вновь раздать немцам и направить их против советских войск. Это чудовищное заявление Черчилля проливает новый свет на пункт третий секретной директивы Кейтеля, о которой уже упоминалось выше. Этот пункт гласил: «Оружие надлежит сдавать организованно и в полном порядке лишь после соответствующего требования противника» [1].

Этот сговор Черчилля и Монтгомери, с одной стороны, и клики гитлеровских последышей во главе с Деницем — с другой, является вдвойне чудовищным. Во-первых, он был осуществлен в то время, когда тот же Черчилль еще громогласно восхвалял «славные успехи» и «триумфальные победы» советских войск, которые перед самым концом войны спасли британские войска от позорного поражения (в Арденнах. — *Ред.)*. Во-вторых, продолжение войны и налеты англо-американской бомбардировочной авиации приводили к опустошительным разрушениям в Германии и ставили ее под угрозу эпидемий и голода, что в конечном счете вызвало бы невиданных масштабов катастрофу, которая закончилась бы немедленным расчленением Германии. Каждый немец должен ясно представить себе, чем грозит ему ремилитаризация, которую теперь, десять лет спустя, вновь навязывают ему все те же Черчилль и Даллес.

Именно потому, что в дни разгрома гитлеровского рейха опасность, грозившая немецкому народу, была исключительно велика, слова Сталина о том, что Советский Союз не собирается расчленять или уничтожать Германию, придали новое мужество немецким коммунистам и всем антифашистам. Они могли теперь приступить к решению стоявших перед ними сложнейших задач, будучи уверенными в том, что могучий Советский Союз является их подлинным союзником в деле защиты жизненных интересов и прав немецкого народа.

Потсдамское соглашение прочно легло в основу политики антифашистских и демократических сил Германии

---

[1] Walter Lüdde-Neurath, Regierung Dönitz, die letzten Tage des Dritten Reiches, S. 147.

именно потому, что в нем нашли свое выражение основные принципы советской политики. Потсдамское соглашение предусматривало, что военные преступники и их вдохновители понесут справедливое наказание и их могущество в Германии будет полностью уничтожено. Последовательное проведение этой политики избавило в тогдашней советской зоне оккупации немецкий народ от кровожадного, хищнического германского империализма. В Потсдамском соглашении была предусмотрена полная демилитаризация Германии. Последовательное проведение в жизнь этого соглашения должно было избавить немецкий народ и от прусско-германского милитаризма, который дал возможность германскому империализму дважды в течение жизни одного поколения развязать мировую войну.

ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАСЛУГА КПГ

Без преувеличения можно сказать, что именно немецкие коммунисты были теми людьми, которые больше, чем кто-либо другой, помогли своему народу найти выход из хаоса в дни, предшествовавшие капитуляции гитлеровского командования, и в дни после ее подписания. Еще в начале февраля 1945 года Политбюро ЦК КПГ выработало директивы, которыми немецкие антифашисты должны были руководствоваться в своей работе в районах Германии, занятых Советской Армией. Эти директивы предусматривали проведение весеннего сева, для того чтобы обеспечить население продовольствием, подбор и обучение надежных кадров для нового управленческого аппарата, установление взаимопомощи между городом и деревней, подготовку земельной реформы и, наконец, реорганизацию обучения в школах.

Коммунисты первыми вступили в борьбу против фашизма и войны. Несмотря на огромные жертвы, понесенные ими в борьбе против военных преступлений Гитлера, они ни на минуту не прекращали ее. И когда встала задача обеспечить народу условия существования и спасти его от хаоса и разрухи, доставшихся в наследство от разгромленного гитлеровского режима, первыми за выполнение этой задачи вновь взялись коммунисты. Только что выйдя из подполья, выйдя на свободу из тюрем и концлагерей, вернувшись из ссылки и штрафных батальонов, коммунисты, нередко сами измученные и больные, засучив рукава брались за дело, чтобы среди развалин создавать элементарные условия для возрождения мирной жизни и ликвидировать опасность голода, нищеты и эпидемий.

Нацисты и их бюрократический аппарат бросили все на произвол судьбы. Они сожгли архивы и документы,

разрушили служебные помещения и трусливо попрятались в своих крысиных норах. Для того чтобы дать населению, и в первую очередь горожанам, все необходимое, то есть продовольствие, воду, электричество, газ и наладить транспорт, нужно было прежде всего создать новый управленческий аппарат.

Исключительной заслугой командования Советской Армии, ее офицеров и специалистов являются мероприятия по обеспечению немецкого населения всем необходимым, которые были им проведены быстро и успешно. Однако немцы должны были сами позаботиться о своем дальнейшем существовании.

В этих условиях КПГ сконцентрировала все свое внимание на выполнении основных жизненно важных задач. Она приступила к созданию нового управленческого аппарата, организации снабжения населения, устранению опасности болезней и эпидемий и стала налаживать нормальную хозяйственную жизнь страны. Придерживаясь выработанной ими политической линии, коммунисты стремились при этом привлечь к активному сотрудничеству все антифашистские и демократические силы и прежде всего бывших социал-демократов и профсоюзных активистов. Так среди дымящихся развалин, в городах, лишенных еще воды, освещения и транспорта, закладывались основы нового антифашистского строя. Коммунисты успешно боролись с настроениями безнадежности и апатии и поднимали массы на строительство новой жизни.

Еще до открытия Потсдамской конференции было разрешено в советской зоне оккупации 10 июня 1945 года создание политических партий. Советский Союз был, следовательно, первым и единственным государством среди оккупировавших Германию держав, предоставившим полную возможность свободного развития антифашистским и демократическим силам, основным ядром которых являлись партии рабочего класса. Это был акт, предоставляющий свободное развитие для антифашистских, демократических сил, подвергавшихся жесточайшим преследованиям и понесшим столь огромные жертвы в период гитлеровской диктатуры. Свободное развитие антифашистских, демократических сил создало необходимые предпосылки для возникновения на месте разбитого фашистского государственного аппарата германского

империализма нового, демократического строя, нового, демократического государства. Искоренение нацизма и милитаризма должно было происходить одновременно с развитием и укреплением антифашистских сил германского народа.

В сложившейся обстановке Коммунистическая партия Германии была, бесспорно, ведущей и мобилизующей политической силой. Благодаря своей неуклонной и последовательной политической борьбе в период гитлеровской диктатуры КПГ была единственной партией, которая смогла предложить германскому рабочему классу и всему германскому народу ясную и четкую программу. Эта программа была изложена в воззвании ЦК КПГ к трудящимся города и деревни от 11 июня 1945 года. В начале воззвания КПГ разоблачала и клеймила нацистский режим и его вдохновителей — магнатов монополистического капитала. Воззвание содержало также суровую, но справедливую критику в адрес немецкого народа и немецкого рабочего класса, в нем не замазывались ошибки КПГ и недостатки в ее работе. В воззвании говорилось:

«Теперь, после всех перенесенных страданий и несчастий, после позора Германии, после окончания самого темного периода в германской истории, после крушения «третьего рейха», рабочие социал-демократы должны согласиться с нами, что фашистская чума захлестнула Германию потому, что в 1918 году виновные в развязывании войны преступники не были наказаны, потому, что не велась борьба за истинную демократию, потому, что реакция получила в Веймарской республике полную свободу, и потому, наконец, что антисоветская травля, проводимая некоторыми демократическими лидерами, расчистила Гитлеру дорогу к власти, а подрыв политики антифашистского единого фронта парализовал силы народа.

Поэтому сегодня мы говорим:

Ошибки 1918 года не должны повториться!

Покончим с расколом трудящихся!

Никакой пощады нацизму и реакции!

Навсегда покончим с враждой против Советского Союза! Ибо повсюду, где разжигается такая вражда, сразу же поднимает голову империалистическая реакция!»

Учитывая эти жестокие уроки прошлого, ЦК КПГ сформулировал десять первостепенных, неотложнейших задач по демократическому обновлению Германии. В числе их были такие имеющие важнейшее и решающее значение для преобразования общественного строя, для Германской Демократической Республики, задачи, как полная ликвидация последышей гитлеровской партии и остатков гитлеровского режима, конфискация всего имущества нацистских главарей и военных преступников, уничтожение крупных помещичьих владений, отчуждение крупных имений юнкеров, графов и князей и передача всей земли, а также живого и мертвого инвентаря в распоряжение провинциальных и земельных управлений для последующего распределения их среди обездоленных и разоренных войной крестьян. Далее в программе содержалось требование передачи всех предприятий жизненно важного общественного и коммунального значения, как-то: транспорта, водопровода, газовой сети, электростанций и т. д., а также предприятий, хозяева которых эмигрировали, в распоряжение органов местного, общинного или провинциального самоуправления земель.

Коммунистическая партия заявила, что задачу восстановления Германии и возрождения немецкого народа можно успешно выполнить лишь в том случае, если произойдет прочное объединение всех антифашистских, демократических и прогрессивных сил страны. Исходя из этого компартия предлагала на основе выработанной ею программы действий создать блок антифашистских демократических партий. Этот блок должен был стать основной силой в борьбе за полную ликвидацию остатков гитлеровского режима и за создание демократического строя.

Так открылась новая страница в истории немецкого народа. То обстоятельство, что именно Советский Союз внес основной, решающий вклад в дело разгрома гитлеровского фашизма, позволило начать новую главу в истории нашего народа и в истории германского рабочего движения. Наряду с этим важная заслуга принадлежит здесь и Коммунистической партии Германии. Ее последовательная политика, ее неустанная работа, ее активная борьба против милитаризма и империализма, наконец, огромные жертвы, понесенные ею в борьбе против гит-

леровского фашизма,— все это создало предпосылки для наступления новой эры германской истории. В этом заключается великая, немеркнущая историческая заслуга Коммунистической партии Германии.

Поэтому ЦК КПГ в своем первом воззвании после разгрома гитлеровской тирании мог с полным правом заявить:

«Коммунистическая партия Германии была и остается партией решительной борьбы против милитаризма, империализма и империалистических войн. Партия никогда не сходила с этого пути. Она всегда высоко держала знамя Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Эрнста Тельмана и Джонни Шеера. Мы, коммунисты, с гордостью оглядываемся на пройденный путь тяжелой борьбы, в которой отдали жизнь наши лучшие и вернейшие товарищи!» [1]

---

[1] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946», S. 424.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отто Винцер

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ

Редактор *Л. З. ПОЛЯКОВА*

Художник *Г. А. Щетинин*

Технический редактор *М. П. Грибова*

Сдано в производство 1/XII 1955 г. Подписано к печати 6/II 1956 г.
А-00973. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$.=4,0 бум. л. 13,1 печ. л. Уч.-изд. л. 13,4
Изд. № 6/2917. Цена 6 р. 45 к. Зак. 922

Издательство иностранной литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

20-я типография Главполиграфпрома Министерства культуры СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52